

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 10 • №1 • 2024 ГОД

Подписной индекс 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 10 • № 1 • 2024 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2024, Т. 10, № 1

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге

«Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 15.04.2024. Дата выхода в свет 25.04.2024

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 15.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ № 68.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юлин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2024

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 10 • № 1 • 2024

JURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS CROSSREF KIBERLENINKA

*The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017*

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2024, V. 10, no. 1

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public legal (State legal) sciences
- 5.1.3. Private legal (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal legal sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФЦ № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФЦ № 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 15.04.2024.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 15.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order № 68.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU.

Since 2015 the Journal is included in the Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

Научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2023» 7

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С., Юдин А. В. Космическое право: поиск и утверждение юридической идентичности 11

Кривокапич Б. Д. Позитивные действия в сфере прав человека и связанные с ними проблемы 20

Danilović N. Epistemological-methodological approach to the research of the media sphere of armed conflicts 29

Астапенко И. В. Нормотворческие процедуры в ЕАЭС 38

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Журавков А. А. К проблеме определения понятия юридического формализма 45

Тофан М. Основные этапы государственно-правового развития Сирии в период османского господства и французского протектората 51

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Воробьёва О. А., Мишунина А. А. Правовые и доктринальные аспекты понятия врачебной тайны в России 56

Самович Ю. В., Юн Л. В. Проблемы использования искусственного интеллекта в процессе реализации экологических прав граждан 64

Стаханова Е. Ю. Воздействие конституционно-правовых норм на экономические отношения: вопросы методологии исследования 71

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Иванов В. В., Янченко И. П. Вопросы возмещения затрат экспертным учреждениям в гражданском и уголовном судопроизводстве 77

Мартышкин С. В., Рязанова В. В. Гражданско-правовой анализ отдельных нормативных положений о бюджетных инвестициях хозяйственным товариществам и обществам 84

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Голенко Д. В. Ревизия некоторых концептуальных положений уголовного закона путем изменения его Особенной части 92

Ковалькова А. С. Торговля людьми и криминальная эксплуатация человека: проблемы законодательной регламентации 98

Логинова Н. Г., Трофимик А. Г. Об эффективности норм, регламентирующих правовое положение подозреваемого по УПК РФ и УПК ФРГ 106

Семенова Д. М., Нуждова Д. А. О конструировании состава преступления, совершенного лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии 113

Требования к оформлению статей 118

CONTENTS

EVENTS

Scientific and Practical Round Table «Anti-corruption readings – 2023»	7
--	---

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S., Yudin A. V. Space law: search and approval of legal identity	11
Krivokapich B. D. Positive action in the field of human rights and related issues	20
Danilović N. Epistemological-methodological approach to the research of the media sphere of armed conflicts	29
Astapenko I. V. Rule-making procedures in the EAEU	38

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Zhuravkov A. A. On the problem of defining of the legal formalism concept	45
Tofan M. Main stages of state-legal development of Syria during the period of Ottoman diminution and the French protectorate	51

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Vorobyova O. A., Mishunina A. A. Legal and doctrinal aspects of the concept of medical secrecy in Russia	56
Samovich Yu. V., Yun L. V. Problems of using artificial intelligence in the process of realizing environmental rights of citizens	64
Stahanova E. Yu. Impact of constitutional law rules on economic relations: issues of research methodology	71

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

Ivanov V. V., Yanchenko I. P. Issues of reimbursement of expenses to expert institutions in civil and criminal proceedings	77
Martyshkin S. V., Ryazanova V. V. Civil law analysis of certain regulatory provisions on budget investments to economic partnerships and companies	84

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Golenko D. V. Revision of certain conceptual provisions of the criminal law by changing its Special Part	92
Kovalkova A. S. Human trafficking and criminal exploitation of human: problems of legislative regulation	98
Loginova N. G., Trofimik A. G. On the effectiveness of the norms regulating the legal status of a suspect under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany	106
Semenova D. M., Nuzhdova D. A. On the construction of the corpus delicti committed by a person occupying the highest position in the criminal hierarchy	113

<i>Requirements to the design of articles</i>	118
---	-----

СОБЫТИЯ EVENTS

Научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2023»

Scientific and Practical Round Table «Anti-corruption readings – 2023»

13 декабря 2023 года в Самарском университете состоялся научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2023», связанный с злободневной проблемой современности и приуроченный к Международному дню борьбы с коррупцией – 9 декабря. Организатором мероприятия выступил юридический институт Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

On December 13, 2023, a scientific and practical round table «Anti-Corruption Readings – 2023» was held at Samara University, related to the pressing problem of our time and dedicated to the International Anti-Corruption Day – December 9. The event was organized by the Law Institute of the Samara National Research University.

Открыл круглый стол директор юридического института Самарского университета, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Безверхов Артур Геннадьевич**. Он поприветствовал участников круглого стола, об-

ратил внимание на важность решения задач, стоящих перед государством в борьбе с коррупцией, поблагодарил за поддержку в проведении столь значимого мероприятия, ставшего ежегодным для Самарского университета, коллег из судов и

правоохранительных органов региона. В своем выступлении А. Г. Безверхов обратил внимание, что, согласно Конвенции ООН 2003 г., коррупция – это злоупотребление служебным положением для личной выгоды. Коррупция существует там, где исторически возникают антагонистические противоречия между публичными и частными интересами (институтами, системами). Коррупция является порождением возникающих и получающих распространение в обществе и государстве установок и систем взглядов, согласно которым «все покупается и продается». Она распространяется в обществе и государстве, где господствуют обезличенные институты рынка и частного сектора. Усиление экономического (гражданско-правового) оборота обуславливает расширение коррупционного поля. Россия использует современные методы обмена информацией о коррупционных проявлениях. По делам, требующим оперативного реагирования, эффективно задействована площадка глобальной оперативной сети антикоррупционных правоохранительных органов и разработанная для этих целей специальная защищенная коммуникационная платформа. В августе 2021 года Указом Президента России принят и выполняется Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы. В апреле 2022 года в целях повышения эффективности антикоррупционной деятельности Президент Российской Федерации подписал Указ об информационной системе противодействия коррупции «Посейдон». Координатором системы выступает Администрация Президента Российской Федерации.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратился **Радько Владислав Михайлович**, начальник организационного управления Самарского университета, к.т.н., доцент, ответственный за профилактику коррупционных и иных нарушений в Самарском университете. 9 декабря мировое сообщество отмечает Международный день борьбы с коррупцией, учрежденный Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 году. В этот день принято информировать общественность о принимаемых мерах и достигнутых успехах в сфере противодействия коррупции, о работе по продвижению антикоррупционных стандартов поведения. Противодействие

коррупции – значимое направление деятельности Университета. Оно пронизывает все сферы университетской жизни: образование, науку, экспертную и административно-управленческую деятельность. Антикоррупционная стратегия должна включать в качестве главной своей составляющей влияние на те глубинные факторы, которые порождают коррупцию, строиться на применении прежде всего упреждающих мер и отдавать приоритетное значение общепреventивным подходам. Проводимое Университетом ежегодное декабрьское антикоррупционное мероприятие стало носить систематический характер и совместными усилиями ученых и практиков будет только расширять число участников и вносить свой весомый вклад в систему эффективного предупреждения коррупции.

Савченков Сергей Николаевич, председатель Самарского гарнизонного военного суда, поприветствовал участников круглого стола, в своем выступлении обозначил важность реализации комплексных мер противодействия коррупции, формирования нетерпимого отношения к ней в обществе, ответил на вопросы участников круглого стола о специфике коррупционных преступлений, рассматриваемых военными судами, о тенденциях, характерных для этой категории дел.

Взятничество – ядро коррупции. По оценкам ООН, ежегодный объем взяток в мировом масштабе составляет один триллион долларов, а мировая экономика теряет 2,6 триллиона долларов. Эти средства составляют более 5 % глобального ВВП. Согласно официальным данным, в 2022 году по результатам антикоррупционных проверок судами с государственных и муниципальных служащих было взыскано более 250 миллиардов рублей неподтвержденных доходов. Кроме того, судами было принято решение об обращении в доход государства более тысячи биткойнов, эквивалентных сумме свыше 23 миллионов долларов.

О современных проблемах антикоррупционной политики и повышении эффективности мер противодействия коррупционному поведению сообщил в своем выступлении заместитель руководителя Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области, полковник юстиции **Воеводин Александр**

Владимирович. По данным главы Следственного комитета Российской Федерации, с 2011 по 2020 год в суды было направлено свыше 90 тысяч уголовных дел о коррупции, возмещено государству и потерпевшим почти 34 миллиарда рублей, наложен арест на имущество обвиняемых на сумму около 80 миллиардов рублей. В 2022 году следователями Следственного комитета РФ было установлено 24,6 миллиарда рублей причиненного ущерба от коррупционных преступлений. По сравнению с 2021 годом размер возмещенного ущерба увеличился на 65 % (с 2,7 миллиарда до 4,5 миллиарда рублей). За первое полугодие 2023 года Следственный комитет России расследовал более 11 тысяч преступлений о коррупции. По окончанным уголовным делам возмещен причиненный ущерб на 4,7 миллиарда рублей. Наложено арест на имущество обвиняемых стоимостью 10 миллиардов рублей.

Руководитель Первого отдела по расследованию особо важных дел, подполковник юстиции **Кириллов Данила Витальевич** рассказал об особенностях расследования уголовных дел коррупционной направленности. В этой связи состоялась дискуссия по вопросам, которые наиболее актуальны сегодня: может ли криптовалюта быть предметом взятки, встречались ли такие дела в Самарской области; распространены ли случаи привлечения лиц к уголовной ответственности за получение взятки, когда она непосредственно не передана в руки лица, а лишь обозначено место ее нахождения и др.

Панкратовская Марина Сергеевна, заместитель начальника правового отдела Главного управления МВД России по Самарской области, подполковник внутренней службы, поприветствовала участников круглого стола. В своем выступлении она обратила внимание на меры противодействия коррупционному поведению в полиции, а также

рассказала о некоторых вопросах практики увольнения за проступки, порочащие честь сотрудников внутренних дел.

Букин Дмитрий Николаевич, врио заместителя начальника 6-го отдела УЭБиПК Главного управления МВД России по Самарской области, майор полиции, сообщил актуальную информацию о делах коррупционной направленности, которые встречаются на практике в Самарской области, об особенностях их расследования, о тенденциях распространения в последнее десятилетие количества совершаемых коррупционных преступлений в различных сферах социальной жизнедеятельности и др.

Заместитель начальника Самарской таможни, майор таможенной службы **Агуенко Алексей Александрович** поприветствовал участников круглого стола и в своем выступлении обратил внимание на особенности мер противодействия коррупции, характерных для таможенных органов страны и региона.

Саусин Андрей Валерьевич, заместитель руководителя аппарата Самарской губернской думы, руководитель Главного управления правового обеспечения, отметил особенности законотворческой деятельности и внедрение новых технологий в противодействие коррупции в Самарском регионе, специфику разработки регионального антикоррупционного законодательства.

В своем выступлении **Телегин Артем Андреевич**, заместитель прокурора Октябрьского района г. Самары, в частности, предложил обсудить вопросы применения механизма гражданско-правовой ответственности за получение и дачу взятки, рассказал об опыте применения таких механизмов в г. Самаре.

Агибалова Людмила Вячеславовна, начальник отдела государственной службы и кадров Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Самарской области, капитан

внутренней службы, поприветствовала участников круглого стола и указала на особенности реализации антикоррупционной политики в службе судебных приставов.

Купеев Александр Тельманович, главный инспектор отдела собственной безопасности Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Самарской области, старший лейтенант внутренней службы, рассказал о специфике исполнения судебных решений, принятых в отношении коррупционеров, обращении взысканий на их имущество.

Кленова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Самарского университета, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Самарской области, в своем выступлении обратила внимание на динамику понятия преступлений коррупционной направленности и особенности наказательной практики в сфере противодействия коррупции.

В дискуссиях и прениях приняли активное участие Кленова Татьяна Владимировна, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Самарской области; Норвартян Юрий Сергеевич, директор Департамента управления учебным процессом юридического института Самарского университета, доцент кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н., доцент; Полянский Виктор Владимирович, заведующий кафедрой государственного и административного права Самарского университета, к.ю.н., профессор, заслуженный юрист Самарской области; Савельев Константин Анатольевич, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Самарского университета, к.ю.н., доцент; Юдин Андрей Владимирович, директор Департамента

управления научно-исследовательской работой Юридического института Самарского университета, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, д.ю.н., профессор; Артамонова Мария Александровна, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского университета, к.ю.н.; Беляев Иван Юрьевич, ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права; Голенко Диана Викторовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета, к.ю.н., доцент; Григорян Гарик Рафикович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права и международного права, к.ю.н.; Губина Екатерина Николаевна, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского университета; Гудкова Дарья Максимовна, ассистент и аспирант кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета; Иванов Вячеслав Васильевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминологии Самарского университета, к.ю.н., доцент; Климанова Ольга Валериевна, к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии; Никищенкова Мария Александровна, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, к.ю.н., доцент; Элекина Светлана Вячеславовна, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, к.ю.н.; Радько Анастасия Владиславовна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета; Гостинова Алина Александровна, магистрант юридического института Самарского университета и другие участники круглого стола.

А. Г. Безверхов,

директор юридического института, доктор юридических наук, профессор

А. В. Юдин,

директор департамента управления научно-исследовательской работой юридического института, доктор юридических наук, профессор

О. В. Климанова,

доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук

A. G. Bezverkhov,

director of the Law Institute, Doctor of Laws, professor

A. V. Yudin,

director of the Research Management Department of the Law Institute, Doctor of Laws, professor

O. V. Klimanova,

associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Candidate of Legal Sciences

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-11-19

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1/8

Дата поступления: 13.12.2023
рецензирования: 17.01.2024
принятия: 15.03.2024

Космическое право: поиск и утверждение юридической идентичности

А. Г. Безверхов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bezverkhov.ag@ssau.ru

Ю. С. Норвартян

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: norvartyan.yus@ssau.ru

А. В. Юдин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: yudin77@ssau.ru

Аннотация: Космическое право рассматривается авторами как комплексный правовой феномен путем анализа его базовых юридических характеристик. Предмет космического права характеризуется через пространственные пределы, на которые космическое право распространяет свое регулирующее воздействие. В статье отмечается, что возникновение и развитие космического права увязывается с достижениями научно-технического прогресса. В контексте юридической футурологии разрешается вопрос целесообразности регулирования космическим правом отношений, которые только могут возникнуть в будущем. Делается вывод о допустимости подобного опережающего регулирования отношений. Предмет космического права многосоставный и включает в себя комплекс самых различных отношений, возникающих, функционирующих и развивающихся в связи с исследованием и использованием космического пространства и осуществлением космической деятельности. Утверждение юридической идентичности космического права основывается на выделении принципов, норм, системы данной отрасли права. Авторами разрешается вопрос о принадлежности космического права к публичному или частному праву. Показано, что многие вопросы космического права лежат на грани соотношения публичного и частного и могут быть разрешены путем обеспечения баланса в них публичных и частных начал. Критически оценивается зарубежная практика по вовлечению небесных тел в гражданский оборот.

Ключевые слова: космическое право; предмет космического права; система космического права; правовое прогнозирование; нормы космического права; принципы космического права; источники космического права; космическая деятельность; космический туризм; демилитаризация космоса; космический мусор.

Цитирование. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С., Юдин А. В. Космическое право: поиск и утверждение юридической идентичности // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-11-19>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С., Юдин А. В., 2024

Артур Геннадьевич Безверхов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Юрий Сергеевич Норвартян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Андрей Владимирович Юдин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.12.2023

Revised: 17.01.2024

Accepted: 15.03.2024

Space law: search and affirmation of legal identity

A. G. Bezverkhov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: bezverkhov.ag@ssau.ru

Yu. S. Norvartyan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: norvartyan.yus@ssau.ru

A. V. Yudin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: yudin77@ssau.ru

Abstract: Space law is considered by the authors as a complex legal phenomenon by analyzing its basic legal characteristics. The subject of space law is characterized through the spatial limits to which space law extends its regulatory influence. The article notes that the emergence and development of space law is linked to the achievements of scientific and technological progress. In the context of legal futurology, the question of the expediency of regulating relations that may arise in the future by space law is resolved. The conclusion is made about the permissibility of such advanced regulation of relations. The subject of space law is multidimensional and includes a complex of various relations arising, functioning and developing in connection with the exploration and use of outer space and the implementation of space activities. The assertion of the legal identity of space law is based on the allocation of principles, norms, and systems of this branch of law. The authors resolve the issue of whether space law belongs to public or private law. It is shown that many issues of space law lie on the verge of the ratio of public and private, and can be resolved by ensuring a balance of public and private principles in them. The foreign practice of involving celestial bodies in civil circulation is critically evaluated.

Key words: space law; subject of space law; system of space law; legal forecasting; norms of space law; principles of space law; sources of space law; space activities; space tourism; demilitarization of space; space debris.

Citation. Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S., Yudin A. V. *Kosmicheskoe pravo: poisk i utverzhdenie yuridicheskoi identichnosti* [Space law: search and affirmation of legal identity]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-11-19> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S., Yudin A. V., 2024

Artur G. Bezverkhov – Doctor of Laws, professor, honored lawyer of the Russian Federation, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Yuriy S. Norvartyan – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Andrey V. Yudin – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Космонавтика – предмет национальной безопасности и развития, достояния и величия России, как и других мировых держав. В настоящее время исследование и использование космического пространства, развитие космической отрасли и освоение космоса являются необходимым условием дальнейшего роста научно-технического потенциала и повышения качества жизни в нашей стране.

В этой связи особую значимость представляет изучение феномена космического права как инструмента, способного усовершенствовать космическую деятельность своими юридическими средствами. Проблемы космического права разрабатываются отдельными учеными, научными коллективами [1; 2], однако в настоящий момент нельзя признать высокой интенсивность изысканий в данной сфере.

Известно, что право базируется как на законах природы, так и на социально-экономических зако-

номерностях. Оно должно быть синхронизировано со своими основаниями. Космическое право в этом отношении не является исключением и, будучи явлением надстроечным, проистекает из объективных закономерностей развития.

Фактором, обуславливающим существование космического права и задающим вектор его развития, выступает научно-технический прогресс, связанный с прорывами в освоении космоса. В отрыве от указанного фактора разработка космического права явилась бы задачей в значительной степени умозрительной и схоластической.

Под основанием космического права следует понимать научно-технические, социальные и экономические явления и процессы, порождающие потребность общества в правовом регулировании и охране наиболее важных отношений в сфере космической деятельности и вызывающие необходимость принятия, изменения или отме-

ны правовых норм, регулирующих эти отношения.

Как известно, право одновременно нацелено как на закрепление желательных позитивных форм поведения, так и на вытеснение, купирование нежелательных форм, устранение неопределенности. Космическая деятельность несет огромную пользу человечеству (спутниковое телевидение, сотовая связь, системы глобального местопределения, дистанционное зондирование Земли, космический мониторинг состояния озонового слоя, климатических изменений и сейсмической активности Земли, космическая метеорология и др.). Одновременно космические исследования и деятельность имеют побочные, в том числе нежелательные, неблагоприятные результаты и последствия. В сфере освоения космического пространства возникают потенциальные и реальные угрозы, вызовы и риски (засорение космического пространства продуктами человеческой деятельности, попытки перенести военное противостояние в космос, причинение имущественного и экологического ущерба от космической деятельности и крушения космических кораблей и др.). Для надежного обеспечения международной безопасности, стабильности и упорядочения космической деятельности требуется комплексное правовое регулирование, всесторонняя правовая охрана и юридическая защита.

Обозначение рассматриваемого явления как «космического права» неоспорно. Систему норм, регулирующих отношения в связи с исследованием и использованием космоса, предлагалось обозначать самым различным образом, в частности, как «внеземное право», «астронавтическое право», «межпланетное право», «межзвездное право» и т. д. Однако наиболее широкое распространение в мировой юридической литературе и на практике получил термин «космическое

право». Именно подобным образом было решено именовать правопорядок, связанный с регулированием отношений в космосе и (или) в отношении космоса (см. рис. 1).

Космическое право обращено к двум объектам регулирования, отвечающим на вопросы «где?» и «что?», – космическому пространству и космической деятельности. Именно они выражают суть космического права, позволяют разграничивать его с другими правовыми явлениями.

Само космическое пространство как относительно новая среда человеческой активности подразумевает специфику норм и принципов космического права. Следует отметить и то обстоятельство, что космическая деятельность существенно отличается от деятельности в любой другой области [3, с. 305].

Космос простирается за пределы воздушного пространства, в котором может совершаться длительный полет по инерции. Он включает околоземное (ОЗКП), межпланетное, межзвездное и межгалактическое пространство со всеми находящимися в нем объектами.

Вопрос о том, где начинается космос, не регулируется международным договором или другим соглашением. На практике и в науке международного права обычно считается, что космическое пространство начинается на высоте около 100 км над уровнем моря (100 ± 10 км над океаном). Эта условная граница известна как линия Кармана. Она получила название в честь венгерско-американского специалиста по аэродинамике Теодора фон Кармана.

В международном праве сложился обычай, в соответствии с которым принято считать, что космическое пространство начинается с высоты минимальных перигеев орбит искусственных спутников Земли (около 100 км над уровнем моря) [4, с. 26–27] (см. рис. 2).

Рисунок 1 – Правопорядок, связанный с регулированием отношений в космосе и (или) в отношении космоса
Figure 1 – Legal order related to the regulation of relations in space and (or) in relation to space

Рисунок 2 – Космическое пространство
Figure 2 – Space

Под космической деятельностью понимается «любая деятельность, связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (абзац 1 части 1 статьи 2 Закона РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности», далее – Закон о космической деятельности) перечисляет основные ее направления: научные космические исследования; использование космической техники для связи, телевидения и радиовещания; дистанционное зондирование Земли из космоса, включая государственный экологический мониторинг (государственный мониторинг окружающей среды) и метеорологию; использование спутниковых навигационных и топогеодезических систем; пилотируемые космические полеты; использование космической техники, космических материалов и космических технологий в интересах обороны и безопасности Российской Федерации; наблюдение за объектами и явлениями в космическом пространстве; испытания техники в условиях космоса; производство в космосе материалов и иной продукции; другие виды деятельности, осуществляемые с помощью космической техники (абзац 2 части 1 статьи 2). Космическая деятельность включает в себя создание (в том числе разработку, изготовление и испытания), использование (эксплуатацию) космической техники, космических материалов и космических технологий и оказание иных связанных с космической деятельностью услуг, а также использование результатов космической деятельности и международное сотрудничество Российской Федерации в области исследования и использования космического пространства (часть 2 статьи 2).

Рассуждения о предмете космического права необходимо предварить следующим замечанием.

Как известно, правовое регулирование в большинстве случаев возникает вслед за общественными отношениями. Хотя, разумеется, возможны и ситуации, когда определенные общественные отношения культивируются и складываются непосредственно в результате правового регулирования. Однако даже во втором случае такие отношения

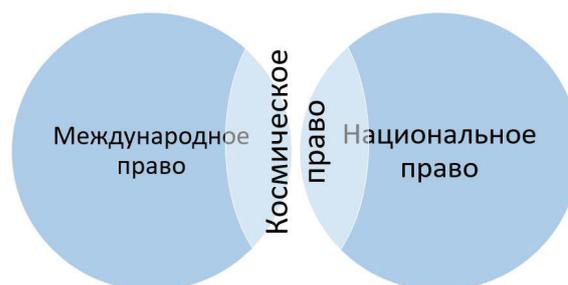

Рисунок 3 – Схематическое соотношение международного и национального космического права
Figure 3 – Schematic relationship between international and national space law

формируются правом не произвольно, а вытекают из духа существующих отношений, имеют своим источником реальную материю общественной жизни. В подобных случаях законодатель, как правило, насаждает такие отношения, выбирая один из возможных вариантов регулирования. Так, с 1 июля 2021 г. для обжалования решений, действий (бездействия) органов власти контролируемым лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, требуется соблюдение обязательного досудебного порядка обжалования (часть 2 статьи 39, часть 13 статьи 98 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»)¹. Можно предположить, что установление такого порядка было лишь одной из возможных альтернатив правового регулирования. Законодатель в рамках имеющейся у него дискреции мог в равной мере отказаться от установления обязательного досудебного порядка (как было им сделано, например, для других, непредпринимательских, споров), а мог и предусмотреть его обязательность (что и было сделано).

Однако возможна и принципиально иная модель регулирования, актуализация которой происходит в связи с обсуждаемой проблематикой космического права. В рамках т. н. юридической футурологии ставится вопрос о ситуациях, «когда правовое регулирование должно касаться не только отложенных, хотя ожидаемых общественных отношений, но и отношений настолько гипотетических, что вероятность их возникновения сама по себе крайне невелика» [5, с. 73]. В качестве примера рассматривается целесообразность принятия международно-правового акта о контактах с представителями инопланетного разума [5, с. 76]. Здесь мы имеем дело уже не с одним из возможных вариантов урегулирования отношений, а с урегулированием отношений, которые с весьма высокой степенью вероятности не будут иметь места. Подобные отношения полностью смоделированы, и регламентация их имеет характер весьма условный.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №31 (часть I). Ст. 5007.

Отношения, регулируемые космическим правом, необязательно имеют «территориальную» привязку к сфере, именуемой космосом. В равной мере они могут складываться и на Земле, но в связи с космосом.

Однако такую связь не следует переоценивать. В ряде случаев отношения могут регулироваться традиционными «земными» отраслями права. Например, отношения, возникающие в связи с изобретением и постройкой космического корабля, могут регулироваться гражданским, предпринимательским, инновационным и другими отраслями права и законодательства.

Таким образом, космическое право регулирует, охраняет и защищает отношения в космосе и (или) в связи с космосом (на Земле).

Следует выделять международное и национальное космическое право. Схематическое соотношение этих двух систем будет выглядеть следующим образом (см. рис. 3).

Космическое международное право – это самая молодая отрасль международного публичного права. Международное право регулирует отношения между государствами и международными организациями и функционирует наряду и совместно с национальными (внутригосударственными) правовыми системами. Космическое право вполне укладывается в данную структуру отношений.

Космическое право как отрасль международного права появилась в середине XX века. Именно тогда, когда Советский Союз отправил на орбиту первый искусственный спутник – «Спутник 1».

4 октября 1957 г. – это день, когда человечество впервые вышло за пределы атмосферы Земли и перенесло общественные отношения на новую для него пространственную сферу – сферу космоса.

Параллельно с процессом формирования международного космического права происходит зарождение и развитие национальных правовых систем, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением космической деятельности, т. е. национальное (внутригосударственное) космическое право (космическое право России, космическое право Китая, космическое право Франции и пр.). Космическое право – это часть национального, внутригосударственного законодательства в сфере космической деятельности.

Обобщая изложенное, можно определить космическое право как совокупность принципов и норм международного и национального права, которые регулируют отношения между государствами и международными организациями, государственными органами, организациями и гражданами по исследованию и использованию космического пространства (Луны и других небесных тел), а также устанавливают международно-правовой режим космического пространства (включая небесные тела).

В 60–70-е годы XX в. мы наблюдаем пик, расцвет международного космического права, когда были разработаны и приняты все основные международные соглашения, заложившие фундамент

международного космического права и ставшие правовой основой мировой космической деятельности.

Основными источниками международного космического права являются: Устав ООН; Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963); Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967, далее – Договор о космосе); Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968); Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972); Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1975); Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979) и др.

В международном космическом праве отсутствует иерархия соглашений по юридической силе: ни в одном из названных документов не закреплено верховенство его юридической силы над остальными космическими соглашениями. Таким образом, не исключен потенциальный конфликт международно-правовых норм на практике.

Космическое законодательство России состоит из законов о космической деятельности² и Роскосмосе³, иных федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, а также принимаемых в соответствии с ними иных подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих космическую деятельность, осуществляемую под юрисдикцией Российской Федерации.

Определение юридических границ космического пространства – одна из важнейших проблем космического права (см. рис. 4).

Во-первых, право по определению есть мера; оно стремится установить пределы, придать определенность условным параметрам. Заметим, что это свойство права касается не только космоса, но и человека, в частности определения юридического момента начала и окончания человеческой жизни, с тем чтобы отграничить одно деяние от другого – убийство от искусственного прерывания беременности и пр.

Во-вторых, необходимость такого установления продиктована различиями в правовых режимах пространств.

В качестве примера можно привести границы государственного суверенитета. Так, долгое время считалось, что суверенитет государства простирается над его поверхностью чуть не до самого

² Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» // Российская газета. 06.10.1993. № 186.

³ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4341.

Рисунок 4 – Юридические границы космического пространства
Figure 4 – Legal boundaries of outer space

конца Вселенной. Однако этот взгляд не принимает во внимание объективные закономерности – динамику (а не статику) Вселенной. Как справедливо замечает К.В. Дженкс, «вращение Земли на ее собственной оси, ее вращение вокруг Солнца и движение Солнца и планет через галактику предполагают, что отношение отдельных суверенитетов на поверхности Земли к пространству за пределами атмосферы не является постоянным даже в самый короткий промежуток времени, какой только можно представить» [6, с. 168].

Сегодня общепринятым является понимание связи государственного суверенитета с воздушным пространством и нераспространение его на космос. Суверенитет воздушного пространства (также суверенитет в области воздушного пространства) – это базовое право суверенного государства регулировать использование воздушного пространства над своей территорией и применять собственное воздушное право.

В условиях научно-технического прогресса возможно в дальнейшем обсуждение вопросов о введении границ не только воздушного пространства, но и ближнего космоса, а также дальнего космоса. Возможно определение и каких-либо иных линий. Такое установление необходимо при обеспечении различных правовых режимов пространств.

Если задаться вопросом, думают ли юристы вслед за другими о будущих возможных контактах с неземными цивилизациями, то с определенностью можно дать утвердительный ответ. Как уже отмечалось выше, право может следовать за космическими отношениями, космической деятельностью, но может и опережать их.

Согласно положениям космического права, в случае контакта с жителями других миров космонавты как посланцы человечества в космос будут иметь статус представителей человечества.

Ведется разработка раздела космического права о регламентации поведения представителей человечества при возникновении или установлении контактов и иных взаимоотношений с представителями неземного разума. В последнее десятилетие появилась идея о создании некоего мета- или

Рисунок 5 – Составляющие космического права
Figure 5 – Components of space law

мегаправа, наряду с внутригосударственным и международным правом, которое и будет нацелено на урегулирование отношений людей с представителями других миров.

Как известно, право, будучи продуктом социума, направлено на урегулирование и упорядочение социальных отношений, возникающих с участием индивидуальных и/или коллективных субъектов права. В случае установления общего, единого кодекса поведения для жителей Земли и других планет право уже не будет носить юридического характера для участников такого рода отношений, поскольку выйдет за рамки своего изначального понимания (определения).

Как уже было отмечено, история космического права начинается с середины XX века. Между тем, на страницах книг люди давно покоряют другие планеты и путешествуют по просторам Вселенной на космических кораблях. В своих научно-фантастических романах отечественные и зарубежные писатели еще в XIX и начале XX века предвосхитили не только появление огромного количества изобретений, но и освоение космоса: пилотируемые космические полеты, беспилотные летательные аппараты, орбитальные станции, выход в открытое космическое пространство, полет на Луну (романы Жюль Верна «Вокруг Луны», «С Земли на Луну» и др.) и путешествие землян на Марс (роман А.Н. Толстого «Аэлита» и др.), ввели в научно-фантастический оборот параллельные новые миры (роман С.А. Снегова «Люди как боги» и др.).

Построения художественных, теоретических и прикладных моделей социальных отношений в космосе будят интерес и закладывают многие идеи. Заставляют задуматься о настоящем, представить, каким будет будущее. Понять, как мы можем развиваться, и выявить, какой из вариантов является наиболее правильным.

Интересно отметить, что модели общественных отношений в космосе, смоделированные в т. ч. по произведениям классиков мировой литературы, также обнаруживают немало юридических аспектов [7, с. 145–155].

Предмет космического права многосоставный и включает в себя комплекс самых различных отношений, возникающих, функционирующих и развивающихся в связи с исследованием и использованием космического пространства и осуществлением космической деятельности. Это мирное освоение космоса; безопасность космической навигации и работы космических объектов; правовой статус и спасение космонавтов и других космических путешественников; объекты, сближающиеся с землей, – кометы, астероиды; отходы человеческой деятельности в космосе; космический туризм и др.

Круг предмета космического права расширяется с каждым новым прорывом в освоении космоса. Каждая из выделенных областей может быть структурирована на более частные вопросы.

В международных документах закреплены основные принципы международного космического права:

– исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, на благо и в интересах всех стран;

– открытость исследования и использования космического пространства всеми государствами без какой-либо дискриминации, на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел;

– невозможность национального присвоения космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами;

– частичная демилитаризация космического пространства и полная демилитаризация небесных тел (запрещается выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового поражения; размещать оружие на небесных телах и в космическом пространстве);

– предотвращение загрязнения космического пространства, включая Луну и другие небесные тела и др.

Еще со времен римского права известно деление права на публичное и частное. Соотношением этих элементов определяется юридическое своеобразие каждой отрасли права. За счет усиления одних и ослабления других начал можно влиять на регулирующий правовой потенциал. В этой связи возникает вопрос, можно ли говорить с позиций дифференциации о публичном космическом праве и о частном космическом праве.

Бесспорно, что все космическое право в настоящий момент – это право публичное. Необходимо определить, остается ли какой-то сегмент частноправового регулирования отношений в этой сфере (см. рис. 5).

Как неоднократно указывалось, космическое право тесно связано (наверное, как никакая другая отрасль права) со своим базисом, так сказать, «производственными отношениями». Правовое регулирование продвигается ровно настолько, насколько наука и техника продвигаются в освоении космического пространства.

Можно предположить, что частноправовые начала могут иметь место и в космическом праве. В каких-то случаях они явно неприемлемы, в каких-то случаях должны быть дозированными.

Примером может служить частная космонавтика, космический туризм, привлечение частного капитала для космических исследований и др.

Публичные начала определяют правовые основы ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами: государство несет абсолютную ответственность (независимо от наличия или отсутствия вины) и обязано выплатить компенсацию за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете. Если запуск осуществляется в процессе совместной деятельности ряда государств, ответственность за ущерб должна быть солидарной. Бремя компенсации распределяется соразмерно степени вины; в случае, если эту степень установить невозможно, – между запускающими государствами поровну.

Отдельно следует остановиться на проблеме т. н. присвоения небесных тел. Решающим аргументом против такого присвоения не может быть факт нахождения объекта за миллионы и миллиарды километров, ведь как известно, право собственности не тождественно фактическому (физическому) обладанию. Собственник может даже ни разу не побывать на своем объекте.

Согласно международному космическому праву, Луна и другие небесные тела не подлежат национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами.

На основании части 3 статьи 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах (заключено 5 декабря 1979 г.), «поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица. Размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или недрами, не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки».

Однако факты купли-продажи небесных тел встречались ранее и продолжают встречаться сейчас. По данным интернет-ресурсов, «американец Дэннис Хоуп в 1980 году объявил себя владельцем всех небесных тел, за исключением Земли и Солнца. Об этом он объявил ООН, правительству США и других стран. В состав его «квасисобственности» вошла и Луна. Ее поверхность была разделена им на участки. Д. Хоуп основал «Лунное посольство» (Lunar embassy), которое занялось реализацией лунной недвижимости. Идея оказа-

лась на удивление живучей, и детище американца существует поныне. Организация реализовала... больше миллиона участков! На сегодняшний день «Лунное посольство» – это крупная и прибыльная организация, имеющая филиалы более чем в 180 странах мира, которая, к слову, несмотря на свое изначальное наименование, продает также участки на Марсе, Венере, Меркурии и других небесных телах. Каждая сделка фиксируется в головном офисе Лунного Посольства в США, и ей присваивается регистрационный номер. Более того, лица, купившие участки на Луне, перепродают их другим «собственникам... Сейчас 4 млн собственников-землян имеют участки на Луне»⁴.

Как видно, небесные тела активно вовлекаются в имущественный оборот и продолжают свое бытие в качестве обычных объектов гражданского права, перепродаются и даже становятся объектами судебных споров.

Все это несколько ироничный, но весьма жизненный пример проникновения частноправовых начал в отрасль космического права, для которой приоритетно публично-правовое регулирование, не допускающее такого рода сделок.

Всякая отрасль права имеет в качестве элемента специфического правового режима собственные санкции, обеспечивающие соблюдение правовых предписаний. С определенной долей условности можно говорить и о существовании такого явления, как космическо-правовая ответственность.

Обычно выделяют два вида ответственности:

- 1) международная ответственность государств за нарушение норм международного космического права;
- 2) материальная ответственность за ущерб в результате осуществления космической деятельности.

В качестве иллюстрации первого вида ответственности приводится следующее поло-

жение. Статья 7 Договора о космосе гласит: «Каждое государство – участник Договора, которое осуществляет или организует запуск объекта в космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, а также каждое государство – участник Договора, с территории или установок которого производится запуск объекта, несет международную ответственность за ущерб, причиненный такими объектами или их составными частями на Земле, в воздушном или в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, другому государству – участнику Договора, его физическим или юридическим лицам».

Видно, что данная норма сформулирована по модели генерального деликта: всякий причиненный вред подлежит возмещению (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ).

В качестве иллюстрации второго вида ответственности можно привести положения «Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами» (для СССР данный документ вступил в силу 9 октября 1973 г.).

Подводя итог, и, несомненно, признавая юридическую самобытность и своеобразие космического права, заметим, что оно было и остается твердым основанием для многополярного мироустройства, зиждется на приоритете норм и принципов международного права, суверенитете и равенстве государств, созидательном сотрудничестве и доверии.

Космическое право имеет большие перспективы, которые напрямую связаны с научно-техническим прогрессом; оно содержит в себе неиссякаемый огромный потенциал, поскольку человечество не способно знать все, что его ожидает в бесконечных глубинах Вселенной.

Космическое право призывает людей быть готовыми к тому, что в будущем можно столкнуться с совершенно новыми проблемами, неожиданными вызовами и рисками в сфере космоса, требующими нестандартных и оригинальных юридических решений.

⁴ См., в частности: Лунное посольство. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 12.12.2023).

Библиографический список

1. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства: монография / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, А. А. Головин и др.; отв. ред. А. Я. Капустин. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. 264 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=373112>.
2. Международное космическое право: учебник для вузов / Г.П. Жуков и др.; под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. 2-е изд., стер. Москва: Юрайт, 2022. 466 с. URL: <https://urait.ru/book/mezhdunarodnoe-kosmicheskoe-pravo-490768>.
3. Тягусева Ю. И., Фаравонтова Е.Л. Проблема правового регулирования в области правил разработки природных ресурсов небесных тел // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. Т. 2, № 9. С. 305–306. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-regulirovaniya-v-oblasti-pravil-razrabotki-prirodnih-resursov-nebesnyh-tel/viewer>.
4. Малков С. П. Международное космическое право: учеб. пособие. Санкт-Петербург: СПбГУАП, 2002. 343 с. URL: https://aerohelp.com/sites/default/files/malkov_mezhdunarodnoe_kosmicheskoe_pavo.pdf.
5. Сивицкий В. А. О правовом регулировании гипотетических общественных отношений: подготовка акта о контактах с носителями инопланетного разума как деловая игра всемирного масштаба // Закон. 2019. № 12. С. 71–81. URL: <https://zakon.ru/Publication/igzakon/8078>.
6. Толстых В. Л. Реформа космического права // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5 (126). С. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182>.

7. Бевзенко Р. С. Незнайка на Луне: гражданское и корпоративное право для детей // Закон. 2007. № 4. С. 146–156. URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/30/neznajka_na_lune_grazhdanskoe_i_korporativnoe_pravo_dlya_detej; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9488785>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hzqsqr>.

References

1. *Formirovanie sovremennoi mezhdunarodno-pravovoi kontseptsii issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva: monografiya*. A. Ya. Kapustin, V. R. Avkhadeev, A. A. Golovin i dr.; otv. red. A. Ya. Kapustin [Kapustin A. Ya., Avkhadeev V. R., Golovin A. A. [et al.] Formation of a Modern International Legal Concept for the Exploration and Use of Outer Space; Editor in chief A. Ya. Kapustin]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2021, 264 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=373112>. [in Russian].
2. *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: uchebnyk dlya vuzov*. G. P. Zhukov i dr.; pod red. G. P. Zhukova, A. Kh. Abashidze. 2-e izd., ster. [Zhukov G. P. [et al.] International space law: textbook for universities; G. P. Zhukov, A. Kh. Abashidze (Eds.). 2nd edition, stereotyped]. Moscow: Yurait, 2022, 466 p. Available at: <https://urait.ru/book/mezhdunarodnoe-kosmicheskoe-pravo-490768> [in Russian].
3. Tyaguseva Yu. I., Faravontova E. L. *Problema pravovogo regulirovaniya v oblasti pravil razrabotki prirodnykh resursov nebesnykh tel* [The problem of legal regulation in the field of rules for the development of natural resources of celestial bodies]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*, 2013, vol. 2, no. 9, pp. 305–306. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-regulirovaniya-v-oblasti-pravil-razrabotki-prirodnyh-resursov-nebesnyh-tel/viewer> [in Russian].
4. Malkov S. P. *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: ucheb. posobie* [International Space Law]. Saint Petersburg: SPbGUAP, 2002, 343 p. Available at: https://aerohelp.com/sites/default/files/malkov_mezhdunarodnoe_kosmicheskoe_pavo.pdf [in Russian].
5. Sivitskiy V. A. *O pravovom regulirovanii gipoteticheskikh obshchestvennykh otnoshenii: podgotovka akta o kontaktakh s nositelyami inoplanetnogo razuma kak delovaya igra vseirnogo masshtaba* [On the legal regulation of hypothetical social relations: preparation of an act on contacts with carriers of alien intelligence as a business game on a global scale]. *Zakon*, 2019, no. 12, pp. 71–81. Available at: <https://zakon.ru/Publication/igzakon/8078> [in Russian].
6. Tolstykh V. L. *Reforma kosmicheskogo prava* [Space Law Reform]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 5 (126), pp. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182> [in Russian].
7. Bevzenko R. S. *Neznaika na Lune: grazhdanskoe i korporativnoe pravo dlya detei* [Dunno on the Moon: civil and corporate law for children]. *Zakon*, 2007, no. 4, pp. 146–156. Available at: https://zakon.ru/blog/2016/3/30/neznajka_na_lune_grazhdanskoe_i_korporativnoe_pravo_dlya_detej; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9488785>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hzqsqr> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-20-28

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

Дата поступления: 27.12.2023
рецензирования: 16.01.2024
принятия: 15.03.2024

Позитивные действия в сфере прав человека и связанные с ними проблемы

Б. Д. Кривокапич

Университет «МБ», г. Белград, Сербия;

Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема позитивных действий как института международного права в области прав человека. Автор указывает на необходимость специальной защиты отдельных категорий лиц, разбирает понятие и название мер, известных как позитивные действия. Подчеркивается, что оправданными такие меры будут в случае их объективной необходимости, временного характера, пропорциональности цели, ради которой они были введены, коллективной направленности, т. е. распространения на соответствующую группу. Раскрываются проблемы, связанные с позитивными мерами, особо указывается на различные формы преувеличения и злоупотребления ими, приводятся конкретные примеры из практики. Автор приходит к заключению, что концепция позитивных действий является важным цивилизационным наследием, которое следует развивать, не впадая при этом в крайности. В статье высказана мысль о несоответствии преувеличения самой идее рассматриваемой защиты, а также условиям, определенным для обоснования введения и реализации мер позитивных действий, в первую очередь тем, которые касаются требования объективности и соразмерности желаемой цели. Автор приходит к выводу о том, что меры позитивных действий ни в коем случае не должны превращаться в нарушение столь же ценных и законных прав большинства населения или других групп.

Ключевые слова: позитивные меры; позитивные меры выравнивания; позитивные действия; меры поощрения; меры преференциального режима; международное право в области прав человека; права человека.

Цитирование. Кривокапич Б. Д. Позитивные действия в сфере прав человека и связанные с ними проблемы // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-20-28>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кривокапич Б. Д., 2024

Борис Джорджевич Кривокапич – доктор юридических наук, ординарный профессор Бизнес и юридического факультета, университет «МБ», 11111, Республика Сербия, г. Белград, Prote Mateje, 21; профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.12.2023
Revised: 16.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Positive action in the field of human rights and related issues

B. D. Krivokapich

Univerzitet MB Beograd, Beograd, Srbija; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Abstract: The article examines the problem of affirmative action as an institution of international human rights law. The author points out the need for special protection of certain categories of persons, examines the concept and name of measures known as affirmative action. It is emphasized that such measures will be justified if they are objectively necessary, temporary in nature, proportional to the purpose for which they were introduced, collective in nature, i.e. distribution to the relevant group. The article reveals the problems associated with affirmative action, highlighting various forms of exaggeration and abuse of them, and provides specific examples from practice. The author comes to the conclusion that the concept of affirmative action is an important civilizational heritage that should be developed without going to extremes. The article expresses the idea that exaggeration does not correspond to the very idea of the protection in question, as well as the conditions defined to justify the introduction and implementation of positive action measures, primarily those that relate to the requirement of objectivity and proportionality to the desired goal. The author comes to the conclusion that affirmative action measures should in no case turn into a violation of the equally valuable and legitimate rights of the majority of the population or other groups.

Key words: affirmative action; positive measures; positive equalization measures; encouragement measures; preferential treatment measures; international human rights law; human rights.

Citation. Krivokapich B. D. *Positivnye deistviya v sfere prav cheloveka i svyazannye s nimi problemy* [Positive action in the field of human rights and related issues]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-20-28> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Krivokapich B. D., 2024

Boris D. Krivokapich – Doctor of Laws, full-time professor of the Faculty of Business and Law, Univerzitet MB Beograd, 21, Prote Mateje, Beograd, 11111, Srbija; professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

1. Необходимость специальной защиты некоторых категорий людей

1.1. Общие и специальные права человека

Права и свободы человека делятся на две основные категории – основные, или общие и, с другой стороны, особенные, или специальные, т. е. те права и свободы человека, которые принадлежат только определенным категориям людей¹. Это деление основано, прежде всего, на различии обладателя (пользователя, держателя) соответствующих прав.

1. Общие или основные права человека.

Существуют права человека, которые на современном уровне развития человечества можно считать базовыми или общими. Обычно указывается, что их характеристика состоит в том, что они являются правами, принадлежащими каждому, без каких-либо дополнительных условий, исходя только из того, что это человек. И это действительно так. Однако мы бы добавили еще два пункта.

Во-первых, речь идет о правах, которые признаются соответствующими нормами международного права, а значит, гарантируются международным обычным или международным универсальным или региональным договорным правом. Таким образом, рассматриваемые права в основном общепризнаны на универсальном (мировом) или, по крайней мере, региональном уровне².

¹ В последующем тексте мы, помимо прав человека в более узком смысле, будем иметь в виду и свободы, поскольку они представляют собой лишь особый вид прав человека.. разграничение между правами и свободами человека направлено на то, чтобы указать, что в ряде случаев отдельные лица или группы уполномочены требовать от властей (государства) активных действий для обеспечения своих гарантированных прав (прав в более узком смысле), в то время, когда в других случаях речь идет об их свободе от вмешательства правительства (государства), которое не должно препятствовать осуществлению соответствующих свобод. Довольно широко принятое в источниках права и юридической науке и, на первый взгляд, привлекательное, это деление не может быть последовательно реализовано уже из-за того, что большая часть прав находится где-то посередине. Например, важнейшее право человека – право на жизнь – было бы, согласно этой классификации, и свободой (поскольку оно сводится к требованию, чтобы государство незаконно на него не посягало), но и правом (поскольку государство обязано защищать жизнь каждого от незаконных посягательств со стороны других). То же самое можно сказать и о большинстве других прав и свобод.

² Когда речь идет о правах на региональном уровне, достаточно отметить, что, например, Европейская конвенция о правах человека (1950 г. с последующими протоколами) содержит ряд подробных конкретных

Права, признаваемые за каждым, но только в одной или нескольких странах, и не на основании международно-правовых норм, а в соответствии с нормами внутригосударственного права, не могут считаться всеобщими, по крайней мере с точки зрения международного права в области прав человека.

Во-вторых, речь идет о правах, которые в то же время являются основными, т. е. фундаментальными, поскольку являются наиболее важными и представляют собой основу целого ряда других прав. Таким образом, они служат фундаментом для формулирования, гарантии и осуществления остальных, специальных прав. Так, различные особые права представителей этнических меньшинств (например, право на образование на родном языке или на сохранение и развитие собственного языка и культуры) не могли бы существовать, если бы не было основного или общего права на образование.

В круг основных, или общих, прав включают, среди прочего: право на жизнь; свободу от пыток; свободу от рабства и принудительного труда; право на личную свободу; право на личную безопасность; право быть признанным юридическим лицом; свободу передвижения и выбора места жительства; равенство и запрещение дискриминации; право на законный и справедливый суд; право на уважение частной и семейной жизни; право вступать в брак и создавать семью; свободу мысли, совести и религии; свободу слова; свободу собраний и ассоциаций; право на эффективное средство правовой защиты; право участвовать в общественных делах; активное и пассивное избирательное право; право на здоровье; право на труд; право на образование; право на участие в культурной жизни и др. Эти права определяются целым рядом универсальных и региональных международных договоров и гарантируются конституциями современных стран.

2. Особые права человека. Существуют и особые, специальные права, которые представляются определенным категориям лиц, вернее тем коллективам (группам), которые фак-

прав, обязательных только для государств-членов (т. е. действительных только в Европе), в то время как Африканская хартия прав человека и народов (1981 г.) отличается тем, что, кроме всего прочего, гарантирует т. н. права третьего поколения, такие как право народа на развитие, право на мир и право на здоровую окружающую среду.

тически или потенциально являются особенно уязвимыми. Дело в том, что международное право через различные специальные международные соглашения³ или посредством специальных положений в рамках общих договоров о правах человека⁴ также обеспечивает и особую защиту тех категорий людей, которые в определенном отношении особенно уязвимы.

Эта защита направлена на улучшение положения соответствующих категорий лиц в целом и, с другой стороны, на обеспечение их особых прав в сфере образования, культуры, трудовых отношений, социального обеспечения и т. п. Если смотреть на проблему глубже, то, с учетом определенных неблагоприятных обстоятельств, объективно сопровождающих их статус, защита сводится к обеспечению их реального равноправия с другими.

1.2. Необходимость особых (специальных) прав

По разным причинам разные категории людей могут быть отмечены как фактически или потенциально уязвимые, а значит, и как возможные бенефициары рассматриваемой специальной защиты. К ним относятся, в том числе, дети, женщины, больные, инвалиды, престарелые, трудящиеся-мигранты, беженцы, лица без гражданства, заключенные, представители этнических (национальных) меньшинств, представители коренных малочисленных народов и др.

В связи с более или менее выраженной угрозой или беспомощностью этих лиц, наряду с правами, принадлежащими всем людям, необходимо предоставить им некоторые особые права, не принадлежащие всем людям. Они им даны не для того, чтобы каким-либо образом благоприятствовать этим лицам, а, наоборот, для их защиты от незаконных посягательств, злоупотреблений, дискриминации и пренебрежения т.е. чтобы сделать их действительно равными с другими людьми.

Необходимость особых прав соответствующих групп людей и их членов вытекает из того, что для достижения действительного равенства и равноправия с остальным населением одного отсутствия дискриминации и предоставления им равных прав с другими недостаточно. Им требуется предоставить некоторые дополнительные

права⁵. Иначе, находясь формально в одинаковом правовом положении (с одинаковыми правами и обязанностями), они не были бы реально равными. Иными словами, благоприятные меры, направленные на благо определенных групп и их членов, представляют собой отклонение от формального равенства в целях обеспечения настоящего, реального равенства. Это в то же время означает, что одного лишь признания соответствующих прав недостаточно, нужно также создать необходимые условия для их фактического беспрепятственного осуществления.

Чтобы лучше это понять, подумаем о человеке, который поступил в университет, но является инвалидом, прикованным к инвалидному креслу. В принципе, он имеет все права, которые даны каждому. Однако, если посещение занятий является обязательным, а доступ в помещения, где проводятся занятия, для него невозможен или очень затруднен (например, при входе в здание факультета много лестниц, которые, будучи в инвалидной коляске, он не может преодолеть самостоятельно), этот человек просто не сможет посещать занятия без особой помощи и, следовательно, быть студентом, хоть юридически он равен другим во всех отношениях. Иными словами, несмотря на то что никто не оспаривал его право учиться в университете, реализовать его на практике он просто не сможет. Однако все решается простым шагом — достаточно построить рядом с лестницей пандус, по которому его кресло сможет передвигаться. Следовательно, простым способом, который никоим образом не ущемляет прав других, указанному лицу предоставляется возможность войти в здание и получить доступ к обучению, и, таким образом, будет достиг-

⁵ Право на равенство и запрещение дискриминации, как его обратная сторона, являются основными принципами всей концепции прав человека. Они устанавливают, что все люди юридически равны (равны в правах и обязанностях) и что между ними не должно проводиться неблагоприятного различия на основе личных характеристик, таких как цвет кожи, религия, этническая принадлежность, пол и т. п. Хотя может показаться, что указанные принципы представляют собой лишь другую сторону принципа всеобщности прав человека (согласно которому они принадлежат всем), тем не менее между ними нельзя ставить знак равенства. Дело в том, что универсальность означает, что самые важные права человека применимы ко всем и везде. Однако есть и такие права человека, которые не имеют универсального, всеобщего измерения, так как связаны только с определенными категориями людей (определенными группами и их членами) или же предусмотрены лишь отдельными международными документами, не связывающими большинство стран мира или соответствующего региона. Причем там, где они признаны, и эти права должны осуществляться на основе равенства и недискриминации. Иными словами, универсальность говорит о том, что важнейшие права человека принадлежат всем, а равенство и запрет дискриминации означают, что соответствующие права (которые могут принадлежать всем, а могут быть зарезервированы только за более узкими категориями людей) должны осуществляться на основе равенства и без каких-либо неблагоприятных различий на почве личных характеристик.

³ Например, на мировом уровне – Конвенция о статусе беженцев (1951 г.), Конвенция о борьбе со всеми формами дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.), Конвенция о правах лиц с инвалидностью (2006 г.) и т. д., а в региональном разрезе в Европе – Европейская конвенция о статусе трудящихся-мигрантов (1977 г.), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.), Европейская конвенция об осуществлении прав детей (1996 г.) и др.

⁴ Напр., на мировом уровне – Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), а в региональных рамках – Европейская конвенция о правах человека (1950 г.), Американская конвенция по правам человека (1969 г.), Африканская хартия прав человека и народов (1981 г.).

нито его реальное равенство с другими. Нужно отметить, что цель эта достигается за счет небольших средств и усилий, а поставленный пандус может служить другим маломобильным студентам, передвигающимся на инвалидных колясках.

Точно так же тот факт, что законами страны гарантируется юридическое равенство между мужчинами и женщинами, не означает, что и на самом деле между ними существует и фактическое равенство. Для достижения реального равенства необходимо, чтобы государство на практике создало условия и пути, обеспечивающие женщинам действительно равный доступ к образованию, занятости, участию в политической жизни и т. д. Поэтому женщинам предоставляются определенные особые гарантии и особые права, например, в виде минимального процентного представительства в парламенте, полиции и т. д.

Точно так же для того, чтобы члены этнических (национальных) меньшинств пользовались реальным равенством с большинством населения, недостаточно признать их право свободно заявлять о себе как о представителях соответствующего меньшинства и запретить их дискриминацию. Необходимо также обеспечить им целый ряд особых прав, таких как право на сохранение и развитие своей культуры и традиций, право на образование на родном языке, право на получение информации на родном языке, право на установление своих собственных организаций, право на эффективное участие в жизни общества и т. д. Речь идет не только о признании этих прав, но и о том, что государство должно предпринять необходимые реальные шаги, такие как введение преподавания языка меньшинства в программу школ в районах проживания соответствующего меньшинства, предоставление педагогических кадров и других условий для обучения на языках меньшинств, финансовая и другая помощь культурным и иным организациям национальных меньшинств и др.

Другими словами, специальные меры в пользу соответствующей уязвимой группы должны быть предусмотрены правом, но они достигают своей цели только тогда, когда последовательно применяются на практике. Эти меры обычно называют позитивными действиями.

2. Позитивные действия

2.1. Концепция и название мер поощрения

Позитивные действия, или меры поощрения, – это общее название комплекса разноплановых мер, которые принимаются в пользу определенных групп и их членов с целью устранения глубоко укоренившейся практики и последствий предыдущей и (или) текущей дискриминации. Таким образом, эти меры/позитивные действия зависят от конкретного случая – насильственной ассимиляции, пренебрежения и тому подобного негативного влияния, которому ранее подвергались эти группы и их члены [1, с. 101–133; 2, с. 1–94; 3, с. 133–154; 4, с. 367–483; 5, с. 585–611; 6, с. 38–50; 7, с. 61–96].

Проще говоря, рассматриваемые меры представляют собой системно определенный и законодательно закрепленный фаворитизм в отношении соответствующих групп и их членов. Возникает кажущаяся нелогичной ситуация, так как равное отношение ко всем, являющееся одним из основных принципов концепции прав человека, сознательно нарушается более благоприятным отношением к некоторым группам и их членам. Хотя это и является исключением из общего правила, все становится на свои места, если принять во внимание, что указанные меры предусмотрены и регулируются соответствующими нормами права и принимаются с целью устранения существующей несправедливости и приведение соответствующих групп и их членов в состояние реального равенства с другими группами и гражданами в данном обществе. Помимо того, что рассматриваемые меры поощрения включают в себя и шаги по упразднению любой дискриминационной практики, в более узком смысле они отражаются в предусмотренной правом защите, поддержке и поощрении соответствующих групп и их членов с целью укрепления их социального положения и самосознания, информированности о важных вопросах, обеспечения их представительства в политической, экономической, культурной, образовательной и других сферах жизни данного общества и т. п.

Ситуация аналогична той, когда больному или раненому дают более обильную и качественную пищу, чем другим (с большим количеством калорий, витаминов и других полезных ингредиентов, по сравнению с тем, что получают остальные), для способствования его скорейшему выздоровлению. Когда же он становится достаточно сильным или выздоравливает, нет причин для того, чтобы к нему относились более благосклонно, чем к другим.

Поскольку речь идет о правах, которые не распространяются на остальную (не подвергающуюся угрозе) часть населения, эту политику и практику, а также определенные меры, их составляющие, иногда называют «позитивной дискриминацией». Делается это с явной целью указать на их диаметрально противоположность обычной («негативной») дискриминации. Однако, принимая во внимание неточность и неверность этого термина, содержащего противоречие внутри самого себя (в сегодняшнем обычном значении дискриминация по определению всегда является негативным явлением, т. е. представляет собой неблагоприятное обращение), использовать этот термин некорректно. Поэтому используются другие выражения, среди которых, в частности, – «позитивные меры», «позитивные меры выравнивания», «позитивные действия», «меры поощрения», «стимулирующие меры», «меры преференциального режима» и т. п.

2.2. Условия, при которых позитивные действия оправданны

Для введения указанных мер одновременно должны выполняться четыре основных условия.

Первое из них логично само по себе. Рассматриваемые меры должны быть объективно необходимыми: группе, находящейся в неблагоприятном социальном положении, требуется особая защита, помощь и поддержка. Без этого нет оснований для введения каких-либо специальных мер, так как это было бы дискриминацией других.

Вместе с тем меры должны быть временными, т. е. действовать только до тех пор, пока не будет достигнута цель, ради которой они были введены, т. е. пока не будет обеспечено полное равенство с другими. Как только эта цель достигнута, нет оснований для дальнейшего применения таких мер. С другой стороны, реализация полного равенства означает отсутствие необходимости в каких-либо специальных мерах. Вопрос о том, когда действительно достигается полное равенство с другими, сам по себе является проблемой, которую необходимо оценивать в каждом конкретном случае с учетом всех соответствующих обстоятельств.

Важным является и требование адекватности мер поощрения той цели, ради которой они вводятся, которое означает, что их качество (вид, характер) и количество (число, периодичность) должны соответствовать реальным потребностям данной ситуации, а не превышать их. Иное обращение не может быть оправдано и представляло бы собой некоторую форму дискриминации по отношению к другим категориям людей.

Наконец, последнее условие заключается в том, что позитивные действия вводятся в интересах уязвимой группы как таковой, а не в интересах отдельных лиц. Иными словами, в отличие от права на равное обращение, которое является индивидуальным правом, меры позитивных действий (меры поощрения) являются не индивидуальным, а коллективным правом, правом группы. Индивид приобретает привилегированное положение не как индивидуальный обладатель соответствующих прав, а как член группы, которая получила защиту и специальные права потому, что находится в объективно существующем невыгодном положении по отношению к остальному населению.

3. Проблемы, связанные с мерами позитивных действий

3.1. Объективные проблемы

Существуют объективные проблемы, не связанные с правовым регулированием этого вопроса. Например, если общество сталкивается с серьезными реальными трудностями, такими как война, гражданская война и т. п., то от него нельзя требовать полного удовлетворения особых прав соответствующих групп и их членов. Вполне понятно, что во время состояния войны, тяжелого вооруженного конфликта или иного чрезвычайного положения, требующего от государства мобилизации всех материальных и иных ресурсов, оно часто объективно не в состоянии обеспечить реализацию всех прав человека. Таким образом, когда речь идет об особых правах этнических меньшинств, следует разобраться, в состоянии

ли государство в этих особых условиях продолжать обеспечивать реализацию признанных прав меньшинств, таких как специальная телепрограмма на языках меньшинств, адекватное выделение средств на культурную жизнь меньшинств и т. д.

Это соответствует современному международному праву, которое гарантирует все более широкий круг прав человека и предусматривает все более эффективные механизмы их защиты, но, с другой стороны, также четко регламентирует случаи, при которых все права человека могут быть временно отменены или ограничены, что включает и те права, которые относятся к особо уязвимым группам⁶.

3.2. Соотношение между позитивными мерами и правами других групп и отдельных лиц

Можно задать вопрос, не представляют ли собой позитивные действия дискриминацию в отношении большинства населения или даже других групп и их членов? Все потому, что рассматриваемые меры, пусть даже временно, несомненно нарушают юридическое равенство между различными группами и, в конечном счете, между отдельными лицами.

Это ложная дилемма. В наше время не оспаривается, что в таких случаях имеет место не дискриминация других, а специальные, оправданные меры, составляющие неотъемлемую часть корпуса прав человека (в частности, прав меньшинств) и служащие достижению реального равенства между различными частями общества. На это обстоятельство указывают примеры, приведенные выше.

Соответствующие нормативные акты многих стран, а также позитивное международное право прямо заявляют о том же. Что касается внутреннего правопорядка, то такие нормы обычно содержатся уже в конституциях. Например, Конституция Республики Сербия (2006 г.) в ст. 21/4 устанавливает: «Специальные меры, которые Республика Сербия может принять для достижения полного равенства лиц или групп лиц, находящихся по существу в неравном положении с другими гражданами, не считаются дискриминацией».

Подобные нормы также содержатся и в важнейших международных документах, особенно в договорах, касающихся защиты определенных уязвимых категорий. Их находим (в хронологическом порядке) в следующих статьях: ст. 5 Конвенции МОТ №. 111, в которой говорится о дискриминации в сфере труда и занятий (1958 г.), ст. 1–2 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), ст. 4. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) и др.

⁶ Имеются в виду ограничения или приостановление действия определенных прав человека в связи с: 1) встроенными ограничениями (способом определения конкретных прав), 2) состояниями опасности (состояние войны, стихийные бедствия и т. п.) и 3) использованием государством его права введения так называемых факультативных ограничений. [8, с. 42–52].

Например, ст. 4/1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин устанавливает: «Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно влечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов; эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения». В пункте 2 той же статьи уточняется: «Принятие государствами-участниками специальных мер, направленных на охрану материнства, включая меры, содержащиеся в настоящей Конвенции, не считается дискриминационным».

Подобным образом, важнейший региональный документ по защите этнических меньшинств – европейская Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.) – не только в полной мере служит обеспечению особых прав меньшинств и в ст. 4/2 устанавливает обязательство договаривающихся сторон принимать надлежащие меры для содействия во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни полному и эффективному равенству между представителями национального меньшинства и лицами, принадлежащими к большинству, но и уточняет (ст. 4/3), что указанные меры не считаются актом дискриминации.

Применение позитивных действий предусмотрено и международными документами политического характера, такими как Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1963 г.), Декларация ЮНЕСКО о расах и расовых предрассудках (1978 г.), Декларация ООН о правах представителей национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств (1992 г.) и др. Вопросом позитивных действий в течение многих лет занимаются компетентные органы ООН и органы и учреждения Совета Европы и некоторых других региональных организаций. Среди прочего, подготовлен ряд исследований, посвященных этой проблеме.

3.3. Проблема злоупотребления позитивными действиями

Злоупотреблять можно всем, в том числе и правами человека, как общими, так и специальными. При этом злоупотребления могут исходить от разных субъектов, в том числе и от государства, а тем более от самих пользователей соответствующих прав [9, с. 170–184].

Злоупотребление существует, когда что-то используется не по своему назначению, с целью обеспечения для себя или другого какой-либо не принадлежащей выгоды или для незаконного причинения какого-либо ущерба кому-то другому. Можно злоупотреблять и мерами позитивных действий и даже самой идеей предоставления особой защиты уязвимым категориям людей. Например,

в практике некоторых стран были случаи, когда материальные средства, выделяемые из государственного бюджета на культурное и иное развитие этнических меньшинств, использовались руководством отдельных меньшинств в личных целях,⁷ таких как покупка автомобилей для лидеров меньшинств, открытие ресторана и т. д. Делалось это под предлогом необходимости облегчить передвижение представителей данного меньшинства, предоставить место (как ни странно, в ресторане) для сбора членов данного меньшинства и т. п. В принципе, и с этим можно было бы согласиться в некоторых случаях, но в рассматриваемом здесь примере речь несомненно шла о незаконном использовании государством выделенных средств для личной выгоды и обогащения отдельных лиц.

В последнее время острой стала проблема прав особой категории людей, которая до сих пор не признавалась таковой международным правом. Имеется в виду так называемый европейский миграционный кризис, как одним названием обозначается ряд событий, связанных с массовым, по существу нелегальным прибытием в Европу (особенно в развитые страны Западной Европы) выходцев с Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии. Хотя первые его очертания были замечены уже в 2010 г., в 2014–2016 гг. кризис обострился потоком беженцев из охваченных гражданской войной и анархией Сирии, Ирака и Ливии, а также массовым прибытием экономических мигрантов из Афганистана, Пакистана, Сомали, Эритреи, Мали, Гамбии, Нигерии, Йемена и т. д. Считается, что только в 2015 г. в Европу пришло более миллиона таких лиц. Их прибытие вызвало ряд проблем, связанных с обращением с ними, их регистрацией, питанием, размещением, обеспечением проезда в другие страны, преступлениями, совершенными этими лицами в стране пребывания и т. д., а также с разногласиями между европейскими странами, в первую очередь членами Евросоюза, о том, какие действия необходимо предпринять / о необходимых действиях, и особенно о том, сколько мигрантов должна принять каждая из них⁸.

Не оспаривается, что необходимо оказывать всю возможную помощь лицам, попавшим в беду. Это элементарное требование гуманности. Однако в связи с конкретной проблемой очень быстро возник целый ряд необъяснимых вопросов, таких как: почему в Европу, преодолевая тысячи километров, «бегут» почти исключительно мужчины призывного возраста, а не, как это всегда было, матери с детьми, пожилые люди или целые семьи; откуда у них деньги на такое путешествие; как получает-

⁷ Намеренно не желаем упомянуть, кто это, во избежание политизации данного вопроса. Достаточно сказать, что это реальный случай из практики.

⁸ Существует мнение, что хорошо спланированные, поощренные и финансируемые крупномасштабные миграции населения, особенно бедного и другого происхождения, религии, обычаев и т. д., могут представлять собой особый вид оружия, то есть способ ведения войны [10, с. 116–159].

ся, что многие из них передвигаются как воинские части (в отделениях с хорошо заметным лидером-командиром); как получилось, что они направились в далекую Европу, а не в страны куда более близкие им культурно, религиозно и географически, где царит мир и где высокий уровень жизни – в Саудовскую Аравию, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты и т. д.? Вопросов много. Что бесспорно, так это то, что на европейские страны вдруг были возложены многие обязательства по отношению к этим лицам, которые не являются их гражданами и не состоят с ними в каких-либо реальных и юридических отношениях, а так же, по международному праву, не являются истинными беженцами (по этой причине и был введен термин «мигранты»).

В последние несколько лет мы наблюдаем все больше различных запросов со стороны ЛГБТ-групп, т. е. лиц так называемой нестандартной ориентации, требующих предоставления им различных, все более значимых прав. Таких как проведение т. н. парада гордости (прайд-парад), гарантирование некоторых особых прав (на вступление в брак с особой того же пола, на усыновление детей, на введение соответствующего контента в образовательные программы в школах и т. д.). В связи с этим нет никаких сомнений в том, что эти лица должны быть защищены от любых форм насилия или дискриминации. Но возникает вопрос – не является ли удовлетворение упомянутых требований нарушением столь же важных и тем более законных прав большинства? Ведь одно из условий для оправданного и правомерного введения мер позитивных действий состоит в том, что они на самом деле объективно необходимы. Но как такие меры, как требование к детям целоваться на уроках с одноклассниками того же пола могут считаться объективно необходимыми? А такая практика уже известна в школах некоторых стран. Или как понять требование к ученикам приходить на уроки в юбках, если они мальчики? Тем более следует ли разрешить однополым парам усыновление (чужих!) детей, которых такие пары будут (без согласия ребенка, ибо он слишком мал, чтобы понять в чем дело) воспитывать по-своему? Кстати, все упомянутые и подобные меры, которые членам рассматриваемой группы удалось навязать в определенных обществах, были достигнуты в странах, где таким группам и их членам не только ничего не угрожает, но они даже являются частью политической, экономической, культурной и иной элиты. А это уже само по себе означает, что они в принципе имеют не просто хорошее, но и во многих отношениях лучшее реальное положение, чем остальные граждане. Помимо всего прочего, объявленные члены таких групп находятся в самом верху правительства многих стран. Действительно ли необходимы меры, о которых здесь шла речь? Или на самом деле мы сталкиваемся с политическим проектом перестройки общества?

Автор этих строк сразу согласится с тем, что даже сегодня положение женщин во многих обще-

ствах все еще тяжелое и что в некоторых сферах они иногда еще не равны мужчинам. Впрочем, достаточно лишь напомнить, как непросто процесс признания права голоса женщин развивался во многих странах, в том числе принадлежащих к т. н. западным демократиям⁹. И подразумевается, что автор поддерживает все разумные меры в направлении обеспечения полного равноправия женщин и мужчин. И все же создается впечатление, что все чаще имеем дело с преувеличением. Приведем всего пару примеров.

Можно начать уже с явления, известного как политкорректная речь¹⁰, которая иногда навязывается нормативными актами. Между прочим, ее суть, заключающаяся в упорном настаивании на том, чтобы во что бы то ни стало для всех существительных мужского рода, найти (вернее, создать) альтернативные существительные женского рода, причем особенно для профессиональных характеристик. Таким образом вводятся новые названия там, где их никогда не было и где это звучит неестественно. Примерами являются новые слова, придуманные для обозначения женщины-министра, женщины-солдата, женщины-психолога, женщины-кардиолога и т. п. Такие слова обычно неуместны. Язык – живой организм, и он эволюционирует со временем. Уже давно в разных языках существует множество названий для социальных функций и женских профессий, таких как женщины-президента, женщины-правителя, женщины-профессора, женщины-врача, женщины-аптекаря, женщины-автора чего-либо, женщины-спортсмена и т. д. Но не представляется правильным и полезным искусственно изобретать и навязывать какие-то новые слова только для того, чтобы силой добиться формального равенства.

Кстати, обычно забывают, что есть и много слов женского рода, которые без «перевода» употребляются применительно к мужчинам. Например, в сербском и русском языках такое замечание верно в отношении таких слов, как «звезда», «сила», «радость», «надежда», «любовь», «душа», «воля», «судьба», «глава», «гордость» и т. д. Например, говорят: «Он – глава нашего государства!»,

⁹ Женщины получили право голоса в США в 1920 г., в Великобритании только в 1929 г., а в ряде стран, принадлежащих к числу т. н. западных демократий, только после Второй мировой войны или даже совсем недавно: во Франции в 1944 г., в Италии в 1946 г., в Германии и Бельгии в 1948 г., в Монако в 1962 г., в Швейцарии в 1971 г., в Португалии в 1974 г., в Испании в 1975 г., в Лихтенштейне в 1984 г.

¹⁰ Хотя она здесь обсуждается в связи с положением женщин, т. наз. политкорректной речью иногда злоупотребляют и по другим причинам, в том числе для мнимого обеспечения равенства уже упомянутых ЛГБТ-групп. В этом смысле в некоторых обществах не говорят (где-то даже запрещено говорить) «мама и папа», «мать и отец», а можно только «родитель 1 и родитель 2»; вместо «муж и жена» употребляют выражение «партнеры» и тому подобное. При этом навязывание таких речевых и культурных образцов осуществляется без учета традиций, взглядов, чувств и желаний большинства населения.

«Он – звезда нашей команды!», «Он – надежда нашего тенниса!», «Он – движущая сила нашего коллектива!», «Он – моя судьба!», «Он – правая рука режиссера» и т. п. И в то же время это никому не мешает и никому не приходит в голову вводить альтернативные слова в мужском роде.

Если ставится цель, чтоб они действительно были полностью юридически и фактически равными во всем с мужчинами, то тогда у женщин не должно быть множественных традиционных привилегий. В таком случае, там, где есть обязательная воинская повинность, они тоже должны нести срочную службу, причем на тех же условиях, что и мужчины; они должны выходить на пенсию, когда достигают того же возраста, что и мужчины (а не за 5 лет до них, как это принято во многих странах); женщины и мужчины должны выступать в одной категории на всех других спортивных соревнованиях и т. п. Конечно, мы ничего подобного не предлагаем, а просто хотели указать на то, что не всегда можно использовать институт позитивного действия и что неправильное его применение в конечном счете может привести к абсурду.

С другой стороны, следует признать, что во многих случаях мужчины подвергаются дискриминации в отношении женщин. Хотя за работу равной ценности (равной продолжительности и качества) все должны получать одинаковое вознаграждение, в некоторых странах женщинам платят меньше, чем мужчинам, что, конечно, недопустимо. Однако часто упускается из виду, что в некоторых сферах считается совсем нормальным, когда женщинам за одинаковую работу платят куда больше, чем мужчинам. Достаточно напомнить всем известный факт, что ведущим моделям платят несравненно больше, чем их коллегам-мужчинам. И это почему-то никого не волнует.

Если в предыдущем случае можно возразить, что указанное всего лишь подтверждает требование обеспечения равенства, когда необходимо, и для мужчин, то бывают и такие ситуации, когда позитивными мерами злоупотребляют для мнимого уравнивания женщин с мужчинами, а на самом деле для введения реального неравенства между ними. Здесь тоже достаточно одного примера. После ряда протестов женских обществ на крупнейших мировых теннисных турнирах призовые деньги, присуждаемые победителям мужских и женских соревнований, полностью уравнились (до этого женщины получали гораздо меньше, что обосновывалось намного меньшим интересом публики и спонсоров к их игре). Однако, когда

теннисистки стали получать столько же, сколько и теннисисты, от всеобщего внимания как-то ускользнуло, что такое решение на самом деле является открытой дискриминацией мужчин. А именно, «работа» мужчин на пути к трофею на турнире Большого шлема гораздо сложнее и длится намного дольше, чем то, с чем сталкиваются теннисистки. Напомним, что женщины играют до 2 выигранных сетов, что означает, что они играют всего 2 или максимум 3 сета и обычно заканчивают свои матчи после 1–1,5 часов игры. С другой стороны, мужчины играют матчи в 3 выигранных сета, и поэтому всегда играют как минимум 3 сета (3:0), а иногда даже 5 сетов (в случае результата 3:2), причем их матчи тогда длятся 5, 6 и более часов, т. е. в 3 раза дольше, чем матчи теннисисток. И эти правила действуют в каждом раунде каждого большого турнира. Поэтому стремление уравнивать заработки теннисисток с тем, что получают теннисисты, фактически привело к дискриминации мужчин.

Заключение

Концепция позитивных действий, т. е. особой защиты уязвимых групп и их членов, – великое достижение. Необходимо дальнейшее развитие международно-правовых норм и государственного законодательства в этой сфере и, в частности, обеспечение соответствующей практики.

И все же не следует впадать в другую крайность. Преувеличение не может быть оправдано уже потому, что оно противоречит самой идее рассматриваемой защиты. К тому же, оно не соответствует условиям, установленным для обоснования введения и реализации мер позитивных действий, в частности тем, которые требуют, чтобы меры стимулирования были объективно необходимыми и соразмерными желаемой цели. Кроме того, в некоторых случаях различные шаги, представляемые как необходимые меры позитивных действий, грозят перерасти в нарушения не менее ценных и законных прав большинства населения.

Наконец, поскольку каждое действие всегда вызывает противодействие, преувеличение, о котором мы здесь говорим, может легко привести к недовольству и ответным реакциям со стороны других (большинства населения или других групп), что в конечном счете может обернуться сокращением или даже полным отказом в правах, которыми ранее пользовалась соответствующая группа.

Библиографический список / References

1. Chandola M. V. Affirmative Action in India and the United States: The Untouchable and Black Experience // *Indian International and Comparative Law Review*. 1992. Vol. 3, № 1. P. 101–155. DOI: <https://doi.org/10.18060/17475>.
2. Spann G. A. Affirmative Action and Discrimination // *Harvard Law Review*. 1995. № 1. P. 1–94. URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2955&context=facpub>.
3. Green J. Affirmative Action: Challenges and Opportunities // *Brigham Young University Education and Law Journal*. 2004. № 1. P. 133–154. URL: <https://digitalcommons.law.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1180&context=elj>.

4. Sander R. H. A Systemic Analysis of Affirmative Action in American Law Schools // *Stanford Law Review*. 2004. Vol. 57, no. 2. P. 367–483.
5. Crosby F. J., Iyer A., Sincharoen S. Understanding Affirmative Action // *Annual Review of Psychology*. 2006. Vol. 57. P. 585–611. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.57.102904.190029>.
6. Boddie E. C. The Future of Affirmative Action // *Harvard Law Review Forum*. 2016. Vol. 130. P. 38–50. URL: <https://harvardlawreview.org/forum/vol-130/the-future-of-affirmative-action>.
7. Richman A. The End of Affirmative Action in Higher Education: Twenty-Five Years in the Making? // *De Paul Journal for Social Justice*. 2016. Vol. 4, issue 1. P. 61–96. URL: <https://via.library.depaul.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1043&context=jsj>.
8. Krivokapić B. Embedded human rights restriction and related issues // Babak Taheri, Aleksandar Damjanovic, Milija Bogavac (Eds.) *Economic and Social Developments. 75th Scientific Conference on Economic and Social Development Development. Book of Proceedings*. Belgrade, 2021. P. 42–52. URL: https://www.researchgate.net/publication/365893047_Boris_Krivokapic_EMBEDDED_HUMAN_RIGHTS_RESTRICTIONS_AND_RELATED_ISSUES.
9. Кривокапич Б. Злоупотребление правами человека со стороны государств // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. 2019. № 1 (57). С. 170–183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37187483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rkicia> = Krivokapich B. *Zloupotreblenie pravami cheloveka so storony gosudarstv* [Concept and forms of human rights abuse]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Vestnik TvGU. Seriya: Pravo], 2019, no. 1 (57), pp. 170–183. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37187483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rkicia> [in Russian].
10. Greenhill K. M. Weapons of Mass Migration: Forced Displacement as an Instrument of Coercion // *Strategic Insights*. 2010. № 1. P. 116–159.

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-29-37

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.12.2023

Revised: 17.01.2024

Accepted: 15.03.2024

Epistemological-methodological approach to the research of the media sphere of armed conflicts**N. Danilović**

«MB» University, Faculty of Business and Law, Beograd, Srbija

E-mail: danilovic.nedjo@gmail.com

Abstract: The subject of this paper is the research into the media sphere of armed conflicts, whose results contribute to the strengthening of the state and law. The aim of the study is to offer the scientific and social public a methodological approach to the research of the media sphere in armed conflicts, based on the scientific analysis of experience from information and propaganda wars of the modern era. The results of this research have strategic importance for the attitude and behavior of states and their institutions in armed conflicts. The main aim of the research into the media sphere of armed conflicts is to generate new scientific ideas and practical social experience, which is necessary to adequately counter the propaganda war, as well as for more efficient strategic and operational management of the conflict by the countries participating in it, through the realization of basic and applied research in this sensitive sphere. Almost all basic analytical and synthetic methods of knowledge were used in the study, while emphasis was placed on analysis, synthesis, abstraction, classification, generalization and the inductive-deductive method. From the corpus of general scientific methods, hypothetical-deductive, statistical and comparative methods were applied in the study. From the group of methods used for collecting data, the method of survey was used, first of all, the technique of a poll, as well as the operational method of document content analysis with qualitative and quantitative analysis techniques. The results of the analyses of armed conflicts that were led at the end of the 20th and the beginning of the 21st century confirmed the initial hypothetical assumption that permanent research of reports in written and electronic media before and during armed conflicts influences the final decision on the outcome of the conflict, and that the results of research after the end of armed conflicts contribute to the strengthening of the state and law. The main result of this study is the realization that without researching the media sphere of armed conflicts, it is not possible to reach new knowledge, axioms, postulates, principles, laws and theories that, in the modern conditions of technical and technological achievements refute the motives and goals of all armed conflicts and prove the futility of conflicts between people, social groups, ethnic and religious communities, nations, sovereign states and military-political alliances.

Key words: armed conflicts; science; scientific research; methodology; research methods and techniques.

Citation. Danilović N. Epistemological-methodological approach to the research of the media sphere of armed conflicts. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 29–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-29-37>.

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Danilović N., 2024

Nedjo Danilović – full professor, Faculty of Business and Law, «MB» University, Univerzitet MB Beograd, 21, Prote Mateje, Beograd, 11111, Srbija; president of the International Association of Methodologists of Social Sciences.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

Дата поступления: 13.12.2023

рецензирования: 17.01.2024

принятия: 15.03.2024

Эпистемолого-методологический подход к исследованию медиасферы вооруженных конфликтов**Н. Данилович**

Университет «MB», г. Белград, Сербия

E-mail: danilovic.nedjo@gmail.com

Аннотация: Предметом статьи является исследование медийной сферы вооруженных конфликтов, результаты которого способствуют укреплению государства и права. Цель исследования – предложить научному сообществу и широкой общественности методологический подход к исследованию медиасферы в условиях вооруженных конфликтов, основанный на научном анализе опыта информационно-пропагандистских войн современной эпохи. Результаты этого исследования имеют стратегическое значение для отношения и поведения государств

и их институтов в вооруженных конфликтах. Основной целью исследования медиасферы вооруженных конфликтов является генерация новых научных идей и практического социального опыта, необходимого для адекватного противодействия пропагандистской войне, а также для более эффективного стратегического и оперативного управления конфликтом странами, участие в нем путем проведения фундаментальных и прикладных исследований в этой чувствительной сфере. В исследовании использовались практически все основные аналитические и синтетические методы познания, при этом упор делался на анализ, синтез, абстрагирование, классификацию, обобщение и индуктивно-дедуктивный метод. Из корпуса общенаучных методов в исследовании применялись гипотетико-дедуктивные, статистические и сравнительные методы. Из группы методов, применяемых для сбора данных, применялся метод опроса, а также оперативный метод анализа содержания документов с качественными и количественными методами анализа. Результаты анализов вооруженных конфликтов, произошедших в конце XX – начале XXI века, подтвердили исходное гипотетическое предположение о том, что постоянное изучение сообщений в письменных и электронных СМИ до и во время вооруженных конфликтов влияет на окончательное решение и что результаты исследований после окончания вооруженных конфликтов способствуют укреплению государства и права. Основным результатом данного исследования является осознание того, что без исследования медиасферы вооруженных конфликтов невозможно прийти к новым знаниям, аксиомам, постулатам, принципам, законам и теориям, которые в современных условиях технических и технологических достижений опровергают мотивы и цели всех вооруженных конфликтов и доказывают бесперспективность конфликтов между людьми, социальными группами, этническими и религиозными общностями, нациями, суверенными государствами и военно-политическими союзами.

Ключевые слова: вооруженные конфликты; наука; научное исследование; методология; методы и приемы исследования.

Цитирование. Danilović N. Epistemological-methodological approach to the research of the media sphere of armed conflicts // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 29–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-29-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Данилович Н., 2024

Недждо Данилович – ординарный профессор, факультет Бизнеса и Права, университет «МБ», 11111, Республика Сербия, г. Белград, Prote Mateje, 21; президент Международной Ассоциации Методологов Социальных Наук.

Introduction

In the introduction to this complex topic, first the terms research and scientific research of the media sphere in armed conflicts should be necessarily defined. Research is a categorical term in science that is defined in everyday language and in the sources of numerous scientific fields. For the purposes of the subject of this paper, the theoretical and methodological definitions of research into the media sphere of armed conflicts are particularly significant, that is, a significant contribution to general and specific methodologies in all fields and areas of science is offered in them.

Researching the media sphere in armed conflicts is a complex process in which new gnoseological and epistemological knowledge is necessarily gained from the analyses of written and electronic media regarding the armed conflict between social groups, ethnic communities, peoples, states and military-political alliances and blocs [1, p. 12]. This kind of research is not just the realization of facts belonging to objective reality, but systematic new knowledge, which is collected, arranged and systematized with the help of scientifically verified methods, and which resulted from writings in the written media and statements in the electronic media, which reflect the attitudes and beliefs of the public about a specific armed conflict [2, p. 9].

Although every mental process is a component of scientific knowledge, not every opinion expressed in the media about an armed conflict is research-oriented and objective, just as every research of statements in the written media and attitudes in the electronic media about an armed conflict is not scientific. This has been confirmed by all the armed conflicts led so far, while

the most exact proof of this axiomatic attitude is found in the armed conflicts fought at the end of the 20th and the beginning of the 21st century.

In order for one or more opinions expressed in the media to be objective and scientific, as a component of scientific research, it must have the properties of objectivity, scientific soundness, logic, gradualness, consistency and coherence, realism, complexity and systematicity, and only as such, in synergy with a whole range of intellectual, manual and combined, creative, routine and technical research procedures and activities of analysts – researchers, it can produce new scientific knowledge.

It is evident from the previous premise that scientific research of the media sphere in armed conflicts is not just a collection of facts from articles in the written media and statements in the electronic media and judgment about them, but an organized, systematic and complex process of acquiring scientific knowledge, i.e. a new level of scientific knowledge, which is structured within itself from harmonized systems of existing scientific and other experiential knowledge, mental processes, technical and routine research activities and procedures that are connected into one logical and coherent meaningful whole, oriented towards the main goal – the acquisition of new scientific knowledge [2, p. 9].

Therefore, it may be said that the scientific research of the media sphere in an armed conflict is a systematic, planned and objective research of writings in written media and statements, attitudes and beliefs expressed in electronic media, according to specific methodological rules, whose purpose is to provide a reliable, precise and objective response to the main

issues of causes, essence and consequences of the armed conflict [3; 4].

The research of the media sphere in the armed conflict is a creative, systematic activity of objective journalists-analysts and scientific researchers undertaken with verified scientific methods aimed at increasing the existing fund of scientific knowledge and the realization of new knowledge about causes, essence and consequences of the armed conflict [6].

The scientific research on the media sphere of armed conflicts is a gradual and studious investigation or examination, that is, a specific research conducted with the help of verified research procedures and scientific methods aimed at discovering and interpreting new facts, revising the accepted attitudes or positions in the light of new facts and implementing in practice these new or revised knowledge in order to stop the armed conflict and solve the problems between ethnic groups, peoples, states and military-political alliances and blocs in a peaceful way [5].

In the continuation of the paper, we offer the scientific and professional public a possible subject of basic and applied research in armed conflicts, with the emphasis placed on the epistemological-methodological approach to the research of the information and propaganda sphere in modern armed conflicts.

1. The subject of basic and applied research in armed conflicts

In the current state of international relations, it is of great importance that scientific, especially basic and applied research is focused on the research of armed conflicts. Basic and applied research of armed conflicts has the role of fundamental contributions to the development of scientific knowledge that modern civilization is looking for. Such research resolves basic questions of social and scientific laws and legality in this specific and complex sphere of social life.

The subjects of basic and applied research of armed conflicts have a general character, while the results of this research have a strategic scientific importance for the development of global and regional community and for the prosperity of modern states.

Basic and applied research of armed conflicts is one of the most important challenges of the 21st century. It is about extremely complex scientific research that implies a high degree of familiarity with different kinds of scientific knowledge. The complexity of this research has contributed to the fact that a relatively small number of researchers deal with the research of armed conflicts, especially conceptual-methodological issues of designing this research and the implementation of basic and special scientific methods in such research.

From the history of development of human society comes the realization that the world has not learned yet to overcome political, economic, military and other conflicts and wars of extermination by finding efficient and adequate ways and methods for eliminating and mitigating contradictions between people, different social groups, ethnic and religious communities,

peoples, economic and military-political alliances [6]. This realization is best confirmed by the inappropriate and biased sanctions against Russia that were imposed by the so-called "collective West", which shows that there was no basic and applied scientific research on the Ukrainian-Russian relations, or that the results of this research were unscientific and biased, in accordance with the interests of the "collective West" towards this Eurasian region and its natural and other resources.

The basic social role of scientific research of armed conflicts is the acquisition of new knowledge, and if it is possible, in real time, in real conditions of their occurrence and about real participants and their real and hidden goals, purposes and motives of actions, methods and activities of public and secret actions and consequences caused by these actions of participants of armed conflicts at the global, regional and national levels.

The scientific research is an objective form of systematic understanding of armed conflicts and other types of conflicts, which is based on the consistent application of scientific methods, techniques, instruments and procedures used for collecting, describing, explaining, proving and refuting collected facts aimed at stopping the armed conflicts and finding ways of sustainable peace.

The research of contemporary armed conflicts is complex and difficult because it is conducted in complex conditions, while their thematization implies high awareness of special and specific information, which is analyzed by a small number of researchers, as well as a very developed research methodology, that is, a special methodology of polemology as a cognitive-theoretical scientific discipline which studies armed conflicts and their categories, axioms, principles, laws and theories.

The previous methodological experience in the research of various structural factors of armed conflict has been very scarce. It has not been synthesized, collected, described and theoretically formed and as such it does not provide sufficient insight into the achieved level of methodological development of polemology and other scientific fields that are legitimately intertwined in the armed conflict. There have been partial attempts to research this experience, but not fundamental epistemological knowledge.

Starting from the very complex current situation in international relations, there is a strong theoretical and empirical need for basic and applied diagnostic, comparative, prognostic and futurological research of armed conflicts as complex social phenomena in general and of each concrete structural factor of armed conflict, in particular.

Such research is rare and methodologically complex for the conceptualization and practical realization. The complexity of research comes from the character, goals and characteristics of modern forms of armed conflicts, which condition the possibilities, limits and methods of research, as well as the possibility of applying adequate methods, techniques, instruments and procedures in that research. Considering the

influence of the character, goals and characteristics of modern armed conflicts on the development of methodology and methods that are applied in the research of this social phenomenon, which is an important epistemological issue, we have tried in this paper to present the specifics of the research of media sphere in armed conflicts, in relation to the following:

1) Possibilities of conceptualization and reconceptualization of projects for the research of articles in written media and statements in electronic media about armed conflicts in general and certain modern forms of armed conflicts in particular;

2) Possibilities and ways of re-evaluating the primary information and data from reports in written media and statements in electronic media about the armed conflict;

3) Specifics of the verification procedure in the research of articles in written media and statements about the armed conflict in electronic media;

4) Degree of accuracy of obtained research results from articles in the written media and statements about the armed conflict in the electronic media;

5) Different levels of research within the same research procedure;

6) Different types of research (fundamental, applied, action; diagnostic, prognostic; futurological, exploratory; verification, heuristic, etc.) and the needs of methodological delineation that can provide quick and reliable results in the analysis of writings in written media and statements and attitudes in electronic media on the armed conflict, necessary for the quick decisions that the state has to make on the continuation or termination of that armed conflict.

Several decades of author's experience in the research of armed conflicts indicates that in the near and far future it will be necessary to conduct a lot more basic and applied research into the media sphere in contemporary armed conflicts, whose final result could lead to new knowledge, axioms, postulates, principles, laws and theories that would argumentatively prove the pointlessness of armed conflicts and recognize the need to find the lasting and sustainable compromising peace between the parties participating in the conflict.

The confirmation for this attitude is found in the realization that modern developed societies have come into possession of sophisticated weapons with nuclear potentials that threaten the mutual destruction of civilization. This realization confirms the previous premise about the meaninglessness of any war and the need for permanent basic and applied research into the causes that drive people, social groups, peoples, states, military-political alliances and blocs into conflicts and wars, which stop their further overall development and progress, not only for several decades, but for a whole century.

According to the existing constellation of international relations, which is very complex, it will be necessary that the subjects of basic and applied research in the future include a diverse range of structural factors of armed conflicts and research questions ranging from the research of internal and international relations, in which there came to

the conflict and wars between ethnic and religious communities, sovereign states and military alliances and blocs, through the research of causes, goals, courses and consequences of armed conflicts, to the research of various political, economic, social, moral, social-psychological, ecological, information-propaganda and other structural factors of these conflicts.

In the continuation of this paper, the focus of research will be narrowed only to the epistemological-methodological approach to the research of the information-propaganda sphere of armed conflicts, which decisively affects the character of the conflict itself between the parties participating in the armed conflict.

2. Epistemological-methodological approach to the research of information-propaganda factors of armed conflicts

The term epistemological-methodological approach to the research of information-propaganda factors of armed conflicts in this paper means the approach to the conceptualization of research projects, with an emphasis placed on formulating the problem and defining the subject of research, establishing the scientific and social aims of the research, establishing the system of hypotheses on which the research is based, selecting and using the scientific methods, techniques and instruments in the research and evaluation of scientific and social justification of research of articles in written media and statements about armed conflicts in electronic media.

The theoretical-empirical views expressed in this paper were confirmed in the comprehensive fundamental research that the author of the paper carried out with a group of social science methodologists and eminent media experts on the topic: Newspapers about NATO's aggression against the Federal Republic of Yugoslavia. The research was carried out in the period from March 1999 to July, 2002.

The research of statements in written media and attitudes in electronic media about armed conflicts is a rare subject of scientific research. As a rule, it is undertaken as a separate macro project or sub-project within a wider macro project of research of armed conflicts. The informative-propaganda aspect is the most dominant factor in an armed conflict in which public opinion is one of important factors related to the capability of parties to the conflict. Public opinion is formed under the decisive influence of media, with written and electronic media playing the most significant role. This has been confirmed by all the armed conflicts that have been conducted since the Second World War, especially the armed conflicts in Vietnam, Afghanistan, Iraq, Libya, the former Socialist Federal Republic of Yugoslavia, the Federal Republic of Yugoslavia, Serbia, Libya, Syria and the most recent armed conflict in Ukraine.

The media systems of the participants in the armed conflict are objectively in an unfavorable position and they are forced to solve simultaneously two major problems:

a) To ensure the sufficient exposure of public to appropriate information, messages and values important to the parties in conflict;

b) To oppose the dysfunctional information, messages and values of the opposite side, that is, in favor of their own side in the armed conflict.

In basic and applied research on armed conflicts, it is epistemologically important to objectively, truthfully and timely realize the relationship between written and electronic media towards the parties participating in the conflict and perceive the real role of written and electronic media in the armed conflict.

Epistemological reasons impose the need for the objective analysis of the content of written and electronic media of the parties to the conflict aimed at realizing certain tendencies, discovering trends, drawing experience in their reporting and taking measures of competent state authorities and international organizations in regulating the place and role of media and their fairer and more objective work in the period before, during and after the end of the armed conflict. Therefore, for science and scientific research, it is important to find, with the help of appropriate scientific methods, how and to what extent media in warring parties act objectively, truthfully, preventively, timely, subsequently, prognostically and diagnostically, and how and to what extent they participate in compensating for the numerical and technological superiority of the media of the opposing side in the war.

The experience of the author of this paper indicates that the epistemological-methodological approach in the projects of basic and applied research of written articles and statements in electronic media about the armed conflict should be based on the following axioms:

1) In all types and forms of armed conflicts, public opinion, the system of values and citizens' morals are an important factor influencing the will to participate in an armed conflict. Every armed conflict is preceded by the efforts of one side to make it impossible for the other side to constitute the will to participate in the armed conflict with various forms of satanization, misinformation, threats of impending harm, discouragement, and intimidation. During an armed conflict, the campaign is intensified connected with the concrete forms of devastation and destruction. An integral part of such a campaign includes efforts to prevent informing, media and other ways of communicating with public opinion and within it;

2) Written and electronic media are a powerful and influential means of successful behavior of parties to the armed conflict, especially in terms of its devastating effect on the will and morale of the participants in the armed conflict. The very daily occurrence of written and electronic media in the usual circulation, listenership and viewership represents a strong barrier to the achievement of goals of the parties to the conflict. If the writings in written media and statements in electronic media are essentially in agreement and if the same or approximately the same agreement is achieved with the broadcast messages of

other domestic or neutral media, then the possibility of complicating, mitigating and even thwarting the opponent's information-propaganda campaign is largely built [7, p. 2–3];

3) The presented premises contained in the aforementioned axiom determine the basic content of the subject of basic and applied research of written and electronic media in armed conflicts. These are, first of all: 1) regularity of publication and announcing of written and electronic media; 2) circulation and volume of publishing or announcing; 3) thematic-subject provisions and the number of articles and announcements about the armed conflict; 4) the way of presenting articles in written media and statements in electronic media about the armed conflict [7, p. 3].

Methodological-methodical reasons require that the thematic-subject provisions in projects of basic and applied research of articles in written media and statements in electronic media in the armed conflict are classified through fundamental contents about the following [Danilović, 2015, p. 31, 94]:

I. Causes, conditions and reasons for the outbreak of the armed conflict;

II. Participants – subjects in the armed conflict;

III. Motives, interests, goals and orientation values of the participants in the armed conflict;

IV. Activities, actions, functions and procedures by content and form of participants in armed conflicts;

V. Consequences and results of the activities of participants in the armed conflicts.

In the projects of basic and applied research of articles in written media and statements in electronic media during the armed conflict, it is necessary to discover not only the number and location of articles on the listed thematic contents (territorially, and by media), but also how the thematic content in the written and electronic media was edited and analyzed, which implies the realization of the following [3, p. 31]:

a) orientation of media content;

b) emphasis of topics in the media content;

c) sections in which media content was published;

d) the genres used;

e) argumentation of media content;

f) intensity of media content engagement;

g) readability of articles in written media and clarity of statements in electronic media, and

h) impression of the credibility of writings in written media and statements in electronic media.

The acquired knowledge about such a subject of research enables a relatively complete knowledge of how the written and electronic media actually behaved during the armed conflict, and also enables a relatively reliable conclusion about the possible influence of the written and electronic media on further activities of the parties to the armed conflict.

Such a subject of research, which is determined in terms of content, space and time, imposes the establishment of real and achievable scientific and social research aims. The *scientific aims* of research in such projects can be formulated as a scientific discovery of the content and form of written articles

and statements in electronic media about the armed conflict, as well as their dimensioning, that is, determination. *The social aim* of research in such research projects relates to enabling the elaboration of the obtained scientific knowledge for the formulation of media public policy and for the further improvement of the theory of communication and public relations, as well as for undertaking practical measures in the function of finding possibilities for the continuation or termination of the armed conflict.

Given that it is a mass social phenomenon, basic and applied research of written articles in written media and statements in electronic media about the armed conflict requires the application of almost all basic analytical and synthetic methods of knowledge, as well as the application of the general scientific statistical method, which is a factual and important factor of unifying the macro research project into a single unit. In addition to the general scientific statistical method, the characteristics of the research subject of articles in written media and statements in electronic media, as well as the diagnostic-prognostic orientation of the research itself require the application of hypothetical-deductive methods, both in the process of research design and in the preparation of research reports. This satisfies the requirements for establishing the necessary level of structural-functional connections and relationships in the logical-content and methodical-instrumental sense between all parts of the research project and the report on the research results [7, p. 4].

In addition to the general scientific, hypothetical-deductive and statistical method, in such projects of basic and applied research of articles in written media and statements in electronic media about the armed conflict, it is necessary to use the modeling method in two directions. The first direction requires the use of established and long-term practiced models of rubrics, genres, etc., within the framework of which it is necessary to introduce the provisions of articles and statements in written and electronic media, that is, to use them as classification criteria or the basis for the development of individual scales. Another direction of using the modeling method includes its rules for forming typical, essential models, on the basis of which modal determinations of meaning can be formed in writings of written media and statements in electronic media.

Such projects of basic and applied research into the media sphere in armed conflicts require a more massive application of the Research method with its two techniques – questionnaire and interview.

The characteristics of the research of articles published in written media and statements communicated in electronic media, as mass phenomena, and their manifestations determine the choice of data sources and methods used for the collection of data. The multitude of newspapers, articles, electronic media and statements communicated in them points to the use of certain written and electronic media that will represent three important provisions of the phenomenon in the territory affected by the armed conflict [7, p. 5].

1) Territorial determination, which leads researchers to choose written and electronic media that publish or cover the territory of the whole country. Also, it is taken into account that the residents of the country in which the armed conflict takes place do not read only written media and do not listen only to electronic media published in the territory of the country, where they live, but also media from neighboring countries, and wider – regional and global written and electronic media;

2) The thematic-content specificity of written and electronic media and writings and statements in them, as well as their distribution among readers, listeners, and viewers, territorial coverage and share of contents and forms of articles and statements, and thereby their informative activity;

3) Their general orientation and orientation related to the values in the period of immediate outbreak of armed conflict.

According to the above mentioned criteria, one may possibly select a sample from daily and periodical newspapers or from electronic media, while respecting the following three criteria:

1) dynamics of publication and the territory of distribution;

2) Variety of number, content, form and orientation of writings and statements;

3) Share of the active readership (over 80% of the total number of readers of written media and over 80% of the total number of listeners and viewers of electronic media), and thus the criterion of probable influence is satisfied.

The above mentioned sample of written and electronic media enables researchers-analysts to make adequate predictions and reliable conclusions about the relationship of the most influential part of written and electronic media towards the armed conflict.

The subject and aims of the basic and applied research of the media sphere in the armed conflict, as well as the defined sources of data condition the implementation of the basic method used for the collection of data – *The method of analysis of documents' content* with the help of two techniques, quantitative and qualitative analysis of the content of contributions published in written and electronic media. The application of the quantitative technique of analysis of contributions in written and electronic media requires the creation of a separate stationary instrument for data collection – *A Codex of terms and codes* and an additional instrument – *A Record form* for entering individual contributions [3, p. 73, 95]. In such projects, written and electronic media are defined as public written documents [7, p. 5].

In the research of the relationship between the written and electronic media and the armed conflict, the quantitative analysis should necessarily be applied, while the factual analysis process should take place in two stages. First, it is necessary to identify the content and form of articles in written media and statements in electronic media about the armed conflict with the help of techniques and procedures of qualitative content analysis, in order to conduct the classification

(more precisely, the classification according to the appropriate features and defined “crucial properties”), and only then the quantification and statistical analysis. However, even in the course of the qualitative analysis of the included units, the quantification is also carried out in order to determine the dimension of these units, because when one determines the genre, the dimensions of the units of analysis play a significant role along with other provisions [3, p. 73, 95].

The quantitative analysis of the content of contributions in written media and statements in electronic media directly relies on qualitative analysis, as well as on strict definition of units of analysis and valid classification [3, p. 39]. The nature of the units of analysis, such as newspaper articles in written media and statements in electronic media, means a complex quantitative-qualitative research procedure, which is difficult for the analysis, due to its multidimensionality, multiplicity, possible meaning in the text and context, the number and variety of the contents of contributions (statements) and mutual boundaries which are not sufficiently firmly defined. The analysis of the simplest unit of analysis – news about an event in an armed conflict fully confirms this finding [7, p. 6].

When presenting the content of research results in projects, it is possible to use a modified linear principle of descending type, which is regulated by the Plan of data analysis. Accordingly, the presentation of the results can be started immediately after, by communicating the global results of written and electronic media that are published in the territory affected by the armed conflict. The order of countries and regions affected by armed conflicts can be determined by the place of the initial letter of the alphabet, depending on the alphabet that is used. In presenting the results by region, the aim is to show important differences, while what is common is understood based on the already announced results for the country as a whole.

The stated principle of presenting the results is acceptable for two important reasons: first, an armed conflict takes place as the relationship between two opposing parties, while the effects of their conflict affect the country involved in the conflict as a whole in the long term, and only in its framework and parts that make it up; secondly, the scientific knowledge is general and tends to include and express the properties, regularities and laws of the entire phenomenon, and not only its constituent parts.

The experience of the author of this paper has confirmed that the most productive order of presentation of results of the analysis of contributions in written media and statements in electronic media, within the specified framework, is related to the following units of content [7, p. 12–15]:

1) *Thematic determination of articles and statements* in written and electronic media, within which the review of topics (contents) is presented, that is, the review of topics to which the papers and articles, or statements in electronic media were devoted. The review of topics and subtopics, their

mutual qualitative and quantitative relationship and the frequency of certain topics represent the basic description of the attitude of the written and electronic media towards the armed conflict;

2) *The orientation of articles* expresses the orientation of values and basic attitude of thematically determined article or statement towards the parties participating in the armed conflict, as well as the basis of messages sent to the population of the country affected by the armed conflict and to the international community – international organizations and foreign subjects;

3) *Emphasis of topics* in written and electronic media shows what content these media “placed emphasis” on in various journalistic ways. It is understandable that the same importance and meaning were not given to all topics throughout the armed conflict even in the same newspapers, let alone in different written and electronic media;

4) *Arrangement according to rubrics*, in which the article or statement was published, essentially represents elaboration, concretization and argumentation for the previous part of the presentation. In written and electronic media, the following columns are common: politics, foreign affairs and internal affairs, economy, culture, sports, advertisements, etc. However, there is no special “war column”, which according to the previous experience of the author of this article should be introduced in all media. What is more, the armed struggle is a phenomenon with the widest spectrum of effects on the totality of people’s lives. Therefore, the formation of a special war column in written and electronic media is necessary and justified immediately at the beginning of the armed conflict;

5) *Genre determination* is an additional elaboration of the previous two parts of the text of this paper. The analysis of genre affiliation of writings on certain topics not only informs about the importance and meaning, but also about the independence of the written and electronic media regarding the choice of topics and positions on the armed conflict, as well as about the general attitude towards the needs of adequate information of citizens belonging to all sides in the armed conflict, and the international public, as well. Various forms of official announcements of competent authorities published in written and electronic media in their original form have a different role and importance than “reports from the scene”, comments, news or transmission of broadcasts of other media;

6) *Argumentativeness of writings* is an important factor of realizing their role and function and one of the bases of credibility and acceptability of contributions in written media and statements in electronic media. It is connected with the characteristics of written and electronic media, rubrics and genre. The characteristics and amount of important arguments are determined by the genre (the news can only be a notification about a fact – event, and therefore, an argument in itself), rubrics, properties and orientation of that newspaper. Arguments are at the same time the basis of direction and their explanation, as well as the basis of a certain

degree of involvement of written and electronic media in the armed conflict;

7) *Engagement and the intensity of engagement* in written and electronic media, writings and statements in them is understood as the broadcasting of a certain message that affirms or discredits an attitude or act, attributes positive or negative values to an event, intention, subject, state, etc., presenting certain arguments for or against, using certain words, tone, stylistic figures, etc. Engagement can be of different degrees and must be understood as a synthesis of synchronized, consistent value-oriented manifestations.

The articles published in written media and statements announced in electronic media of the parties to the armed conflict can hardly be disengaged – even when they publish death certificates – simply because they are addressed to the public. In the report on the results of written and electronic media coverage of armed conflicts, it is necessary to announce the objective results of the analysis of the engagement of the written and electronic media of the parties to the armed conflict;

8) *Language and style* are an essential condition for establishing the relationship between real events and writings and statements in written and electronic media about those events, and therefore, they are an essential basis for establishing and maintaining the relationship between readers – public and written and electronic media. Language and style in written and electronic media cannot simply be identified with the language and style of writings and statements, because they are derived as a complex resultant of the whole. General common provisions about comprehensibility, clarity, precision and other requirements for language cannot be denied, but the fact cannot be ignored that even in an armed conflict it is necessary to respect the standards of journalistic functional language, the language related to the topic, situation, orientation and engagement. The laws of instrumentality in language communicability cannot and should not be avoided when reporting on armed conflicts, especially not in reports on the results of basic and applied research on the reporting of written and electronic media in the armed conflict.

The main task of this part of the report on the results of basic and applied research is to show the results of the research on the style and language of articles in written media and statements in electronic media, emphasizing that the analysts and researchers who perform the analysis also have the role of evaluators based on the formed scale and the instructions that are made for the realization of basic and applied research;

9) *The readability of writings* is an important factor of language and style in written media and comprehensibility of statements in electronic media. The readability of writings (and through them of written media) and comprehensibility of statements in electronic media is a significant subject of the Report on the results of the research on written and electronic media in the armed conflict, whose task is to show

whether there were language difficulties and obstacles, that is, incentives and attractions for the readers of written media and viewers and listeners of electronic media. This is an important moment in the armed conflict because of the time dimension, diversity of characteristics of possible readers, listeners and viewers and various conditions of using written and electronic media;

10) *The admissibility of writings and statements* should express the evaluation of the communicability of written and electronic media and writings and statements in them. It depends on the content, orientation, engagement and argumentativeness, language and style. In this part of the report on the results of the research, it is necessary to communicate in an objective way the estimated acceptance of the writings and statements as a whole by readers, viewers and listeners;

11) *The impression of the credibility of writings and statements* (and thereby the credibility of written and electronic media) is the goal of every written and electronic media and writings and statements in them. The trust of readers, listeners and viewers and the truthfulness of articles and statements is the basis for accepting newspaper articles and statements in electronic media as one of the guidelines, and therefore, it is an integral part of the acceptability of writings in written media and statements in electronic media.

Conclusion

The described epistemological-methodological systematization of research into the media sphere in armed conflicts is in accordance with the principle of gradualness and movement of knowledge from basic to more complex. Therefore, in our study, we started by presenting what and where the armed conflict was written and spoken about in a certain time and space, in order to continue with the presentation of how the armed conflict was described in written and electronic media, and based on that we assessed what influence it could have on readers, listeners and viewers in countries participating in the armed conflict, as well as on the wider population at the regional and global level [7, p. 15].

The proven methodological theoretical framework for researching articles in written media and statements in electronic media was offered in the paper, due to the fact that it represents a significant structural factor in every armed conflict. The research effort has focused on the conceptualization of basic and applied research projects in the information-propaganda sphere in armed conflicts, with an emphasis placed on the formulation of the problem and determination of the research subject, indicating possible scientific and social goals, hypotheses, methods, techniques and instruments of research, as well as scientific and social justifications for the research of this important structural factor in every current and future global, regional and local armed conflict.

References / Библиографический список

1. Gilli Gian Antonio. *Kako se istražuje*, Gian Antonio Gilliodić u društvenim istraživanjima. Zagreb: Školska knjiga, 1974 [in Serbian].
2. Milosavljević Slavomir. *Istraživanje političkih pojava*. Beograd: Fakultet političkih nauka i Centar za omladinu i pionire, 1980 [in Serbian].
3. Danilović N. *Metod analize sadržaja dokumenata sa instrumentima*, Beograd: Zadužbina Andrejević, 2015 [in Serbian].
4. OECD Glossary of Statistical Terms – Research and Development. UNESCO Definition. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264055087-en>.
5. Njnjnj.merriam-njebster.com. Available at: <https://njnjnj.merriam-njebster.com/dictionary/research> (accessed 01.09.2022).
6. Danilović N. Fundamental research of war and their importance for the progress of the global community and the prosperous development of modern states. *Fourth International Thematic Scientific Conference “Fundamental (basic) research and their importance for the progress of the global community and the prosperous development of modern states”*. Belgrade, October 14, 2022, pp. 14–38 [in Serbian].
7. Danilović N., Jevtić N., Đurić V., Mitić-Damnjanović S. *Obrana Savezne Republike Jugoslavije od agresije NATO-a: Informisanje kao vid otpora agresiji NATO-a: Jugoslovenski mediji u otporu agresiji* (Izveštaj o istraživanju – potprojekat četvrti). Beograd: Generalštab Vojske Jugoslavije, Uprava za moral, 2002 [in Serbian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-38-44

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341 341.1

Дата поступления: 23.12.2023
рецензирования: 27.01.2024
принятия: 15.03.2024

Нормотворческие процедуры в ЕАЭС

И. В. Астапенко

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: astapenko.ilya.94@mail.ru

Аннотация: В статье приводятся результаты систематизации и анализа процедур принятия актов органами ЕАЭС. Исследуются вопросы основ правового регулирования и практические аспекты нормотворческих процедур. Рассматривается вопрос соотношения межгосударственного и наднационального методов регулирования в рамках ЕАЭС. Делается вывод о наличии в Союзе иерархической институциональной структуры, которая предопределяет доминирование межгосударственного подхода и минимизацию наднационального регулирования. Система актов органов ЕАЭС носит иерархичный характер, а единственный орган, формирующийся по наднациональному принципу – Коллегия ЕЭК, в ходе процедур принятия актов достаточно жестко контролируется как другими органами Союза (Советом ЕЭК, Межправительственным и Высшим советами), так и государствами-членами. По мере развития и углубления евразийской интеграции неизбежно встанут вопросы о передаче дополнительных компетенций и полномочий органам Союза и расширении применения наднационального метода регулирования, в том числе за счет возможного появления в ЕАЭС парламентского измерения.

Ключевые слова: ЕАЭС; нормотворчество; Евразийская экономическая комиссия; Высший евразийский экономический совет; Евразийский межправительственный совет; нормативные акты; наднациональность.

Цитирование. Астапенко И. В. Нормотворческие процедуры в ЕАЭС // Юридический вестник Самарского университета *Juridical Journal of Samara University*. 2024. Т. 10, № 1. С. 38–44. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-38-44>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Астапенко И. В., 2024

Илья Валерьевич Астапенко – аспирант Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 119285, Российская Федерация, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.12.2023
Revised: 27.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Rule-making procedures in the EAEU

I. V. Astapenko

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: astapenko.ilya.94@mail.ru

Abstract: The article presents the results of systematization and analysis of the procedures for the adoption of acts by the EAEU bodies. The issues of the fundamentals of legal regulation and practical aspects of rule-making procedures are studied. The question of the correlation between interstate and supranational methods of regulation within the framework of the EAEU is considered. It is concluded that there is a hierarchical institutional structure in the Union, which determines the dominance of the interstate approach and the minimization of supranational regulation. The system of acts of the EAEU bodies is hierarchical in nature, and the only body formed according to a pronounced supranational principle – the EEC Board during the procedures for adopting acts is quite strictly controlled both by other bodies of the Union (the Council of the Commission, the Intergovernmental and Supreme Councils) and by the Member States. As Eurasian integration develops and deepens, the question of transferring additional competencies and powers to the Union's bodies and expanding the use of the supranational method of regulation, including through the possible emergence of a parliamentary dimension in the EAEU, will inevitably arise.

Key words: EAEU; rulemaking; Eurasian Economic Commission; Supreme Eurasian Economic Council; Eurasian Intergovernmental Council; regulations; supranationality.

Citation. Astapenko I. V. *Normotvorcheskie protsedury v EAES* [Rule-making procedures in the EAEU]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 38–44. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-38-44> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Astapenko I. V., 2024

Ilya V. Astapenko, postgraduate student of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 6A, Vorobyovskoye Highway, Moscow, 119285, Russian Federation.

Евразийский экономический союз является организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, созданной с целью формирования единого рынка товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов в рамках Союза, повышения конкурентоспособности экономик государств-членов в мировой хозяйственной системе и улучшения жизненного уровня населения стран-участниц. Для достижения указанной цели ЕАЭС, согласно учредительному договору, наделяется соответствующими компетенциями. Достижение цели Союза обеспечивается в том числе за счет деятельности органов ЕАЭС, которые уполномочены принимать нормативные акты для регулирования общественных отношений в сфере своей компетенции. Договор о ЕАЭС (ч. 1 ст. 6) устанавливает, что право Союза состоит из указанного Договора, международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров Союза с третьими сторонами, а также решений и распоряжений органов объединения: Высшего Евразийского экономического совета (Высший совет), Евразийского межправительственного совета (Межправсовет) и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

Учредительный договор закрепляет иерархическую систему актов руководящих органов ЕАЭС. Решения Высшего совета имеют приоритет над решениями Межправсовета, а решения последнего, в свою очередь, имеют приоритет над решениями ЕЭК.

Высший совет и Межправсовет ЕАЭС являются органами межгосударственного согласования и принятия решений относительно направлений развития и текущей деятельности объединения. В них минимизирован элемент наднациональности, и все решения принимаются ими на основе консенсуса (ч. 2 ст. 13 и ч. 2 ст. 17 Договора о ЕАЭС).

Высший совет рассматривает принципиальные вопросы деятельности ЕАЭС, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции, а также принимает решения, обеспечивающие реализацию целей Союза (ч. 1 ст. 12 Договора о ЕАЭС). Высший совет обладает организационно-распорядительными функциями в отношении иных органов ЕАЭС, в частности, он утверждает Регламент работы ЕЭК и назначает Председателя Коллегии ЕЭК, по представлению государств-членов назначает судей Суда ЕАЭС. Высший совет утверждает бюджет Союза, определяет размеры (шкалу) долевых взносов государств-членов в бюджет, определяет порядок принятия новых членов и прекращения членства в ЕАЭС, дает поручения Межправсовету и ЕЭК, рассматривает по предложению государств-членов вопросы, касающиеся отмены или изменения решений, принятых Межправсоветом и ЕЭК, а также рассматривает вопросы, по которым при принятии решений в указанных органах не был достигнут консенсус и т. д.

Согласно ч. 1 ст. 13 Договора о ЕАЭС, Высший совет принимает акты в форме решений и распоряжений. Хотя Договор и наделяет указанный орган ярко выраженной функцией стратегического планирования интеграционных процессов, отдельного вида актов, которыми определяются стратегия и направления развития интеграции, не предусмотрено, и они принимаются в форме решений [1, с. 73] (например, Решение № 12 от 11.12.2020 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»). Принимая во внимание закрепленные в Договоре о ЕАЭС полномочия Высшего совета, можно сделать вывод, что его решения в целом носят программный характер, адресованы государствам-членам и органам Союза и являются обязательными к исполнению [1, с. 73].

Распоряжения Высшего совета носят организационно-распорядительный характер и касаются в том числе вопросов утверждения времени и места очередных заседаний данного органа, утверждения отчетов и докладов ЕЭК, формирования специализированных, в том числе временных, органов и структурных подразделений (например, Распоряжение № 8 от 10.12.2021 г. «О формировании рабочей группы по разработке единых мер защиты информации, содержащейся в навигационной пломбе»).

Заседания Высшего совета проводятся не реже одного раза в год, внеочередные заседания могут созываться по инициативе государств-членов или Председателя Высшего совета (ч. 1 ст. 11 Договора о ЕАЭС), место и время проведения очередного заседания определяются на предшествующем заседании Высшего совета. Проведение заседаний и процедура принятия актов регламентированы Порядком организации проведения заседаний Высшего Евразийского экономического совета, утвержденным Решением Высшего совета №96 от 23.12.2014. Согласно данному документу, ключевую роль в подготовке к проведению заседания и формировании повестки дня играет ЕЭК. Согласно ст. 6 вышеуказанного Порядка, проект повестки дня заседания Высшего совета формируется Председателем Коллегии на основании предложений, поступивших от государств-членов, решений Межправсовета и Совета Комиссии. Проект повестки утверждается Советом Комиссии и направляется в Высший совет. Очередное заседание Высшего совета начинается с утверждения подготовленной ЕЭК повестки дня (п. 9 Порядка организации проведения заседаний Высшего совета). Председатель Коллегии ЕЭК также обеспечивает направление в Высший совет перечня вопросов, при рассмотрении которых не был достигнут консенсус на уровне нижестоящих органов ЕАЭС. ЕЭК также играет важную роль при процедуре заочного голосования членов Высшего совета по проектам актов (в со-

ответствии со п. 18.1 Порядка организации проведения заседаний Высшего совета). Перечень вопросов для заочного голосования формируется Председателем Коллегии и утверждается Советом ЕЭК (в соответствии с п. 6 Порядка организации проведения заседаний Высшего совета) и направляется Председателю и членам Высшего совета не позднее чем за 45 календарных дней до даты окончания представления подписанных документов в Комиссию (дата указывается в сопроводительном письме к перечню). В случае если до указанной даты в ЕЭК хотя бы от одного члена Высшего совета не поступил подписанный экземпляр документа по вопросу, включенному в повестку дня заочного голосования, такой документ считается неприкрытым и может быть вынесен на обсуждение в ходе очередного заседания Высшего совета. При заочном голосовании не допускается внесение в текст документа изменений (дополнений, оговорок, условий и т. д.). В случае если один из членов Высшего совета инициирует внесение подобных изменений, такой документ считается неприкрытым на заочном голосовании. Член Высшего совета может выразить несогласие с проектом документа по вопросу из перечня для заочного голосования: в этом случае проект документа возвращается без подписания в ЕЭК через соответствующий уполномоченный орган государства-члена. Датой принятия документа Высшим советом при заочном голосовании считается дата поступления в ЕЭК последнего экземпляра подписанного документа.

Комиссия обеспечивает предварительное опубликование подготовленных ЕЭК проектов решений органов ЕАЭС не позднее, чем за 30 календарных дней до планируемой даты принятия указанных актов, для предоставления заинтересованными лицами комментариев и предложений по ним (п. 132 Регламента работы ЕЭК).

В соответствии с п. 21 Порядка проведения заседаний Высшего совета, решения данного органа вступают в силу с даты их официального опубликования, если в самом решении не определен иной срок. Решения, содержащие сведения ограниченного распространения, вступают в силу в срок, определенный в этих решениях. Распоряжения Высшего Совета вступают в силу в срок, указанный в этих распоряжениях. Порядок официального опубликования решений органов ЕАЭС установлен Решением Высшего совета № 90 от 21.11.2014, согласно которому принимаемые органами Союза решения, за исключением решений, содержащих информацию ограниченного распространения, подлежат официальному опубликованию на официальном сайте ЕАЭС не позднее 3 календарных дней с даты их принятия. Официальным сайтом Союза в сети Интернет является сайт по адресу: <http://www.eaeunion.org>.

Межправительственный совет, согласно ст. 16 Договора о ЕАЭС, обеспечивает реализацию и контроль за исполнением Договора, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета; рассматривает вопросы, по которым в Совете

Комиссии не был достигнут консенсус; дает поручения Комиссии; представляет Высшему совету кандидатуры членов Комиссии; одобряет проект бюджета ЕАЭС; рассматривает по предложению государств-членов вопросы отмены или изменения решений Комиссии; принимает решения о приостановлении действия решений Совета и Коллегии Комиссии и т. д.

В целях реализации своих полномочий Межправительственный совет принимает акты в форме решений и распоряжений (ч. 1 ст. 17 Договора о ЕАЭС). Решения и распоряжения Межправительственного совета принимаются консенсусом (ч. 2 ст. 17 Договора о ЕАЭС). Акты Межправительственного совета могут носить распорядительный характер (к примеру, Решение № 7 от 20.08.2021 г. «О вступлении в силу Решения Коллегии ЕЭК от 08.06.2021 № 63»), устанавливая новые правила поведения для государств-членов (Решение №5 от 17.07.2020 «О непроставлении отметок таможенных органов в транспортных (перевозочных), коммерческих и (или) иных документах при совершении таможенных операций в электронном виде», а также утверждать программные документы (Решение № 5 от 30.04.2021 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС до 2025 года») [1, с. 74]. По аналогии с решениями Высшего совета, решения Межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, установленном национальным законодательством (ч. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС). Согласно ч. 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС решения Межправительственного совета имеют приоритет над решениями ЕЭК.

Распоряжения Межправительственного совета носят организационно-распорядительный характер, принимаются в том числе по вопросам утверждения времени и места проведения очередных заседаний указанного органа, представления Высшему совету кандидатур в состав Совета и Коллегии ЕЭК, а также по ряду других аспектов (к примеру, Распоряжение № 13 от 21.06.2022 «О годовом отчете ЕЭК о состоянии конкуренции на трансграничных рынках и мерах, принимаемых по пресечению нарушений общих правил конкуренции на них, за 2021 год», Распоряжение №18 от 26.08.2022 «О финансировании промышленной кооперации в ЕАЭС»).

Заседания Межправительственного совета проводятся не реже 2 раз в год, в них по приглашению Председателя могут участвовать члены Совета Комиссии и Председатель Коллегии ЕЭК, а также иные лица (ст. 15 Договора о ЕАЭС). Детально порядок проведения заседаний и принятия актов Межправительственного совета регламентирован Решением Высшего совета № 89 от 21.11.2014 («О порядке организации проведения заседаний Евразийского межправительственного совета»). В соответствии с данным актом, проект повестки дня заседаний Межправительственного совета формируется Председателем Коллегии ЕЭК на основании предложений, поступивших от госу-

дарств-членов, решений Совета Комиссии и поручений Высшего совета. Впоследствии подготовленный проект повестки утверждается Советом ЕЭК. Председатель Коллегии Комиссии также обеспечивает направление проекта повестки дня членам Межправительственного совета, государствам-членам, а также в Совет и Коллегию ЕЭК в срок не позднее 20 календарных дней до дня проведения очередного (внеочередного) Межправительственного совета. Порядок опубликования и вступления в силу решений и распоряжений Межправительственного совета аналогичен соответствующему порядку для актов, принимаемых Высшим советом.

Решения Высшего и Межправительственного советов, согласно ч. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС, подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальными законодательствами. При этом учредительный договор прямо не закрепляет обязательность актов указанных органов [2, с. 84]. Обязательность решений Высшего совета может проистекать из факта их приоритета, в соответствии с ч. 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС, над актами ЕЭК, обязательность которых прямо закреплена в Договоре [3, с. 128–131]. Примечательно, что в государствах – членах Союза не выработан единый подход к имплементации актов, принятых органами интеграционного объединения [4, с. 50–52]. Так, Конституция РФ признает общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15), а также допускает участие в межгосударственных объединениях и передачу им части полномочий в соответствии с международными договорами (ст. 79). При этом решения межгосударственных органов в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению. Аналогичные нормы закреплены также в ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (№ 101-ФЗ от 15.07.1995). При этом в российском законодательстве напрямую не закреплено место актов органов международных организаций, в частности ЕАЭС, в системе национальных нормативных правовых актов. Очевидно, что решения органов ЕАЭС, в частности Высшего и Межправительственного советов, не являются по своей природе международными договорами, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, а значит, требуют дополнительного механизма имплементации в национальное законодательство.

В Республике Беларусь (РБ) также отсутствует законодательно закрепленный механизм имплементации актов органов межгосударственных объединений. Ст. 8 Конституции РБ признает приоритет общепризнанных принципов международного права, а также допускает участие в межгосударственных образованиях. В статье 10 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (от 17.07.2018 № 130-З) допускается принятие нормативных правовых актов, направленных на реализацию международных договоров, а также иных международно-правовых актов. При этом конкрет-

ная процедура и порядок принятия подобных актов в законе не регламентируется.

В Республике Казахстан (РК), согласно ч. 3 ст. 4 Конституции, ратифицированные международные договоры имеют приоритет над законами. В соответствии с Нормативным постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 05.11.2009 № 6, положения ст. 4 Конституции Казахстана распространяются также и на решения международных организаций и их органов, образуемых в соответствии с международными договорами РК. В казахстанском законодательстве также заложена основа (пусть и не детально регламентированная) для имплементации актов межгосударственных объединений. Так, порядок согласования проектов решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и их реализации закреплен в Указе Президента РК от 12.08.2010 № 1037¹.

Отсутствие в государствах-членах ЕАЭС механизмов имплементации решений высших органов Союза, безусловно, отрицательно сказывается на перспективах углубления евразийского интеграционного процесса. Целесообразной представляется выработка на уровне ЕАЭС единого механизма имплементации в национальные законодательства государств-членов решений Высшего и Межправительственного советов, а также закрепление обязательного характера данных актов в Договоре о ЕАЭС. Помимо этого, ряд отечественных правоведов указывают, что Договор о ЕАЭС также оставляет открытым вопрос о том, как будет разрешаться конфликт между нормой права Союза и противоречащей ей нормой национального законодательства государства-члена, особенно если это касается вторичного права ЕАЭС, в первую очередь актов, принятых ЕЭК [5, с. 11–21].

Акты Евразийской экономической комиссии являются одной из основных составляющих права ЕАЭС как в количественном плане, так и в контексте регулируемых сфер правоотношений. Комиссия, в соответствии со ст. 18 Договора о ЕАЭС, является постоянно действующим регулирующим органом Союза, основными задачами которого являются обеспечение условий функционирования и развития объединения, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза (ст. 1 Положения о Евразийской экономической комиссии – Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС).

Структурно ЕЭК состоит из Коллегии (исполнительный орган) и Совета (осуществляет общее руководство деятельностью Комиссии): каждый из этих двух органов наделен, в соответствии с учредитель-

¹ «О вопросах подготовки информации о выполнении международных договоров Республики Казахстан и представления ее на рассмотрение Президента Республики Казахстан, а также согласования проектов решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и их реализации, подготовки международных мероприятий Республики Казахстан с участием Президента Республики Казахстан и выполнения достигнутых договоренностей».

ным договором, правом на принятие актов в форме решений, распоряжений и рекомендаций. Решения ЕЭК имеют нормативно-правовой характер и обязательны для государств-членов, распоряжения носят организационно-распорядительный характер, рекомендации обязательного характера не имеют (ст. 13 Положения о ЕЭК). Примечательно, что в ст. 13 Положения о ЕЭК также говорится, что решения Комиссии подлежат непосредственному применению на территории государств-членов и входят в право Союза. При этом ст. 6 Договора о ЕЭС в качестве источников права Союза выделяет и решения, и распоряжения Комиссии. С учетом того, что распоряжения, в частности Совета ЕЭК, могут создавать определенные обязанности для государств-членов (к примеру, Распоряжение Совета ЕЭК № 12 от 17.03.2022 «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств – членов ЕАЭС, включая обеспечения макроэкономической стабильности»), они, очевидно, являются неотъемлемой составляющей права ЕАЭС. Указанное различие основного текста учредительного договора и Приложения №1 свидетельствует о наличии коллизии внутри единого документа [6, с. 74].

Совет Комиссии, в соответствии с п. 24 Приложения № 1 к Договору о ЕАЭС, организует работу по совершенствованию правового регулирования деятельности Союза, вносит на утверждение Высшего совета основные направления развития интеграции, дает поручения Коллегии Комиссии, одобряет бюджет Союза, а также осуществляет иные функции и полномочия. Заседания Совета проводятся обычно на ежемесячной основе, как правило, во вторую пятницу каждого месяца. Порядок проведения заседаний Совета и Коллегии ЕЭК и принятия на них соответствующих актов регламентирован Решением Высшего совета от 23.12.2014 № 98 «О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии». Согласно указанному документу, повестка дня заседаний Совета ЕЭК формируется на основе вопросов, инициированных членами Совета, а также председателем Коллегии по решению Коллегии (п. 15). В заседаниях Совета принимает участие председатель Коллегии, а также представители государств-членов, бизнес-сообщества по приглашению членов Совета.

По всем вопросам повестки дня решения в Совете ЕЭК принимаются консенсусом. В случае недостижения единогласия по какому-либо вопросу, он, по инициативе любого члена Совета, передается на рассмотрение в Межправительственный или Высший совет (п. 36 Регламента работы ЕЭК).

Коллегия ЕЭК, являясь исполнительным органом Союза, осуществляет разработку предложений по развитию интеграции, исполняет решения и распоряжения Высшего и Межправительственного советов, а также решения Совета Комиссии, осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, готовит рекомендации и экспертные заключения по вопросам функционирования и развития объединения, осуществляет

разработку проекта бюджета Союза, оказывает содействие государствам-членам в урегулировании споров до обращения в Суд ЕАЭС и т. д.

Заседания Коллегии ЕЭК проводятся, как правило, не реже одного раза в неделю, на заседаниях могут присутствовать по одному представителю от государств-членов (ст. 49 Положения о ЕЭК). В повестку дня заседаний Коллегии могут включаться вопросы, предложенные членами и председателем Коллегии, членами Совета ЕЭК, вопросы, переданные на рассмотрение в Коллегию согласно поручениям Совета ЕЭК, а также Высшего и Межправительственного советов. Свои предложения о рассмотрении на заседании Коллегии того или иного вопроса могут вносить и государства-члены по линии уполномоченных на взаимодействие с ЕЭК органов государственной власти. В Коллегии при принятии актов действует принцип квалифицированного большинства (две трети голосов от общего числа членов) или консенсуса: Высший совет определяет перечень чувствительных вопросов, по которым решения Коллегии принимаются на единогласной основе (Приложение №2 к Регламенту работы ЕЭК). Акт считается принятым консенсусом, если ни один из присутствовавших на заседании членов Коллегии не проголосовал против. В противном случае данный вопрос может быть повторно вынесен на рассмотрение Коллегии после проведения дополнительных консультаций. В случае повторного недостижения консенсуса, а также при необходимости оперативного принятия решения по рассматриваемому вопросу он передается в Совет Комиссии, который по итогам рассмотрения дает Коллегии поручение, подлежащее учету при повторном рассмотрении на заседании Коллегии.

Решения Коллегии вступают в силу в срок, указанный в этих решениях, однако не ранее 30 календарных дней со дня их официального опубликования. В указанный период времени у государств-членов сохраняется возможность инициировать отмену указанных актов или внесение в них изменений. В этом случае государство-член (или член Совета ЕЭК) должно внести соответствующее предложение не позднее 15 календарных дней со дня опубликования решения. Указанное предложение рассматривается на заседании Совета ЕЭК в течение 10 календарных дней. Совет Комиссии может отменить, внести изменения или оставить в силе решение Коллегии. В случае несогласия с решением Совета по данному вопросу (или в случае непринятия Советом решения в установленный срок) государство-член может инициировать вынесение данной проблемы на рассмотрение Межправительственного и (или) Высшего советов (п. 115 Регламента ЕЭК).

Подобный контроль государств-членов за длительностью фактически единственного наднационального органа управления ЕАЭС представляется излишним. Деятельность Коллегии и так контролируется государствами-участниками по линии Совета ЕЭК, а также Межправительственного и

Высшего советов. Инициирование отмены (или изменения) решений Коллегии вышеуказанным образом может тормозить принятие этим органом решений в интересах дальнейшего углубления и развития интеграции, особенно в случае расширения количественного состава участников объединения в будущем. В случае несогласия государства-члена с решением Коллегии целесообразным представляется разрешение указанного конфликта по линии Суда ЕАЭС, что, с одной стороны, упростит процедуру принятия актов в рамках Коллегии, а с другой – повысит авторитет и значимость судебного органа в деле продвижения евразийского интеграционного проекта. Чрезмерный контроль государств-членов за деятельностью Коллегии ЕЭК, по мнению ряда исследователей, говорит в принципе об отсутствии наднационального компонента в регулировании в рамках ЕАЭС даже на уровне Комиссии [7, с. 125].

С учетом того, что решения ЕЭК применяются на территории государств-членов непосредственно и создают права и обязанности для частных лиц, в том числе хозяйствующих субъектов, целесообразным является публичное обсуждение проектов решений Комиссии с заинтересованными представителями бизнес-сообщества [6, с. 74]. Это позволяет выработать наиболее оптимальные варианты регулирования и избежать негативного влияния решений ЕЭК на отдельные сферы экономической деятельности. Пункт 15 Приложения № 1 к Договору о ЕАЭС предусматривает проведение оценки регулирующего воздействия решений Комиссии, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности. Более подробно порядок проведения указанной процедуры прописан в Разделе IX Регламента работы ЕЭК. Преимуществом указанной процедуры является ее открытость – по каждому из проектов решений Комиссии на официальном сайте выкладывается информация о поступивших предложениях и комментариях, по итогам которых выносятся заключения об оценке регулирующего воздействия. По итогам года Комиссия также формирует отчет о мониторинге проведения оценки регулирующего воздействия и выносит его на рассмотрение Межправительственного совета. Так, за 2021 год итоговые заключения о проведении оценки регулирующего воздействия были подготовлены на 24 проекта решений Совета и 23 проекта решений Коллегии ЕЭК [8]. Из них 41 заключение было положительным и 6 – отрицательными. Замечания и предложения по проектам решений в 2021 году направили 140 участников публичного обсуждения, включая представителей государств-членов, бизнес-ассоциаций, хозяйствующих субъектов и экспертов (физических лиц). При этом Комиссия

обеспечивает достаточно высокий уровень учета поступивших замечаний в итоговых решениях: в 2021 году было учтено 793 из 1134 замечаний. Наибольший интерес к участию в публичных обсуждениях демонстрируют представители бизнеса (74,3 % от общего числа поступивших замечаний), на представителей экспертного сообщества и государств-членов приходится 15,7 и 10 % от общего числа замечаний соответственно.

Подводя итог, необходимо отметить, что в руководящих органах ЕАЭС предусмотрена во многом схожая процедура принятия решений и распоряжений. Указанные акты находятся в иерархической системе, на вершине которой расположены акты Высшего совета. Механизм проработки, согласования и принятия актов вторичного права ЕАЭС практически полностью опирается на межгосударственный консенсус участников объединения, даже в случае принятия решений Коллегией ЕЭК (члены которой не являются официальными представителями государств-членов и действуют в личном качестве) государства-члены обладают широким набором инструментов влияния и контроля в процессе подготовки и принятия проектов актов, начиная от процедуры оценки регулирующего воздействия и заканчивая обжалованием принятого решения в вышестоящий орган (Межправительственный и Высший совет). На текущем этапе развития интеграционных процессов в ЕАЭС, учитывая сравнительно небольшой состав участников (5 государств), действующий механизм принятия решений может представляться вполне уместным. Тем не менее в перспективе углубления интеграции в различных сферах перед объединением неизбежно возникнет необходимость усиления наднациональной компоненты управления, продвигающей решения в интересах всего Союза [9, с. 77]. В связи с этим в перспективе очевидно возникнет необходимость пересмотра институционального баланса в рамках ЕАЭС, а вместе с ним и процедур принятия решений его органами. Кроме того, иерархичность, заложенная в институциональной структуре, а также в системе нормотворчества в рамках ЕАЭС, наряду с доминированием межгосударственного метода регулирования (в ущерб наднациональному), ставит вопрос о наличии существенного дефицита демократической легитимности в рамках Союза. Создание парламентского измерения евразийской интеграции позволит вовлечь в нормотворческую деятельность в ЕАЭС представителей законодательной власти, что благотворно повлияет как на качество принимаемых актов, так и на расширение взаимосвязи органов Союза с народами государств-членов, подключив их (наряду с государствами) к развитию интеграционных процессов.

Библиографический список

1. Довгань Е. Ф., Мокосеева М. А. Правовые проблемы функционирования евразийского экономического союза // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. Т. 4, № 4 (16). С. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2018-4-4-71-79>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rtdyww>.

2. Пименова О. И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. Т. 14, № 1. С. 76–93. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-05>.
3. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10 (6). С. 123–133. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_10_12.
4. Соколова Н. А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 11 (132). С. 47–57. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057>.
5. Исполинов А. С. Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права Евразийского экономического союза // Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 1–2 (80–81). С. 11–21. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2017-1-2/2017-1-2-ispolinov>.
6. Бакаева О. Ю. Акты Евразийской экономической комиссии как источник права ЕАЭС // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3, № 3. С. 73–76. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS18159>.
7. Ануфриева Л. П. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации // Lex Russica. 2017. № 9 (130). С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.130.9.116-126>.
8. Ежегодный отчет Евразийской экономической комиссии «О мониторинге проведения оценки регулирующего воздействия проектов решений Евразийской экономической комиссии в 2021 году» // Официальный сайт ЕЭК. URL: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/331/Otchet-ORV-v-2021-godu.pdf> (дата последнего обращения: 01.10.2022).
9. Балытников В. В., Боклан Д. С. Евразийский экономический союз: предпосылки создания, проблемы формирования, перспективы развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106). С. 69–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-predposylki-sozdaniya-problemy-formirovaniya-perspektivy-razvitiya/viewer>.

References

1. Dovgan' E. F., Mokoseeva M. A. *Pravovye problemy funktsionirovaniya evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [Legal problems of the functioning of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki»* [Vestnik of Mari State University. Chapter: History. Law], 2018, vol. 4, no. 4 (16), pp. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2018-4-4-71-79>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rtdyyw> [in Russian].
2. Pimenova O. I. *Pravovaya integratsiya v Evropeiskom soyuze i Evraziiskom ekonomicheskom soyuze: sravnitel'nyi analiz* [Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis]. *International Organizations Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 76–93. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-05> [in Russian].
3. Dyachenko E. B., Entin K. V. *Svoistva prava Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza skvoz' prizmu praktiki Suda EAES* [Properties of the EAEC law through the prism of the practice of the Court of the Eurasian Economic Union]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 10 (6), pp. 123–133. DOI: [10.12737/art_2018_10_12](http://doi.org/10.12737/art_2018_10_12) [in Russian].
4. Sokolova N. A. *Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: pravovaya priroda i priroda prava* [The Eurasian Union: the legal nature and nature of law]. *Lex Russica*, 2017, no. 11 (132), pp. 47–57. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057>.
5. Ispolinov A. S. *Prioritet, pryamoe deistvie i pryamoi effekt norm prava Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [Priority, Direct Applicability and Direct Effect of the Eurasian Economic Union Law]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Journal of International Law and International Relations], 2017, no. 1–2 (80–81), pp. 11–21. Available at: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2017-1-2/2017-1-2-ispolinov> [in Russian].
6. Bakaeva O. Y. *Akty Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii kak istochnik prava EAES* [Acts of the Eurasian Economic Commission as a source of law EAEU]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies], 2016, vol. 3, no. 3, pp. 73–76. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS18159> [in Russian].
7. Anufrieva L. P. *O nekotorykh teoreticheskikh podkhodakh k pravu evraziiskoi integratsii i ee institutsionalizatsii* [Some theoretical approaches to Eurasian integration law and its institutionalization]. *Lex Russica*, 2017, no. 9 (130), pp. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.130.9.116-126> [in Russian].
8. *Ezhegodnyi otchet Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii «O monitoringe provedeniya otsenki reguliruyushchego vozdeystviya projektov reshenii Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii v 2021 godu»* [Annual report of the Eurasian Economic Commission “On monitoring the assessment of the regulatory impact of draft decisions of the Eurasian Economic Commission in 2021”]. Retrieved from the official website of the EEC. Available at: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/331/Otchet-ORV-v-2021-godu.pdf> (accessed 28.06.2023) [in Russian].
9. Balytnikov V. V., Boklan D. S. *Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: predposylki sozdaniya, problemy formirovaniya, perspektivy razvitiya* [The Eurasian Economic Union: preconditions of its creation, problems of its formation, possibilities of its development]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2015, no. 3 (106), pp. 69–82. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-predposylki-sozdaniya-problemy-formirovaniya-perspektivy-razvitiya/viewer> [in Russian].

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-45-50

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12

Дата поступления: 18.11.2023
рецензирования: 19.01.2024
принятия: 15.03.2024

К проблеме определения понятия юридического формализма

А. А. Журавков

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: L2954535@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы доктринального понимания феномена юридического формализма в отечественной юридической науке путем его противопоставления концепции нормоскептицизма, а также пределы регулятивного потенциала правоприменения при формально-правовом подходе в судебной практике. Актуальность данной проблемы обусловлена как наличием существенных пробелов в отечественной юридической науке в части исследования феномена юридического формализма и его дефиниции, так и запросами существующей судебной практики, в которой, как следует из постановлений высших судебных инстанций, нередко встречается злоупотребление именно формой права, в связи с чем имеется ряд указаний на недопустимость формально-догматического подхода при рассмотрении дел. При этом пренебрежение формально установленными законодательными предписаниями также очевидно недопустимо, поскольку чревато крайне негативными последствиями, вплоть до проявления так называемого «судейского произвола» при рассмотрении отдельных дел. Как следствие, создается проблема поиска и соблюдения оптимального баланса между требованием неукоснительного соблюдения формальных нормативных предписаний и реализации регулятивной функции, заложенной законодателем. Постановке данной проблемы посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: юридический формализм; диктатура закона; Структурные изменения общественных отношений; нормоскептицизм; метод Гранд-стиля; регулятивная функция права; деформация правовой ментальности; судейский произвол; Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации.

Цитирование. Журавков А. А. К проблеме определения понятия юридического формализма // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-45-50>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Журавков А. А., 2024

Александр Анатольевич Журавков – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Сибирский федеральный государственный университет, 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.11.2023
Revised: 19.01.2024
Accepted: 15.03.2024

On the problem of definition of the legal formalism concept

A. A. Zhuravkov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation
E-mail: L2954535@yandex.ru

Abstract: The article examines the problems of doctrinal understanding of the phenomenon of legal formalism in Russian legal science by contrasting it with the concept of normoscepticism, as well as limits of regulatory potential of law enforcement with a formal legal approach in judicial practice. The relevance of this problem is due both to the presence of significant gaps in domestic legal science in terms of studying the phenomenon of legal formalism and its definition, and to the requests of existing judicial practice, in which, as follows from the decisions of higher judicial instances, abuse of the

form of law is often found, in connection with which there are a number of indications of the inadmissibility of a formal dogmatic approach when considering cases. At the same time, disregard for formally established legislative prescriptions is also obviously unacceptable, since it is fraught with extremely negative consequences, up to the manifestation of so-called «judicial arbitrariness» when considering individual cases.

Key words: legal formalism; dictatorship of law; Structural changes in public relations; normoscepticism; Grand style method; regulatory function of law; deformation of legal mentality; judicial arbitrariness; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation.

Citation. Zhuravkov A. A. *K probleme opredeleniya ponyatiya yuridicheskogo formalizma* [On the problem of definition of the legal formalism concept]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-45-50> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Zhuravkov A. A., 2024

Alexander A. Zhuravkov – post-graduate student of the Department of Theory and History of Law and Right, Law School, Siberian Federal University, 79, Svobodny Prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.expertise; interests of the parties.

Правовое регулирование общественных отношений неизбежно ставит перед своими субъектами спектр самых разносторонних целей и задач, направленных на приведение указанных отношений к более-менее приемлемой гармонии с точки зрения сохранения политически организованного общества в таком состоянии, при котором не происходит достижения критической массы противоречий между его структурными элементами, приводящей в конечном итоге к расколу данного общества под влиянием внутреннего давления нарастающих конфликтов, то есть к явлению, охарактеризованному Т. Гоббсом как «война всех против всех».

Длительное время в российской правовой доктрине, а точнее, в ее части, представленной главным образом учеными, имеющими опыт работы в государственных структурах (особенно в правоохранительных органах), господствовало мнение, что наилучшим способом достижения указанной цели по поддержанию гармонии и стабильности в обществе является обеспечение всеми участниками общественных отношений неукоснительного следования букве закона, что характерно для позитивистского подхода, наиболее выразительно оформившегося в так называемой концепции диктатуры закона.

Наиболее одиозные исследователи, избыточно, на наш взгляд, преувеличивая регулятивный потенциал, универсальность и достаточность законодательной деятельности как инструмента регулирования общественных отношений, даже отождествляли понятия «демократия» и «диктатура закона».

Однако, как показала история, законодательный диктат зачастую обеспечивается средствами и методами, крайне далекими от демократии.

Тем более что если бы диктатура закона, выраженная в неукоснительном следовании только и исключительно букве закона, была способна дать исчерпывающее правовое регулирование, неизменно эффективно отвечающее на те требования, которые предъявляются логикой, динамикой и содержанием общественных отношений, то очевидно, что соответствующая проблематика не могла бы выкристаллизоваться в рамках юридической науки и потребовать соответствующих исследований.

И тем не менее именно это и произошло в рамках преимущественно англосаксонской правовой доктрины XX века, обращаясь к которой ряд российских исследователей показали, что поставленные ею во-

просы остаются актуальными и для отечественной правовой школы.

Такое положение дел обусловлено, на наш взгляд, тем, что любой закон есть продукт человеческой мысли, которая, в свою очередь, является продуктом социокультурного опыта законодателя и его понимания общественных потребностей на текущий момент, примененных к данным потребностям посредством принятия соответствующей нормы, что неизбежно накладывает отпечаток на форму последней.

Но жизнь не стоит на месте. Структурные изменения общественных отношений носят перманентный характер под влиянием широчайшего спектра факторов. Право, действующее в период мира, может оказаться непригодно с точки зрения стоящих перед ним задач в случае войны или чрезвычайного положения. Технический прогресс способен как сделать атавизмом еще вчера актуальные нормы, так и потребовать введения совершенно новых правовых механизмов, адекватных вновь возникшим общественным реалиям, и т. д.

И в этой связи возникает закономерный вопрос: всегда ли возможно обеспечивать регулятивную функцию права в полной мере, только и исключительно модернизируя его форму путем соответствующего изменения нормативных формулировок?

Не все исследователи готовы дать утвердительный ответ на поставленный вопрос. В частности, М. Ю. Мизулин отмечает следующее: «Как ни раскусжай, а следует признать, что базовая идея права как юридического условия и процедуры достижения справедливости, свободы и порядка не в полной мере вписывается в происходящие изменения. Ситуация баланса порядка, свободы и справедливости – это ситуация скорее политическая, и там, в сфере политики, надо искать ее присутствие и промышлять новые условия взаимности и расхождения этих важнейших социокультурных феноменов» [1, с. 127].

Из приведенной позиции уже следует, что возведение формы закона во главу угла, неукоснительное следование ей как единственно верному и допустимому пути правоприменения разделяется не всеми исследователями.

При этом не только в рамках научной правовой доктрины, но и в правоприменительной практике, в том числе на уровне высших судебных инстанций, признается недостаточность безусловного соблюдения формальных законодательных предписаний для

целей достижения реализации заложенного в нормы права регулятивного смысла.

В частности, при проверке конституционности статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на практику Европейского Суда по правам человека, указал, что «...незаконная ситуация, например проведение демонстрации без предварительного согласования, не обязательно оправдывает карательные меры, применяемые властями за участие в публичном мероприятии; мирная демонстрация в принципе не должна подпадать под угрозу уголовной санкции; осуждение в уголовном порядке за одно лишь участие в публичном мероприятии, которое не было связано с актами насилия, невозможно при отсутствии какой-либо оценки внутригосударственными судами его пропорциональности; меры, применяемые к участникам мирных публичных акций на основании их формальной незаконности, не должны иметь целью отвлечь широкую публику от посещения собраний и демонстраций и тем самым – от открытой политической дискуссии (постановления от 20 марта 2012 года по делу «Пекаслан (Pekaslan) и другие против Турции», от 14 октября 2014 года по делу «Йылмаз Йылдыз (Yilmaz Yildiz) и другие против Турции», от 15 октября 2015 года по делу «Кудревичюс (Kudrevicius) и другие против Литвы», от 13 декабря 2016 года по делу «Каспаров и другие против России» (№ 2) и др.)» [2, с. 25–26].

Таким образом, конституционная юстиция указывает на ошибочность формально-догматического подхода к уяснению нормативного содержания положений статьи 212.1 УК РФ без учета их места в системе действующего правового регулирования, отмечая, что «...любое привлечение к уголовной ответственности – по смыслу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений части второй статьи 2, статьи 8 и части первой статьи 14 УК Российской Федерации – безусловно предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее **опасностью** (выделено мной. – А. Ж.) для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, которые должны быть присущи ему в момент совершения» [2, с. 27–28].

Конституционному Суду Российской Федерации вторит в своих выводах коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отмечая, что, «оценивая доказательства, суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости» [3].

Приведенные примеры позволяют утверждать, что проблема недостаточности формалистского подхода с точки зрения достижения целей нормативно-правового регулирования общественных отношений получи-

ла признание как в рамках научной доктрины, так и в ходе правоприменительной деятельности судов.

Как следствие, поставленный выше вопрос требует своего теоретического разрешения, что неизбежно наталкивает на проблему юридического формализма, решение которой не представляется возможным без дефиниции ее стержневого элемента.

Так что же надлежит понимать под юридическим формализмом?

Подходы к данному пониманию разнятся в отечественной литературе и у ряда зарубежных исследователей, что, впрочем, не мешает выделить и ряд общих черт, проявляющихся при исследовании указанного феномена.

Затрагивая вопрос о генезисе юридического формализма в контексте деформации правовой ментальности, А. Г. Кравченко приходит к выводу, что «...юридический формализм в правоприменении может как являться следствием правового нигилизма, так и отражать правовой идеализм, в котором право выступает самоценностью, а не инструментом обеспечения цивилизационного поведения его субъектов. Между тем применение норм права все чаще вступает в противоречие с нормами-принципами, нормами-декларациями, концептуальными конституционно-правовыми конструкциями, как равно и с общечеловеческим здравым смыслом, общечеловеческими и национальными ценностями, обостряя проблему деформации правового менталитета правоприменителя» [4, с. 8–9].

И если тезис о правовом нигилизме как причине юридического формализма, заявленный данным исследователем, требует дополнительного пояснения, то правовой идеализм в этом отношении вызывает меньше сомнений, поскольку явственно воплощается в упомянутых выше концепциях так «называемой диктатуры закона», которая по сути своей сводит всю совокупность регулятивных задач к приведению спорных правоотношений в соответствие с формальными законодательными предписаниями.

Опираясь на исследования Герберта Харта 1958 года, С. Н. Касаткин указывает, что «формализм, или концептуализм (традиционно ассоциируемый с доктриной позитивизма), трактует право в качестве «закрытой системы» стандартов, содержащей в себе ответы на все юридические вопросы, – ответы, которые судья посредством логических средств выводит из официальных материалов/установлений и применяет к конкретным случаям. Судебное решение здесь представляет собой логическую дедукцию, «автоматическое» выведение предзаданных нормативных следствий» [5, с. 170].

Предложенное понимание формализма импонирует тем, что представляет собой попытку отобразить его сущность через внешнее проявление, выражающееся в способе трактовки и применения права, однако, на наш взгляд, не может считаться наиболее полным, поскольку не учитывает один немаловажный аспект.

Дело в том, что судебное решение даже при формальном подходе не всегда ограничивается логической дедукцией и «автоматическим» выведением предзаданных нормативных следствий. Подчас оно,

опираясь на форму закона, предлагает такие нормативные следствия, которые, внешне не вступая в противоречие с предложенной законодателем формой, в корне искажают заложенный в норму регулятивный смысл. Особенно часто подобное встречается в рамках уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, можно заключить, что негативные последствия формализма в правоприменительной практике могут быть обусловлены не только механистичностью применения правовых норм, но и их толкованием: одновременно и безукоризненным с точки зрения установленной формы, и искаженным с точки зрения заложенного в норме смысла.

Ряд примеров судебной практики, подтверждающих данное предположение, приведен В. М. Шафировым, который указывает, что считает «...неоправданным распространение формального подхода при решении юридических дел. Это ведет к нарушениям прав личности. Каждому юристу известно положение: «Не человек для закона, а закон для человека». Однако оно воспринимается практиками как не имеющая прикладного значения декларация... Сложившийся в общественном, юридическом сознании под влиянием жесткого позитивизма стереотип о том, что само право, обусловленные им правовые явления должны в первую очередь рассматриваться через призму формального подхода, привели к неоправданно широкому его применению в практической юридической деятельности. **Речь идет о негативной стороне формальности или формализме** (выделено мной. – А. Ж.). Формальность в положительном смысле необходима. Корень слова, понятия “формальность” или его основа – это форма права. Форма – это способ выражения и существования содержания права» [6, с. 28].

Таким образом, подход, предложенный В. М. Шафировым, с одной стороны, указывает на правовую форму как необходимый инструмент регулирования общественных отношений, а с другой – не допускает гипертрофии роли правовой формы, своеобразного иррационального «преклонения» перед ней, в том числе в ущерб заложенному в норму регулятивному смыслу.

Очевидно, что невозможно регулировать общественные отношения «вообще» без привязки к конкретному виду данных отношений и формального установления прав и обязанностей их участников.

В частности, применительно к такой сфере отношений, как гражданский процесс, В. В. Ярков указывает: «Так называемые формальности в гражданском процессе имеют большую самоценность, поскольку их соблюдение обеспечивает гарантию беспристрастности и объективности. Человеческий и субъективный факторы присущи правосудию, поэтому гражданская процессуальная форма с ее элементами формализма обеспечивает гарантию беспристрастности, снижает субъективизм и судебское усмотрение» [7].

И в этом смысле видится некорректной концепция нормоскептиков, отрицающих ценность законодательно установленной правовой формы и утверждающих, что только в суде рождается реальное право.

Если бы это было так, то каким образом отграничить такое «право» от судебного произвола?

Ведь принимаемый представительными органами закон в той или иной степени есть продукт их коллективного нормотворчества, основанного на различном понимании регулятивных задач членами данного органа в меру жизненного опыта, специфики образования и культурных архетипов каждого члена данного органа.

То есть закон в той или иной мере есть результат компромисса, достигнутого лицами, образующими состав законодательного органа, что уже не позволяет говорить о произволе некоего отдельного лица. А с кем вынужден достигать компромисс единоличный судья, рассматривающий отдельное дело, особенно когда процессуальным законодательством не предусмотрено участие присяжных? Что в таком случае есть гарантия принятия справедливого и обоснованного решения, помимо внутреннего убеждения судьи? И чем принимаемое в подобном порядке решение отличается от понятия «судебный произвол»? Попытки нормоскептиков дать ответ на поставленные вопросы в контексте правовой определенности трудно признать убедительными, или, по крайней мере, исчерпывающими.

Понимая под правовой определенностью предсказуемость судебного решения [8, с. 137], Д. Е. Тонков указывает, что, «не признавая традиционную доктрину (формализм), нормоскептики предлагают использовать метод Гранд-стиля для выявления правовой определенности, который бы учитывал влияние различных факторов на судью и усовершенствовал бы процесс вынесения решения... Нормоскептики заинтересованы в поиске социальных и психологических факторов, воздействующих на судью, и подчеркивают зависимость действительного содержания правовой нормы от ценностной составляющей правовой традиции» [8, с. 137].

Подобный подход, безусловно, имеет право на существование хотя бы в контексте невозможности достижения ситуации баланса порядка, свободы и справедливости без учета политической составляющей жизни общества, на что имплицитно указывает М. Ю. Мизулин в рамках приведенного выше высказывания. Однако предложенный нормоскептиками метод Гранд-стиля в полной мере допустим в идеальной ситуации, когда среди различных факторов, влияющих на судью, отсутствуют такие, как ангажированность, обусловленная не общим социокультурным кодом, а частным внепроцессуальным интересом судьи, связанным с коррупционной составляющей, предопределенным наличием неявных близких отношений или же иными обстоятельствами, предопределяющими лицепритие со стороны суда.

В настоящее время в поле зрения юридической науки уже попали проблемы, обусловленные деформацией правовой ментальности в правоприменительной практике. Как указывает А. Г. Кравченко, «...в многочисленных трудах российских исследователей фиксируется такой феномен правовой ментальности, как ее деформация: искажение идеологических смыслов, ценностных иерархий, эмоциональной сферы субъективного отношения к праву» [4, с. 8–9].

Еще более предметно, категорично и при этом непосредственно в отношении представителей судебной власти как в России, так и за рубежом высказывается В. И. Лафицкий, который отмечает: «Судьи – такие же люди, как все, и подвержены тем же порокам. Судейская мантия, иные атрибуты власти не могут изменить либо обуздать людские пороки. Напротив, они часто крепнут, находя себе поддержку в той власти, которой наделены судьи» [9, с. 98].

Соответственно, возможности усовершенствования процесса вынесения судебных решений с опорой главным образом на социальные и психологические факторы, воздействующие на судью, а также на ценностную составляющую правовой традиции, декларируемые нормоскептиками, представляются преувеличенными. Как следствие, приходится не только согласиться с приведенным выше мнением В. В. Яркова о самоценности формальностей в гражданском процессе как фактора, обеспечивающего гарантию беспристрастности и объективности суда, но и признать, что подобные формальности выполняют аналогичную функцию практически при любой форме правоприменения.

Налицо концептуальное противоречие между требованием, с одной стороны, о неукоснительном следовании формальным предписаниям, в соответствии с которым суд, по сути, низводится до уровня компьютера, выводящего формально-логическим путем решение из предзаданных нормативных установок безотносительно специфики рассматриваемой ситуации и, таким образом, напрочь «вымывающего» из применения права упомянутое В. М. Шафировым «человеческое измерение», и, с другой стороны, признанием за судом роли единственного творца реального права путем неограниченно широкого истолкования буквы закона на основе внутренних моральных предпочтений, которые, в свою очередь, далеко не всегда безупречны, а потому не способны служить достаточным препятствием на пути судейского произвола.

При этом ни один из полюсов обозначенного противоречия не может быть принят в качестве приемлемого по принципу выбора меньшего из зол, поскольку не позволяет достигнуть максимально полноценной реализации регулятивной функции, что объективно необходимо для сохранения баланса общественных отношений и избежания предельно негативного сценария «войны всех против всех». Соответственно, необходим поиск баланса между обозначенными полюсами, для чего следует определиться в их существенном понимании.

Сообразно ключевым положениям нормоскептицизма, обозначенным Д. Е. Тонковым, данный феномен представляется доктринальной и правоприме-

нительной концепцией, отрицающей регулятивную значимость нормативных предписаний и предлагающей в целях достижения правовой определенности и предсказуемости судебного решения опираться главным образом на т. н. «метод Гранд-стиля», основывающийся на выявлении социальных и психологических факторов, воздействующих на судью, а также на ценностную составляющую правовой традиции. Таким образом, нормоскептики отдают безусловный приоритет аксиологической составляющей пред нормативной.

В свою очередь, юридический формализм – это не просто слепое следование форме закона в правоприменительной деятельности. Подобное его понимание было бы избыточно примитивным, ограниченным и не отражающим сущность того негативного влияния, которое он оказывает на регулирование общественных отношений, поскольку исключало бы из поля зрения такой фактор, как возможность при формальном соблюдении законодательного предписания придать ему такое истолкование, при котором искажается заложенный в него регулятивный смысл.

На наш взгляд, юридический формализм подразумевает именно **злоупотребление формой**, которое не ограничивается схоластическим принесением регулятивного смысла в жертву формальному предписанию, но может также выражаться в намеренном использовании правовой нормы для принятия неправоудного судебного акта (а равно – акта внесудебного правоприменения). Однако такое злоупотребление формой до некоторой степени защищено от ревизии со стороны вышестоящих инстанций в силу отсутствия в нем внешнего противоречия с установленными формальными предписаниями.

Исходя из изложенного, представляется корректным определить **юридический формализм** как получившую частичную поддержку в рамках юридической доктрины разновидность правоприменительной деятельности, спецификой которой выступает безусловное некритическое восприятие нормативных предписаний с позиции их буквального толкования как единственно возможного и в соответствии с которой задача применения права сводится к исключению формально-логических противоречий между нормативными установлениями и оценкой данной конкретной ситуации в рамках собственно правоприменительного акта во избежание его дальнейшей ревизии со стороны вышестоящих инстанций безотносительно заложенного в соответствующую норму регулятивного смысла либо намеренно – вопреки ему в целях реализации конъюнктурных задач.

Библиографический список

1. Мизулин М. Ю. Плюрализм как онтологическое начало политики // Политический плюрализм в современной России. Москва: Издательский дом «Человек и карьера», 2001. 194 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702140020?ysclid=lu9shnb6dk755124216>.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2023 г. по делу № 78-КГ23-16-К3. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10072023-n-78-kg23-16-k3/?ysclid=lnwrngrdq407404057>.

4. Кравченко А. Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2019.1.28549>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbixtf>.
5. Касаткин С. Н. «Злоупотребление логикой» в судебной аргументации: критика формализма и реализма в очерке Г. Л. А. Харта «Позитивизм и разделение права и нравов» (1958) // Правоведение. 2016. № 1. С. 166–181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-logikoy-v-sudebnoy-argumentatsii-kritika-formalizma-i-realizma-v-ocherke-g-l-a-harta-pozitivizm-i-razdelenie-prava/viewer>.
6. Шафиров В. М. Человеческое измерение и применение права // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 28–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36376282>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymvgod>.
7. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. § 2 гл. 1. / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова [и др.]; под ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.
8. Тонков Д. Е. Американский правовой реализм: правовая определенность с позиции нормоскептиков // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 137–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-pravovoy-realizm-pravovaya-opredelennost-s-pozitsii-normoskeptikov/viewer>.
9. Лафицкий В. И. Принцип независимости судебной власти: общие нормы реализации // Журнал Российского права. 2008. № 4 (136). С. 95–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16359051>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntzpur>.
10. Сапожников А. Россия опустилась на 137-е место в рейтинге восприятия коррупции Transparency International. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806?ysclid=luawbm2xfz248184727>.

References

1. Mizulin M. Yu. *Plyuralizm kak ontologicheskoe nachalo politiki* [Pluralism as an ontological beginning of politics]. In: *Politicheskii plyuralizm v sovremennoi Rossii* [Political pluralism in modern Russia]. Moscow: Izdatel'skii dom «Chelovek i kar'era», 2001, 194 p. [in Russian].
2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10.02.2017 № 2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii stat'i 212.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina I.I. Dadina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2-P dated 10.02.2017 «With regard to case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702140020?ysclid=lu9shnb6dk755124216> [in Russian].
3. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10 iyulya 2023 g. po delu № 78-KG23-16-KZ* [Resolution of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 10, 2023 with regard to case № 78-KG23-16-KZ]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10072023-n-78-kg23-16-k3/?ysclid=lnwrngrdhq407404057> [in Russian].
4. Kravchenko A. G. *Deformatsii pravovoi mental'nosti v administrativnoi pravoprimenitel'noi politike gosudarstva* [Deformations of legal mentality in the administrative law enforcement policy of state]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2019, no. 1, pp. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2019.1.28549>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbixtf> [in Russian].
5. Kasatkin S. N. *«Zloupotreblenie logikoi» v sudebnoi argumentatsii: kritika formalizma i realizma v ocherke G. L. A. Kharta «Pozitivizm i razdelenie prava i нравов» (1958)* [«Abuse of logic» in judicial argumentation: a critical review of formalism and realism in H. L. A. Hart's essay Positivism and Separation of Law and Morals (1958)]. *Pravovedenie*, 2016, no. 1, pp. 166–181. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-logikoy-v-sudebnoy-argumentatsii-kritika-formalizma-i-realizma-v-ocherke-g-l-a-harta-pozitivizm-i-razdelenie-prava/viewer> [in Russian].
6. Shafirov V. M. *Chelovecheskoe izmerenie i primeneniye prava* [Human dimension and application of law]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2018, no. 11, pp. 28–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36376282>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymvgod> [in Russian].
7. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva. § 2 gl. 1. D. B. Abushenko, K. L. Branovitskii, S. K. Zagainova i dr.; pod red. V. V. Yarkova* [Abushenko D. B., Branovitsky K. L., Zagainova S. K. et al. Actual problems of civil and administrative proceedings. § 2 Chapter 1.; Yarkov V.V. (Ed.)]. Moscow: Statut, 2021, 460 p. [in Russian].
8. Tonkov D. E. *Amerikanskiy pravovoy realizm: pravovaya opredelennost' s pozitsii normoskeptikov* [American legal realism: legal certainty from the standpoint of rule-sceptics]. *Pravovedenie*, 2015, no. 4, pp. 137–153. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-pravovoy-realizm-pravovaya-opredelennost-s-pozitsii-normoskeptikov/viewer> [in Russian].
9. Lafitsky V. I. *Printsip nezavisimosti sudebnoi vlasti: obshchie normy realizatsii* [The principle of judicial independence: general norms of implementation]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 4 (136), pp. 95–100. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16359051>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntzpur> [in Russian].
10. Sapozhnikov A. *Rossiya opustilas' na 137-e mesto v reitinge vospriyatiya korrupsitsii Transparency International* [Russia has dropped to 137th place in the Transparency International Corruption perception rating]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806?ysclid=luawbm2xfz248184727> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.15(5Сир)

Дата поступления: 29.01.2024

рецензирования: 20.02.2024

принятия: 15.03.2024

Основные этапы государственно-правового развития Сирии в период османского господства и французского протектората

М. Тофан

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: m.a.t21992@hotmail.com

Аннотация: В статье автор анализирует навязанные в период османского господства с 1517 г. и французского мандата с 1920 г. конституционно-правовые модели и их значение для исторического развития Сирии. Целью статьи является анализ содержания законов и методов правления, существовавших в эпоху османов и французов в Сирии. В процессе исследования автором обнаружено сходство между османскими и французскими методами навязывания конституционно-правовых моделей, которые применялись для изменения сущности сирийского государства. Прослеживается также и совпадение интересов османов и французов, порой приводившее к подписанию между ними важных соглашений. Автор приходит к выводу, что неприятие сирийцами османского и французского господства помешало достижению результата по превращению Сирии из независимого государства в колонию, даже несмотря на принятие ряда мер по упразднению сирийской культуры и арабского языка.

Ключевые слова: Сирия; османы; французский мандат; Ливан; конституция; Лозаннский договор; предупреждение Гуро.

Цитирование. Тофан М. Основные этапы государственно-правового развития Сирии в период османского господства и французского протектората // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-51-55>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тофан М., 2024

Махмуд Тофан – соискатель, кафедра теории и истории государства и права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 29.01.2024

Revised: 20.02.2024

Accepted: 15.03.2024

Main stages of state-legal development of Syria during the period of Ottoman domination and the French protectorate

M. Tofan

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

E-mail: m.a.t21992@hotmail.com

Abstract: In the article, the author analyzes constitutional and legal models imposed during the period of Ottoman rule from 1517 and the French mandate from 1920 and their significance for the historical development of Syria. The purpose of the article is to analyze the content of the laws and methods of government that existed during the era of the Ottomans and the French in Syria. In the process of research, the author discovered similarities between Ottoman and French methods of imposing constitutional and legal models that were used to change the essence of the Syrian state. There is also a coincidence of interests between the Ottomans and the French, which sometimes led to the signing of important agreements between them. The author comes to the conclusion that the Syrians' rejection of Ottoman and French domination prevented the achievement of the transformation of Syria from an independent state into a colony, even despite the adoption of a number of measures to abolish Syrian culture and the Arabic language.

Key words: Syria; Ottomans; French mandate; Lebanon; constitution; Treaty of Lausanne; Guro's warning.

Citation. Tofan M. *Osnovnye etapy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Sirii v period osmanskogo gospodstva i frantsuzskogo protektorata* [Main stages of state-legal development of Syria during the period of Ottoman domination and the French protectorate]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-51-55> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Tofan M., 2024

Makhmud Tofan – applicant, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Сирия прошла через множество испытаний, которые оказывали влияние на изменение ее конституционных моделей. Эта страна с древних времен пережила множество захватов различными народами, которые принимали законы, позволяющие им управлять Сирией. Принимаемые законы всегда менялись с установлением в ней новой цивилизации или системы правления. Начало этому наследию было положено, когда сирийский юрист Папиниан, родившийся в 142 году в сирийском городе Хомс во времена Римской империи, ввел законодательные правила для мира, которые все еще применяются по сей день [1].

Сирия находилась под властью римлян, мамлюков, османов и даже французов, а затем вступила в объединение с Арабской Республикой Египет. Каждый период правления в Сирии имел совершенно разные правила по сравнению с предыдущим, но все же на этапе османского господства и французского мандата мы находим некоторое сходство в применяемых методах контроля над Сирией.

Период османского господства над Сирией считается одним из самых продолжительных периодов правления в регионе, поскольку он длился с 1517 до 1918 года, когда закончилась Первая мировая война [2, с. 13].

В период османского владычества Стамбул стал центром принятия законов, применяемых на территории Сирии [3, с. 18].

Период французского мандата начался в 1920 году, а закончился в 1946 году, когда французские войска окончательно покинули Сирию [4, с. 122].

В османский период Сирия была разделена на четыре провинции, а именно Дамаск, Алеппо, Триполи и Сидон [5].

Османская конституция применялась на всей территории. Были созданы местные советы и суды. Несмотря на реформы в административной и судебной системе, коррупция все же оставалась [6, с. 9].

Как известно, образование и язык являются мощным инструментом влияния и формирования идентичности, и именно это произошло в Сирии. Османы создавали школы, вводили османские учебные программы на турецком языке, и здесь возникла борьба между османами и европейцами за установление контроля и влияния в Сирии. Европейцы преуспели в православных и католических миссиях [7, с. 30].

Поэтому, учитывая важность образования и его роль в распространении османской культуры, в Стамбуле, который был центром принятия юридических решений, было принято указание для правителей провинций, чтобы они уделяли первоочередное внимание образованию и открывали школы. Это было связано с их желанием сохранить арабскую и исламскую мысль [8, с. 18].

Османская империя установила иерархическую социальную структуру с султаном и его чиновниками наверху, за ними шли дворяне, которые управляли повседневными делами империи и от-

вечали за местные города и деревни, а внизу социальную структуру составляли крестьяне. Жизнь под властью Османской империи представляла собой смесь Востока и Запада [9].

Во время османского владычества Сирия стала свидетелем бесхозяйственности и обложения граждан налогами, что побудило османского губернатора в Дамаске Мидхата-пашу после принятия Конституции 1876 года издать постановление об административных реформах, соблюдении обычаев и традиций и уважении к религии.

Несмотря на строгие меры, такие как принятие законов об образовании и культуре, введение османской конституции, которая гарантирует обращение с каждым человеком, проживающим на османских землях, как с османами, администрации не удалось все же превратить Сирию в османскую провинцию.

Закон о вилайетах 1864 г. определял работу правительства вилайета, на которое возлагалось обсуждение всего, что касалось государственного управления, финансовых дел, общественных работ, сельскохозяйственной деятельности в нем. Что касается юридических и коммерческих дел государства, то для них в рамках модернизации государственного аппарата, помимо государственного совета, были созданы два отдельных суда [10, с. 177].

Сирийские провинции сами принимали ключевые решения, такие как установление таможенных тарифов на перемещение товаров внутри региона и установление правил, регулирующих торговлю. Сирийские провинции вынуждены были выплачивать в казну государства возрастающие суммы для покрытия расходов, связанных с Крымской и Балканской войнами, а также с притоком миллионов беженцев, эвакуированных из своих домов на Балканах и Кавказе, и десятков тысяч других, приехавших в сирийские провинции, таких как черкесы и боснийцы [11, с. 52].

Можно сказать, что все процедуры и изменения, происходившие в Сирии в период османского владычества, были упомянуты в османской Конституции 1876 года, которая является первой конституцией, известной Сирии.

В первой статье Конституции 1876 г. говорилось, что Османская империя – это все страны и владения и привилегированные провинции. Все они составляют одно целое, которое не может быть ни разделено, ни отделено. Во второй статье оговаривалось, что Стамбул является столицей Османской империи, а в восьмой статье каждый человек считался османом, независимо от его вероисповедания, до тех пор, пока он проживал на территории Османской империи. В статье одиннадцать упоминалось, что религией Османской империи является ислам, а в статье восемнадцать оговаривалась необходимость знания турецкого языка, так как он является официальным языком [12].

Переходя к этапу французского мандата в Сирии и сравнивая смену конституционных мо-

делей между двумя периодами, мы находим явное сходство в методах превращения Сирии в колонию.

Франция разделила Сирию по религиозному признаку. Таким образом, Сирия была разделена на пять частей: Большой Ливан, в который входили города Триполи, Бейрут, Сидон и Тир, Санджак Латакии, Санджак Александретты, Джабаль аль-Друз и сирийское государство, включавшее Дамаск, Хомс, Хама и Алеппо [13, с. 4].

Разделение Сирии по религиозному признаку должно было гарантировать, что регион останется в состоянии хаоса, тем более что Франция вошла в Сирию после формирования первого арабского правительства во главе с королем Фейсалом в 1920 году после окончания османского владычества.

Французский мандат над Сирией был установлен после провозглашения Первой сирийской конференцией короля Фейсала главой Сирийского королевства и формирования временного арабского правительства. Основным законом, изданный Сирийской конференцией, считался первой сирийской конституцией [14].

Можно сказать, что такого разделения по религиозному признаку, как во времена французского мандата, не было во времена Османской империи, поскольку османы – мусульмане, и большинство сирийцев – мусульмане. Что касается французского мандата, то католическая Франция создала государство Большой Ливан в 1921 году наряду с Сирией.

В период мандата французский верховный комиссар обладал большими полномочиями, включая, например, издание указов. 31 августа 1920 года генерал Анри Гуро издал указ о создании Государства Большой Ливан, и в новой стране был закреплен принцип политико-конституционного деления на религиозной основе [15, с. 210].

Французы должны были принять единую административную систему для возникающих новых государств, чтобы уменьшить административное бремя и количество необходимого персонала. Также они должны были возложить на местные органы власти основную часть бремени управления ими, поэтому местные правительства оплачивали расходы на мандат. Это было возможно в крупных городах, таких как Дамаск и Алеппо, в отличие от экономически более слабых регионов.

Учредительное собрание написало Конституцию 1930 года, и, как и в случае с Конституцией 1920 года, которая была признана французским верховным комиссаром по Сирии только основным законом, а не Конституцией, позиция Франции была такой же по отношению к Конституции 1930 г. из-за наличия в тексте нескольких статей, касающихся единства Сирии, ее независимости и централизации власти [16].

Что касается образования, то Франция навязывала в школах французский язык и пыталась ликвидировать исламское религиозное образование в школах. Это делалось с целью формирования

лояльного ему населения и стирания сирийской идентичности и культуры [17, с. 34].

Степень сходства между османской системой управления, которая ставила цель преобразовать Сирию в османскую провинцию, и французским мандатом, целью которого было превратить Сирию во французскую колонию, довольно высока. Сходства проявляются в разделении Сирии, введении турецкого и французского языков, законов, назначении османских и французских правителей. Последнее привело к подписанию соглашений и изданию постановлений, которые закрепили отделение частей от Сирии и создание новых государств.

19 марта 1921 года Турция попросила Францию ввести систему автономии в Александретте (в настоящее время провинция Хатай), но это не было реализовано. После этого Франция вступила в переговоры с Турцией, и 20 октября 1921 года было подписано Анкарское соглашение. Седьмая статья соглашения предусматривала создание особой административной системы в районе Искендерун, предоставление льгот населению турецкого происхождения, признание турецкого языка официальным и поднятие турецкого флага. Потом Франция вернулась и подтвердила это в третьей статье Лозаннского мирного договора, подписанного с Турцией в 1923 г [18, с. 2].

Второй Анкарский договор позволил туркам распространить свое влияние на несколько километров внутри сирийской территории. Договор был подписан после начала Великой сирийской революции 1925 года против французов, когда Турция пригрозила Франции поддержкой сирийцев, поэтому Франция подписала договор о предотвращении любого сотрудничества или союза между турками и сирийцами [19, с. 2].

Другим важным событием явилось провозглашение Государства Большой Ливан в период действия французского мандата 1 сентября 1920 года, который включал в себя: Бейрут, Триполи, Джебель-Амель, долину Бекаа и Аккар. Поведение Франции было реализацией Соглашения Сайкса-Пико 1916 года, в соответствии с которым сферы влияния между Великобританией и Францией были распределены в Леванте и Ираке, поэтому Ливан стал страной для христиан-маронитов, которые составляли большинство по численности населения. С тех пор установились прочные культурные отношения Ливана с Францией [20, с. 15].

Политика Франции несколько не отличалась от политики османов в Сирии, за исключением одного: Франция использовала религиозные различия при административном делении Сирии и в борьбе с исламским религиозным образованием, остальное было сходным.

Так что мы находим, что во время османского господства и французского мандата конституционные модели, которые имели происхождение из Стамбула и Парижа, применялись в Сирии. Также правовая система испытывала османское и фран-

цузское влияние, и это сирийским государством не принималось. Это объясняет, почему два проекта не были продолжены, несмотря на длительный период правления османов и французов в Сирии.

Библиографический список

1. Джозеф Зейтун. Пафнианское происхождение универсального закона.
2. Ахмед Ибиш. История Леванта в начале османской эры. Абу-Даби, 2009. 13 с.
3. Зайдун Аль-Зуби, Рим Туркмани, Мазен Гарба. От федерализма к чрезмерной централизации :Децентрализация в сирийских конституциях в их историческом контексте. Лондон, 2022. 18 с.
4. Suat Zeyrek, Hasan Hakan Ulutin. A Turning Point in the Transition to Independence of Syria: Syrian-French Treaties and Turkey's Attitude. Turkey, 2020. 122 p.
5. Всемирная история. Энциклопедия. Том 4. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1958. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000029/index.shtml> (дата обращения: 14.01.2023).
6. Хамиси Сара, Буамра Эльхам. Образование в эпоху османских организаций в Леванте. Алжир, 2022. 9 с.
7. Халед Абдель Кадер Аль-Джунди. Исследования по истории Османской империи, выдумки и факты, часть 2. Анкара. 2022. 30 с.
8. Халед Абдель Кадер аль Дженди. Османское образование в Леванте и его роль в сохранении идентичности. Бейрут, 2018. 18 с.
9. Cathia Jenainati. Syria and the Ottomans. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/arts/schoolforcross-facultystudies/aboutus/cathiajenainati/dar/contents/fiction/mina/ottomans/> (дата обращения: 17.01.2023)
10. Stefan Weber. L'aménagement urbain entre régulations ottomanes, intérêts privés et participation politique: la municipalité de Damas à la fin de l'époque ottomane (1864–1918). In: *Lafi N (ed.) Municipalités Méditerranéennes: Municipalités Méditerranéennes*. Berlin, Boston: Klaus Schwarz Verlag, 2021. P. 173–222. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112402702-007>.
11. Samir Amin. La Nation Arabe: nationalisme et luttes de classes. Paris: Éditions de minuit, 1976. 236 p. URL: <https://archive.org/details/lanationarabenat0000amin>.
12. Основной закон Османской империи в королевствах Османской империи. URL: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=422&> (дата обращения: 20.01.2023)
13. Ayşe Tekdal Fİld. France's Imperial Ambitions and The Establishment of the French Mandate in Syria. // *Journal of Emerging Economies and Policy*. 2018, Cilt: 3, Sayı: 1. P. 1–9. URL: <https://www.acarindex.com/joeep-journal-of-emerging-economies-and-policy/frances-imperial-ambitions-and-the-establishment-of-the-french-mandate-in-syria-1074527>.
14. Мухаммад Сайед Раса. Сирийское государство через сто лет. URL: <https://al-akhbar.com/Opinion/261972> (дата обращения: 22.01.2023).
15. Аммар Халед Рамадан Аль-Рубаи. Ливанское национальное подразделение во время французского мандата 1920–1943. Университет Альбасра, 2014. 210 с.
16. Амаль Бадр. Конституция 1930 года: так был написан «Органический закон» под Мандатом. URL: <https://www.sot-sy.com/article/508> (дата обращения: 25.01.2023).
17. Амна Сааде Вафа Хамо. Французский мандат над Сирией и реакция. Алжир, 2020. 34 с.
18. Али Ахмед Зобаа. Исследование позиции Франции в отношении турецкой аннексии Александретты и сирийской национальной реакции // *Гуманитарный журнал Киркукского университета*. 2012. 2 с.
19. Кузнецов А. А. Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков. Москва, 2017. 223 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/86951>.

References

1. Joseph Zeitoun. *Pafnianskoe proiskhozhdenie universal'nogo zakona* [The Paphnian origin of a universal law] [in Russian].
2. Ahmed Ibish. *Istoriya Levanta v nachale osmanskoj ery* [History of the Levant at the beginning of the Ottoman era]. Abu Dhabi, 2009, 13 p. [in Russian]
3. Zaydun Al-Zoubi, Reem Turkmani, Mazen Gharbia. *Ot federalizma k chrezmernoi tsentralizatsii: Detsentralizatsiya v siriiskikh konstitutsiyakh v ikh istoricheskoy kontekste* [From federalism to excessive centralization: Decentralization in Syrian constitutions in their historical context]. London, 2022, 18 p. [in Russian].
4. Suat Zeyrek, Hasan Hakan Ulutin. A Turning Point in the Transition to Independence of Syria: Syrian-French Treaties and Turkey's Attitude. Turkey, 2020, 122 p.
5. *Vsemirnaya istoriya. Entsiklopediya. Tom 4* [World history. Encyclopedia. Vol. 4]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1958. Available at: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000029/index.shtml> (accessed 14.01.2023) [in Russian].

6. Khamisi Sarah, Buamra Elham. *Obrazovanie v epokhu osmanskikh organizatsii v Levante* [Education in the era of Ottoman organizations in the Levant]. Algeria, 2022, 9 p. [in Russian].
7. Khaled Abdel Kader Al-Jundi. *Issledovaniya po istorii Osmanskoi imperii, vydumki i fakty, chast' 2* [Research on the history of the Ottoman Empire, fiction and facts, part 2]. Ankara, 2022, 30 p. [in Russian].
8. Khaled Abdel Kader al Gendi. *Osmanskoe obrazovanie v Levante i ego rol' v sokhraneniі identichnosti* [Ottoman education in the Levant and its role in maintaining identity]. Beirut, 2018, 18 p. [in Russian].
9. Cathia Jenainati. Syria and the Ottomans. Available at: <https://warwick.ac.uk/fac/arts/schoolforcross-facultystudies/aboutus/cathiajenainati/dar/contents/fiction/mina/ottomans> (accessed 17.01.2023).
10. Stefan Weber. L'aménagement urbain entre régulations ottomanes, intérêts privés et participation politique: la municipalité de Damas à la fin de l'époque ottomane (1864–1918). In: *Lafi N (ed.) Municipalités Méditerranéennes: Municipalités Méditerranéennes*. Berlin, Boston: Klaus Schwarz Verlag, 2021, pp. 173–222. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112402702-007>.
11. Samir Amin. *La Nation Arabe: nationalisme et luttes de classes*. Paris: Éditions de minuit, 1976, 236 p. Available at: <https://archive.org/details/lanationarabenat000amin>.
12. *Osnovnoi zakon Osmanskoi imperii v korolevstvakh Osmanskoi imperii* [Basic Law of the Ottoman Empire in the kingdoms of the Ottoman Empire]. Available at: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=422&> (accessed 20.01.2023) [in Arabic].
13. Ayşe Tekdal Fİldi. France's Imperial Ambitions and The Establishment of the French Mandate in Syria. *Journal of Emerging Economies and Policy*, 2018, Cilt: 3, Sayı: 1, pp. 1–9. Available at: <https://www.acarindex.com/joeep-journal-of-emerging-economies-and-policy/frances-imperial-ambitions-and-the-establishment-of-the-french-mandate-in-syria-1074527>.
14. Muhammad Sayed Rasas. The Syrian state in a hundred years. Available at: <https://al-akhbar.com/Opinion/261972> (accessed 22.01.2023) [in Arabic].
15. Ammar Khaled Ramadan Al-Rubai. *Livanskoe natsional'noe podrazdelenie vo vremya frantsuzskogo mandata 1920–1943*. [Lebanese National Unit during the French Mandate 1920–1943]. Albasra University, 2014, 210 p. [in Arabic].
16. Amal Badr. *Konstitutsiya 1930 goda: tak byl napisan «Organicheskiі zakon» pod Mandatom* [Constitution of 1930: this is how the “Organic Law” was written under the Mandate]. Available at: <https://www.sot-sy.com/article/508> (accessed 25.01.2023) [in Arabic].
17. Amna Saade Wafa Hamo. *Frantsuzskii mandat nad Siriei i reaktsiya* [French mandate over Syria and reaction]. Algeria, 2020, 34 p. [in Russian].
18. Ali Ahmed Zobaa. *Issledovanie pozitsii Frantsii v otnoshenii turetskoi anneksii Aleksandretty i siriiskoi natsional'noi reaktsii* [Study of the French position regarding the Turkish annexation of Alexandretta and the Syrian national reaction]. *Gumanitarnyi zhurnal Kirkukskogo universiteta*, 2012, 2 p. [in Russian].
19. Kuznetsov A. A. *Politicheskii protsess v Livane na rubezhe XX–XXI vekov* [Political process in Lebanon at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, 2017, 223 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/86951> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-56-63

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34

Дата поступления: 17.12.2023
рецензирования: 19.01.2024
принятия: 15.03.2024

Правовые и доктринальные аспекты понятия врачебной тайны в России

О. А. Воробьева

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: olga80_tlt@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7614-3540>

А. А. Мишунина

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: nastamisunina4792@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению понятия врачебной тайны в России в рамках конституционных прав и свобод граждан, а также пределов ее разглашения. Описанные в статье проблемы стали особенно актуальны в современном обществе, когда все процессы документооборота становятся автоматизированными, что приводит к еще большей вероятности утечки персональных данных пациентов. При изучении данной темы было дано понятие врачебной тайны, выявлено, какие сведения относятся к врачебной тайне, а также случаи, при которых возможно ее разглашение. В ходе рассмотрения данных вопросов были определены проблемы, возникающие при работе с данными, составляющими врачебную тайну: халатность уполномоченных лиц, цифровизация документооборота в сфере здравоохранения, недостаточная грамотность медицинских работников при работе с информационными ресурсами, плохая информированность граждан о том, какие сведения они передают медицинским организациям, несовершенство технических средств, при помощи которых осуществляется цифровизация, а также проблема предоставления информации о здоровье пациентов иным лицам после их смерти. Также авторами предложены способы решения указанных проблем: ужесточение наказания за халатное отношение работников к врачебной тайне, повышение цифровой грамотности медицинских работников, установление в законодательстве конкретных случаев правомерного разглашения врачебной тайны после смерти пациента. В свою очередь, внесение изменений в законодательство позволит сократить количество случаев утечки персональных данных пациентов.

Ключевые слова: врачебная тайна; персональные данные; пациент, цифровизация, законодательство, конституция, ответственность, конфиденциальность.

Цитирование. Воробьева О. А., Мишунина А. А. Правовые и доктринальные аспекты понятия врачебной тайны в России // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-56-63>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Воробьева О. А., Мишунина А. А., 2024

Ольга Александровна Воробьева – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право», Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Анастасия Андреевна Мишунина – специалист, Институт права, Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.12.2023
Revised: 19.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Legal and doctrinal aspects of the concept of medical secrecy in Russia

O. A. Vorobyova

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: olga80_tlt@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7614-3540>

A. A. Mishunina

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: nastamisunina4792@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the consideration of the concept of medical secrecy in Russia, its observance as the constitutional rights of citizens to privacy and guarantees of confidentiality of this information. The problems described in the article have become especially relevant in modern society, when all workflow processes become automated, which leads to an even greater likelihood of leakage of patients' personal data. When studying this topic, the concept of medical secrecy was given, it was revealed what information relates to medical secrecy, as well as cases in which its disclosure is possible. During the consideration of these issues, problems were identified that arise when working with information constituting a medical secret, including negligence of authorized persons, digitalization of document flow in the healthcare sector, insufficient literacy of medical workers when working with information resources, poor awareness of citizens about what information they convey to medical organizations the imperfection of the technical means by which digitalization is carried out, as well as the problem of providing information constituting a medical secret to other persons after the death of a patient. The authors also proposed ways to solve these problems: toughening the punishment for the negligent attitude of workers to medical confidentiality, increasing the digital literacy of medical professionals, amending the legislation in terms of determining the specific goals for providing information constituting medical confidentiality after the death of a patient. In turn, amendments to the legislation will reduce the number of cases of leakage of patients' personal data.

Key words: medical secrecy; personal information; patient; digitalization; legislation; constitution; responsibility; confidentiality.

Citation. Vorobyova O. A., Mishunina A. A. *Pravovye i doktrinal'nye aspekty ponyatiya vrachebnoi tainy v Rossii* [Legal and doctrinal aspects of the concept of medical secrecy in Russia]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-56-63> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Vorobyova O. A., Mishunina A. A., 2024

Olga A. Vorobyova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Business and Labor Law, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Anastasia A. Mishunina – specialist programme, Institute of Law, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Введение

Статья 24 Конституции РФ установила запрет на использование данных о частной жизни граждан без их согласия [1]. Поэтому при разработке тех или иных законов необходимо соблюдать установленные нормы. В Указе Президента РФ № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» определено, что врачебная тайна также является информацией конфиденциального характера (п. 4 данного Указа) [2].

Следовательно, каждому гражданину, обращающемуся за помощью в медицинскую организацию, должно быть гарантировано, что любая информация, касающаяся его здоровья и иных персональных данных, не будет передана третьим лицам без его письменного согласия [3].

Несмотря на гарантии конфиденциальности вышеназванных сведений, проблема ее разглашения все же существует. Особенно остро стоит вопрос соблюдения врачебной тайны в условиях цифровизации. Существуют также сложности, возникающие в соблюдении врачебной тайны после смерти пациента.

Актуальность темы исследования связана с тем, что процесс цифровизации здравоохранения, а также использование различных Интернет-ресурсов в работе медицинских учреждений все чаще приводит к утечке информации, составляющей врачебную тайну. Существуют и определенные проблемы с соблюдением конфиденциальности данных о пациентах со стороны медицинских работников, которые не проявляют должную осмотрительность при общении с третьими лицами, что приводит к нарушению основополагающих прав и свобод граждан. Поэтому для гарантии

безопасности данных пациентов, составляющих врачебную тайну, необходимо внести в законодательство определенные уточнения и изменения, касающиеся работы учреждений здравоохранения в нашем государстве.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) в ходе проведения исследования авторами были определены конкретные проблемы в соблюдении врачебной тайны, которые приводят к нарушению прав и свобод граждан: отсутствие в законодательстве конкретных норм, закрепляющих ответственность медицинских работников при разглашении врачебной тайны; цифровизация документооборота, позволяющая перемещать данные о пациентах между различными структурами, что может привести к утечке таких данных; вопрос о возможности разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, родственникам умершего пациента;

2) авторами были предложены конкретные способы решения проблем: сформулирован текст статьи 137.1, в которой закрепляется ответственность медицинских работников за нарушение врачебной тайны; определена необходимость обучения сотрудников работе с информационными системами, а также необходимость установления запрета на передачу данных пациентов, относящихся к врачебной тайне, в иные органы, кроме медицинских; сформулированы уточнения ч. 3.1 ст. 13 ФЗ № 323, касающиеся предоставления сведений, относящихся к врачебной тайне умершего гражданина, в исключительных случаях.

Объектом исследования в научной работе выступают правоотношения, связанные с врачебной тайной и ответственностью за ее разглашение.

Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие рассматриваемые общественные отношения.

Цель научного исследования – выявление проблем и пробелов в законодательном регулировании врачебной тайны, а также формулирование авторами собственных предложений по урегулированию.

Задачи, которые необходимо выполнить в ходе научного исследования:

1. Установить, что понимается под «врачебной тайной», кто обязан ее соблюдать и в каких случаях они могут ее разглашать;

2. Выявить проблемы, связанные с соблюдением врачебной тайны;

3. Выдвинуть собственные предложения по урегулированию выявленных проблем.

В научной работе проведен анализ законодательства, затрагивающего вопрос обеспечения врачебной тайны, в первую очередь Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

При написании работы были использованы материалы исследований, раскрывающих затронутую в работе проблему, нормативные правовые акты Российской Федерации, а также материалы электронных статей.

Методика проведения исследования

Логика проведения исследования заключалась в первоначальном изучении действующего законодательства, регулирующего соблюдение врачебной тайны в Российской Федерации. В ходе проведения исследования были проанализированы работы авторов различных научных статей по рассматриваемым проблемам, изучены мнения государственных деятелей, осуществляющих полномочия в сфере здравоохранения.

Проблемы, выявленные в ходе изучения врачебной тайны в РФ, обусловили необходимость внесения определенных изменений в законодательство, а также формулирования иных предложений для их урегулирования.

Теоретико-методологической основой исследования являются диалектический, абстрактно-логический и другие общенаучные методы познания.

Применение данных методов позволило структурировать материал и логично изложить предложения по урегулированию законодательства в сфере здравоохранения.

Врачебная тайна в действующем законодательстве РФ

Врачебная тайна – одно из важнейших прав граждан при обращении в медицинскую организацию за помощью [4]. Она относится к сведениям конфиденциального характера, связанным с осуществлением профессиональной деятельности медицинскими работниками [5]. Именно поэтому ее соблюдение гарантируется государством на законодательном уровне.

В свою очередь, в ст. 4 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан

в Российской Федерации» (далее - ФЗ № 323) соблюдение врачебной тайны названо одним из главных принципов охраны здоровья граждан.

Так, согласно ст. 13 ФЗ № 323, врачебная тайна включает в себя следующую информацию: факт обращения граждан в медицинскую организацию для получения квалифицированной помощи, информация о состоянии здоровья и диагнозах пациента, иные данные, полученные в ходе обследования и лечения [6]. Из текста данной статьи можно понять, что врачебная тайна включает в себя не всю информацию, получаемую медицинскими учреждениями от пациентов, а лишь ту, которая непосредственно связана с безопасностью их жизни и здоровья.

Стоит отметить, что в рамках названного закона основным из способов обеспечения права каждого на неприкосновенность частной жизни является запрет на разглашение данных граждан, составляющих врачебную тайну.

Не имеют права разглашать такие сведения следующие субъекты:

1) Лица, которым данная информация становится известной в процессе обучения (например, студенты медицинских вузов);

2) Лица, осуществляющие трудовые, служебные и иные обязанности, при выполнении которых им могут стать доступны сведения, составляющие врачебную тайну.

Также ст. 79 ФЗ № 323 установлено, что в обязанности медицинской организации входит соблюдение врачебной тайны, которая, в свою очередь, включает и персональные данные пациентов, вносимые в информационные системы организации [6].

При этом закон определяет, что информация, составляющая врачебную тайну, может быть разглашена другим лицам, в том числе должностным, например, для проведения специальных обследований и лечения пациентов, а также в процессе осуществления научной или учебной деятельности [6], но только если пациент или законный представитель предварительно дали на это согласие.

Стоит упомянуть, что врачебная тайна охраняется медицинскими организациями бессрочно. Однако врачебная тайна не обладает абсолютной конфиденциальностью, так как в ряде установленных законом случаях такая информация может быть разглашена.

Как известно, по ст. 55 Конституции Российской Федерации в целях защиты конституционного строя, безопасности нашей страны, а также обеспечения безопасности граждан, права и свободы могут быть ограничены [1].

Так, в ч. 4 ст. 13 ФЗ № 323 перечислены случаи, когда без согласия пациента возможно разглашение врачебной тайны. Например, когда гражданин находится в бессознательном состоянии, в связи с чем не способен выразить свою волю относительно медицинского вмешательства, в то время как данное медицинское вмешательство может спасти ему жизнь, а также в случаях если заболевание пациента угрожает безопасности общества и может

повлечь за собой массовые инфекционные заболевания и эпидемии [6].

Еще одним обстоятельством разглашения врачебной тайны без согласия пациента может стать запрос следственных органов при проведении расследования, запрос иных государственных органов, если это касается предотвращения или предупреждения совершения преступлений, а также другие случаи, предусмотренные данной статьей [6].

Стоит отметить, что перечень случаев, изложенных в данной статье, не является исчерпывающим: законодатель периодически его дополняет [7].

Как можно заметить, случаи, когда врачебная тайна может быть разглашена без согласия пациента, затрагивают обеспечение безопасности жизни и здоровья как конкретной личности, так и неопределенного круга лиц, что объясняет необходимость ограничения прав и свобод граждан.

Однако практика показывает, что врачебная тайна нарушается и в случаях, когда закон не позволяет разглашать сведения без согласия граждан.

Проблемы соблюдения врачебной тайны на данном этапе

Частой причиной разглашения информации, относящейся к врачебной тайне, можно назвать халатность и недобросовестность лиц, обязанных сохранять конфиденциальность этих сведений. Медицинские работники могут разглашать сведения о здоровье пациента лицам, представившимся его родственниками, не удостоверившись в их родстве, также из-за собственной беспечности медицинские работники могут разглашать данные о пациентах в СМИ, журналистам, а также в сети Интернет. В свою очередь, попадание конфиденциальных сведений в открытый доступ может повлечь за собой вымогательство денежных средств, отказ в принятии на работу, увольнение пациента и даже спровоцировать самоубийство пациента [8].

Еще одной проблемой соблюдения врачебной тайны можно назвать цифровизацию документооборота в сфере здравоохранения.

Современное общество набирает все большие обороты в части цифровизации информационных ресурсов. Данные изменения не обошли стороной и сферу здравоохранения.

Медицинские информационные системы в сфере здравоохранения были разработаны для эффективной оптимизации процессов обработки персональных данных, связанных с состоянием здоровья граждан [9]. Требования к таким системам подробно определены в приказе Минздрава России от 24.12.2018 № 911н, где установлено, что данные системы используются с целью получения и обработки информации, которая необходима для координирования деятельности по охране здоровья граждан [10].

Цифровизация медицинского документооборота имеет как ряд преимуществ, так и ряд отрицательных черт. К числу достоинств можно отнести возможность упорядочения в единой системе всех медицинских карт пациентов, что позволяет осу-

ществлять быстрый поиск необходимой информации в отношении того или иного пациента.

С другой же стороны, цифровизация имеет ряд недостатков, влекущих за собой нарушение прав граждан на конфиденциальность информации о частной жизни. Как отметила статс-секретарь – заместитель Министра здравоохранения РФ Александра Дронова, с развитием цифровизации в нашей стране особенно актуальным становится вопрос соблюдения врачебной тайны при обработке и защите информации, получаемой от пациентов [11].

Необходимо отметить, что переход документооборота медицинских учреждений в электронный формат требует более тщательного контроля, в части обеспечения конфиденциальности данных пациентов и их сохранности.

Такие особенности обусловлены тем, что цифровой формат документов, содержащих сведения о врачебной тайне пациентов, больше подвержен разглашению и распространению среди третьих лиц, данные к которым могут попадать как по ошибке (технические сбои или халатные действия сотрудников), так и путем совершения преступных действий с целью завладеть информацией, содержащей сведения о состоянии здоровья того или иного пациента.

Примером может послужить случай, когда в декабре 2020 года в Интернет попали персональные данные около 100 тыс. пациентов московских больниц, в том числе их имена, номера телефонов, паспортные данные и информация, составляющая врачебную тайну [12].

Соответственно, в целях пресечения совершения правонарушений, связанных с распространением и разглашением данных, составляющих врачебную тайну, необходимо предпринять целый комплекс мер по повышению безопасности и сохранности таких данных, получаемых медицинскими организациями.

Еще одной актуальной проблемой в сфере обеспечения сохранения врачебной тайны является вопрос необходимости ее разглашения после смерти гражданина.

Так, в ч. 3.1 ст. 13 ФЗ № 323 указано, что сведения, составляющие врачебную тайну, могут быть разглашены родственникам умершего в случае, если гражданин указал данных родственников в письменном согласии, либо по запросу родственников, если гражданин прямо не запрещал разглашение таких сведений [6].

Как отмечает доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета А. М. Хурматуллина, на данный момент наблюдается тенденция к расширению доступа к информации, составляющей личную тайну пациента: от полного запрета на предоставление такой информации до прекращения действия врачебной тайны по запросу близких родственников (членов семьи) [13].

По нашему мнению, необходимо сдерживать данную тенденцию, дабы не привести к пол-

ному отмену режима «врачебной тайны». Многократные попытки законодателей установить в ФЗ № 323 более широкие возможности для получения сведений, относящихся к врачебной тайне умерших родственников, не нашли поддержки у Правительства РФ [14].

Поэтому мы считаем, что для предоставления информации, являющейся врачебной тайной умершего гражданина, необходимо выяснить, с какой целью его родственники хотят получить данные сведения. Соответственно, предоставление указанных сведений должно осуществляться только при наличии существенных оснований, позволяющих определить отсутствие корыстных мотивов получения таких сведений. Данные меры обусловлены и тем, что соблюдение врачебной тайны не должно прекращаться после смерти гражданина [15], так как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну дано каждому из нас Конституцией РФ.

Предложения по урегулированию проблем

Рассмотрев ряд проблем, касающихся разглашения врачебной тайны, мы решили сформулировать собственные предложения по их урегулированию.

Во-первых, необходимо усилить контроль за использованием медицинскими работниками сведений, составляющих врачебную тайну. Особенно это касается размещения такого рода сведений в сети Интернет, поскольку в этом случае могут возникнуть трудности с ликвидацией данной информации в информационно-телекоммуникационной сети, а также с пресечением последующего распространения размещенной информации.

Считаем, что сократить число подобных правонарушений также можно путем ужесточения наказания для лиц, обязанных соблюдать конфиденциальность сведений, составляющих врачебную тайну.

На данном этапе законодательство предусматривает дисциплинарную, гражданско-правовую ответственность по ст. 1068, где к ответственности будет привлечена медицинская организация, а не конкретное должностное лицо [16], административную ответственность в рамках ст. 13.14 КоАП РФ «Разглашение информации с ограниченным доступом» [17], а также уголовную по ч. 2 ст. 137 УК РФ, которая предусматривает привлечение к ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни граждан, если такое преступление было совершено лицом в рамках своей профессиональной деятельности [18].

При этом отдельной нормы, регламентирующей порядок привлечения к ответственности за нарушение врачебной тайны, не предусмотрено, что может привести к возникновению спорных ситуаций при использовании норм и привлечении к ответственности виновных лиц. Считаем целесообразным внести изменения в УК РФ, закрепив в отдельной статье (137.1 УК РФ) ответственность лиц, задействованных в оказании медицинской помощи, за нарушение ими врачебной тайны.

Возможный текст статьи: «1. Разглашение медицинским работником, а также лицами, задействованными в оказании медицинской помощи, сведений, составляющих врачебную тайну, – наказывается штрафом в размере от 300 000 до 500 000 рублей или в размере заработной платы за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать должности или заниматься деятельностью в сфере здравоохранения на срок от двух до пяти лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать должности в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи гражданам или заниматься деятельностью в сфере здравоохранения на срок до шести лет. 2. Незаконное распространение в СМИ, информационно-телекоммуникационных сетях или иным публичным способом сведений, составляющих врачебную тайну, а также в случае, если разглашение таких сведений повлекло тяжкие последствия для здоровья потерпевшего, – наказывается штрафом в размере до 1 миллиона рублей или в размере заработной платы за период до трех лет, либо лишением права занимать должности в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи гражданам или заниматься деятельностью в сфере здравоохранения на срок от трех до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать должности в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи гражданам или заниматься деятельностью в сфере здравоохранения на срок до десяти лет».

Во-вторых, для решения проблем, возникающих при цифровизации документооборота, необходимо установить запрет на передачу данных пациентов, относящихся к врачебной тайне, в иные органы, кроме медицинских. С согласия пациента (кроме случаев, предусмотренных ст. 13 ФЗ № 323) такие сведения должны храниться и обрабатываться только в базах данных медицинской организации, где оказывается помощь гражданину. Также необходимо обучать сотрудников пользоваться данными ресурсами и проводить регулярное повышение квалификации в целях предотвращения распространения конфиденциальной информации о пациентах вследствие неосторожного или неграмотного обращения с информационными ресурсами. В обязанности медицинских работников должно входить подробное информирование пациентов о том, согласие на обработку каких именно персональных данных о своем здоровье дает пациент. Данная мера необходима в связи с тем, что в медицинских организациях пациентам не разъясняют, какую персональную информацию они передают, подписывая согласие на обработку персональных данных, а также не объясняют, кому в дальнейшем может быть передана эта информация [9].

Необходимо создание таких баз данных, которые не допускали бы даже вероятности хакерских атак или утечки личных данных граждан [18].

В-третьих, для предоставления сведений, составляющих врачебную тайну умершего гражд-

данина, необходимо выяснить, с какой целью родственники умершего хотят получить данные сведения. Предоставление указанных сведений соответствующим лицам должно осуществляться только при наличии существенных оснований, позволяющих определить отсутствие корыстных мотивов получения таких сведений, например, если необходимо провести диагностику или лечение генетических, инфекционных или иных заболеваний [19].

Таким образом, в ч. 3.1 ст. 13 ФЗ № 323 необходимо внести следующие уточнения: «После смерти гражданина допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну... а также по запросу указанных лиц, исключительно в случаях, когда данные сведения необходимы для проведения диагностики и лечения генетических, инфекционных заболеваний, а также заболеваний, угрожающих жизни и здоровью, как самим родственникам гражданина, так и жизни и здоровью общества в целом» [6].

Заключение

На наш взгляд, российское законодательство в сфере здравоохранения в части обеспечения врачебной тайны требует пересмотра, так как на данный момент существуют проблемы, влекущие нарушения законодательства в сфере сохранения конфиденциальности персональных данных пациентов и врачебной тайны со стороны лиц, работающих в сфере здравоохранения. Особенно часто такие нарушения связаны с использованием информационных технологий и сети Интернет.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lugmwvzgyf578771117.
2. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Раджабов Р. М., Дибарев А. Д. К вопросу рассмотрения принципа врачебной тайны в условиях гражданского законодательства РФ // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 163–167. DOI: <http://doi.org/10.24411/2312-0444-2021-5-163-167>.
4. Алексеева Е. В. Институт врачебной тайны: проблемы правового регулирования // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 47–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37135390>. EDN: <https://elibrary.ru/ezzavy>.
5. Блинов С. В., Кузьмина Н. М., Ревина С. Н., Сидорова А. В. Соблюдение врачебной тайны при оказании телемедицинских услуг // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ»: реабилитация, врач и здоровье. 2019. № 2 (38). С. 196–200. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38163190>. EDN: <https://elibrary.ru/qrzfec>.
6. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=lugoftvyab226847176.
7. Мезенина А. В. Особенности соблюдения врачебной тайны // International scientific review of the problems of natural Sciences and Medicine: Collection of scientific articles V International correspondence scientific specialized conference, Boston, USA, 07–08 августа 2018 г. Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2018. С. 23–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35436420>. EDN: <https://elibrary.ru/wjnniu>.
8. Басова А. В., Власова М. В. Правовые проблемы соблюдения режимов информации медицинскими работниками в социальных сетях // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 39, № 3. С. 166–173. DOI: <http://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-166-173>. EDN: <https://elibrary.ru/sjgwbq>.

Именно поэтому нами была предложена формулировка статьи УК РФ, закрепляющая ответственность конкретно за нарушение врачебной тайны, а также статьи ФЗ № 323 в части разглашения врачебной тайны родственникам пациента после его смерти.

Теоретическая значимость предлагаемых авторами изменений заключается в более точном определении ответственности медицинских работников за несоблюдение врачебной тайны, а также в установлении конкретных случаев передачи таких сведений третьим лицам, что позволит предотвратить утечку персональных данных пациентов и защитить эти данные от неправомерного использования. Практическая значимость выполненной работы состоит в возможности при введении всех предложенных авторами изменений предотвратить участвовавшие случаи разглашения врачебной тайны, определив круг лиц, которым разрешается доступ к данной информации. Предлагаемые изменения необходимы для обеспечения прав каждого на личную, семейную тайну и защиту своих конфиденциальных сведений.

Однако для решения этой задачи нужны изменения не только в законодательстве, но и в работе с медицинским персоналом, в части более грамотного обучения их работе с информационными системами, а также работе с пациентами.

Таким образом, все предложенные нами уточнения и формулировки статей позволят минимизировать совершение правонарушений и преступлений при работе со сведениями, составляющими врачебную тайну.

9. Окишев Б. А. Реализация охраны персональных данных в сфере медицины // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92), С. 120–126. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.120-126>. EDN: <https://elibrary.ru/mkvntv>.
10. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 декабря 2018 г. № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2117630/?ysclid=luh4ukszhj235050408>.
11. Сазонова М. Врачебная тайна и цифровизация: как защитить информацию о пациенте // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/news/1465292/?ysclid=luh5dgefni400849120>.
12. Полубинская С. В., Шишков С. Н. Некоторые правовые проблемы соблюдения врачебной тайны в психиатрической практике // Государство и право. 2021. № 11. С. 111–122. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520017459-5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbucvt>.
13. Хурматуллина А. М. Конституционные гарантии прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в условиях цифровизации // Образование и право. 2022. № 12. С. 19–23. DOI: <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-19-23>.
14. Сидоренко Т. И. Врачебная тайна в российском гражданском праве // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 260–262. URL: <https://moluch.ru/archive/357/79853> (дата обращения: 17.06.2023).
15. Шевчук С. С., Петров Н. В. Правовые гарантии охраны частной жизни гражданина при оказании медицинских услуг // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 58–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44385827>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cffzfa>.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=luh6dih3cd923276781.
17. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=luh6e3qt35363825445.
18. Андрианова В. В., Довнар А. Н. Обеспечение врачебной тайны при оказании медицинской помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья: законодательное регулирование и проблемы правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 309–311. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_4_309. EDN: <http://elibrary.ru/mwcnin>.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342807/?ysclid=luh6rti7o5328626813.

References

1. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lugmwvzgyf578771117 [in Russian].
2. *Ob utverzhenii Perechnya svedenii konfidentsial'nogo kharaktera: ukaz Prezidenta RF ot 06.03.1997 № 188 (red. ot 13.07.2015)* [«On Approval of the List of Confidential Information»: decree of the President of the Russian Federation as of March 6, 1997 № 188 (as amended on July 13, 2015). Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10638> [in Russian].
3. Radzhabov R. M., Dibarev A. D. *K voprosu rassmotreniya printsipa vrachebnoi tainy v usloviyakh grazhdanskogo zakonodatel'stva RF* [On the issue of considering the principle of medical secrecy in the conditions of the civil legislation of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [State service and personnel], 2021, no. 5, pp. 163–167. DOI: <http://doi.org/10.24411/2312-0444-2021-5-163-167> [in Russian].
4. Alekseeva E. V. *Institut vrachebnoi tainy: problemy pravovogo regulirovaniya* [Institute of medical secrecy: problems of legal regulation]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya chastnogo prava, ispolnitel'nogo proizvodstva i sposobov yuridicheskoi zashchity: materialy IV vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern trends in the development of private law, enforcement proceedings and methods of legal protection: proceedings of the IV All-Russian research and practical conference]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2018, pp. 47–53. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37135390>. EDN: <https://elibrary.ru/ezzavy> [in Russian].
5. Blinov S. V., Kuzmina N. M., Revina S. N., Sidorova A. V. *Soblyudenie vrachebnoi tainy pri okazanii telemeditsinskikh uslug* [Medical secrecy in telemedicine]. *Vestnik meditsinskogo instituta «REAVIZ»: rehabilitatsiya, vrach i zdorov'e* [Bulletin of the Medical Institute «REAVIZ» (REHABILITATION, DOCTOR AND HEALTH)], 2019, no. 2, pp. 196–200. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38163190>. EDN: <https://elibrary.ru/qzrfec> [in Russian].
6. *Federal'nyi zakon «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii» ot 21.11.2011 № 323-FZ* [Federal Law «On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation» dated November

- 21, 2011 № 323-FZ]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=lugoftvyab226847176 [in Russian].
7. Mezenina A. V. *Osobennosti soblyudeniya vrachebnoi tainy* [Peculiarities of observance of medical secrecy]. In: *International Scientific Review of the Problems of Natural Sciences and Medicine: collection of scientific articles V International correspondence scientific specialized conference. Boston, USA, 07–08 August 2018*. Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2018, pp. 23–25. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35436420>. EDN: <https://elibrary.ru/wjnniu>.
8. Basova A. V., Vlasova M. V. *Pravovye problemy soblyudeniya rezhimov informatsii meditsinskimi rabotnikami v sotsial'nykh setyakh* [Legal problems of compliance with information regimes by medical workers in social networks]. *Yuridicheskii vestnik DGU* [Law Herald of DSU], 2021, vol. 39, no. 3, pp. 166–173. DOI: <http://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-166-173>. EDN: <https://elibrary.ru/sjgwbq> [in Russian].
9. Okishev B. A. *Realizatsiya okhrany personal'nykh dannykh v sfere meditsiny* [Implementation of personal data protection in medicine]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2022, no. 4 (92), pp. 120–126. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.120-126>. EDN: <https://elibrary.ru/mkvntv> [in Russian].
10. *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 24 dekabrya 2018 g. № 911n «Ob utverzhenii Trebovaniy k gosudarstvennym informatsionnym sistemam v sfere zdravookhraneniya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii, meditsinskim informatsionnym sistemam meditsinskikh organizatsii i informatsionnym sistemam farmatsevticheskikh organizatsii* [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation as of December 24, 2018 № 911n «On approval of the Requirements for state information systems in the field of healthcare of the constituent entities of the Russian Federation, medical information systems of medical organizations and information systems of pharmaceutical organizations»]. Retrieved from legal reference system «GARANT System». Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72117630/?ysclid=luh4ukszhj235050408> [in Russian].
11. Sazonova M. *Vrachebnaya taina i tsifrovizatsiya: kak zashchitit' informatsiyu o patsiente* [Medical secrecy and digitalization: how to protect patient information]. Retrieved from legal reference system «GARANT System». Available at: <https://www.garant.ru/news/1465292/?ysclid=luh5dgefni400849120> [in Russian].
12. Polubinskaya S. V., Shishkov S. N. *Nekotorye pravovye problemy soblyudeniya vrachebnoi tainy v psikiatricheskoi praktike* [Some legal issues of medical privacy in psychiatric practice]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2021, no. 11, pp. 111–122. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520017459-5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbucvt> [in Russian].
13. Khurmatullina A. M. *Konstitutsionnye garantii prav grazhdan na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Constitutional guarantees of citizens' rights to health protection and medical care in the context of digitalization]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2022, no. 12, pp. 19–23. DOI: <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-19-23> [in Russian].
14. Sidorenko T. I. *Vrachebnaya taina v rossiiskom grazhdanskom prave* [Medical secrecy in Russian civil law]. *Molodoi uchenyi*, 2021, no. 15 (357), pp. 260–262. Available at: <https://moluch.ru/archive/357/79853> (accessed 17.06.2023) [in Russian].
15. Shevchuk S. S., Petrov N. V. *Pravovye garantii okhrany chastnoi zhizni grazhdanina pri okazanii meditsinskikh uslug* [Legal guarantees of protection of private life of a citizen in the provision of medical services]. *Evrasiiskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2020, no. 5 (48), pp. 58–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44385827>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cffzfa> [in Russian].
16. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (GK RF)* [Civil Code of the Russian Federation]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=luh6abbg6m357191030. (In Russ.)
17. *«Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 04.11.2022)* [«Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» dated December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on November 4, 2022)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=luh6e3qt35363825445 [in Russian].
18. Andrianova V. V., Dovnar A. N. *Obespechenie vrachebnoi tainy pri okazanii meditsinskoi pomoshchi litsam s ograniченными возможностями zdorov'ya: zakonodatel'noe regulirovanie i problemy pravoprimeneniya* [Providing medical secret in providing medical care to persons with disabilities: legislative regulation and regulation problems]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2021, no. 4 (196), pp. 309–311. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_4_309. EDN: <http://elibrary.ru/mwcnin> [in Russian].
19. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.01.2020 № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei 2 i 3 stat' 13, punkta 5 chasti 5 stat' 19 i chasti 1 stat' 20 Federal'nogo zakona “Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii” v svyazi s zhaloboi grazhdanki R. D. Svechnikovoi»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation as of January 13, 2020 № 1-P «On the case of checking the constitutionality of parts 2 and 3 of Article 13, paragraph 5 of part 5 of Article 19 and part 1 of Article 20 of the Federal Law “On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen R. D. Svechnikova»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342807/?ysclid=luh6rti7o5328626813 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-64-70

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.64, 342.8

Дата поступления: 13.12.2023
рецензирования: 17.01.2024
принятия: 15.03.2024

Проблемы использования искусственного интеллекта в процессе реализации экологических прав граждан

Ю. В. Самович

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: juliasamovich@gmail.com

Л. В. Юн

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: yun.lara@yandex.ru

Аннотация: Использование искусственного интеллекта (ИИ) во всех сферах общественной жизни XXI века представляет собой модель нового взаимодействия человека и IT-технологий. Внедрение искусственного интеллекта в жизнь человека должно способствовать эффективности защиты и охраны экологических прав и сокращению числа экологических правонарушений в процессе осуществления хозяйственной или иной предпринимательской деятельности. Возможности ИИ способствуют более успешной реализации экологических прав граждан, большей эффективности работы органов публичной власти в области экологии, уменьшению негативного воздействия на окружающую среду. Обзор обозначенной проблематики позволит оценить роль искусственного интеллекта при реализации экологических прав граждан. Авторы концентрируют внимание на изучении использования стационарных источников, считывающих информацию о неблагоприятном воздействии на атмосферный воздух. Индивидуальные предприниматели и юридические лица проводят их инвентаризацию и учет выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Цель данной статьи – анализ взаимодействия IT- технологий и экологических прав граждан, выявление положительных и отрицательных критериев их корреляции, определение путей решения обозначенных проблем. Авторы приходят к выводу, что положительными критериями будут являться наличие автоматически собранных данных о состоянии атмосферного воздуха, возможность сбора информации без прямого взаимодействия с человеком. Отрицательными критериями выступают неполадки информационных систем, устранить которые не представляется возможным без воздействия человека, повреждение данных сети, что впоследствии приведет к дополнительным затратам.

Ключевые слова: искусственный интеллект; экологические права граждан; информационные технологии; атмосферный воздух; защита и охрана прав граждан.

Цитирование. Самович Ю. В., Юн Л. В. Проблемы использования искусственного интеллекта в процессе реализации экологических прав граждан // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 64–70. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-64-70>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Самович Ю.В., Юн Л.В., 2024

Юлия Владимировна Самович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань), 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а.

Лариса Владимировна Юн – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.12.2023
Revised: 17.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Problems of using artificial intelligence in the process of realizing environmental rights of citizens

Yu. V. Samovich

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: juliasamovich@gmail.com

L. V. Yun

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: yun.lara@yandex.ru

Abstract: The use of artificial intelligence (AI) in all spheres of public life of the XXI century is a model of a new interaction between humans and IT technologies. The introduction of artificial intelligence into human life should contribute to the effective protection and protection of environmental rights and minimize the commission of environmental offenses in the process of carrying out economic or other business activities. With the help of numerous AI capabilities, the likelihood of improving the implementation of environmental rights of citizens increases, the coefficient of work of public authorities increases to an updated higher quality level, and the negative impact on the environment is minimized. A review of the identified issues will allow us to assess the role of artificial intelligence in the implementation of environmental rights of citizens. The authors focus on the study of the use of stationary sources that read information about adverse effects on atmospheric air. Individual entrepreneurs and legal entities carry out their inventory and accounting of emissions of pollutants into the atmospheric air. The purpose of this article is to analyze the interaction of IT technologies and environmental rights of citizens, identify positive and negative criteria for their correlation, and identify ways to solve these problems. Positive criteria will be the availability of automatically collected data on the state of atmospheric air, the ability to collect information without direct interaction with a person. Negative criteria will be information problems of the system that cannot be eliminated without human influence, damage to network data, which will subsequently lead to additional costs.

Key words: artificial intelligence; environmental rights of citizens; information technology; atmospheric air; protection and protection of citizens' rights.

Citation. Samovich Yu. V., Yun L. V. *Problemy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v protsesse realizatsii ekologicheskikh prav grazhdan* [Problems of using artificial intelligence in the process of realizing environmental rights of citizens]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 64–70. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-64-70> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests

© Samovich Yu. V., Yun L. V., 2024

Yulia V. Samovich – Doctor of Legal Sciences, professor, professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice, letter A, 7, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation.

Larisa V. Yun – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice, letter A, 7, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation.

Вопросам изучения цифровых, нанотехнологий, технологического развития, всевозможным инновациям, актуальным трендам в сфере цифровизации глобальных процессов развития нашего общества уделяется существенное внимание со стороны ученых, практических работников, профессиональных сотрудников сферы IT-технологий и ряда иных специалистов, интересующихся поставленной проблематикой.

Цифровые технологии воздействуют на все сферы общественных отношений, что, в свою очередь, создает трансформацию государства и права. Обществу, в котором со стремительной скоростью развиваются цифровые технологии, должно соответствовать и государство. Правовое закрепление в таком государстве в пределах новых развивающихся технологий представляет собой цифровую правовую среду [1, с. 23].

Эволюция цифровых технологий за последнее время привела к созданию новой, так называемой цифровой реальности. Технологии, напрямую связанные с цифровизацией, охватывают уже функционирующие отношения и институты (например, электронные библиотеки, банковские операции в онлайн-режиме, получение услуг государственных и муниципальных органов власти и т. д.), как отмечает В. Д. Зорькин [2, с. 345]. Цифровые технологии появляются и в ходе реализации экологических прав граждан, в том числе при помощи использования искусственного интеллекта.

Подчеркнем, что новые электронные технологии всё шире внедряются в общественные отношения, способствуя серьезному развитию явления, именуемого сегодня цифровизацией. Стремясь к удовлетворению, в том числе удобному, постоянно растущих потребностей в различных сферах своей

деятельности, человек использует инновационные технологии, демонстрирующие положительный эффект внедрения в расширяющемся кругу областей, что значительно облегчает жизнь и явно обуславливает их актуальность в современном мире.

При рассмотрении вопроса взаимодействия IT-технологий и граждан на первый план выходит анализ искусственного интеллекта. Для того чтобы выяснить, какую же роль играет искусственный интеллект в реализации экологических прав граждан, необходимо определить, что же под ним понимается.

А. В. Леонов и А. Ю. Пронин под искусственным интеллектом понимают интеллектуальную, высокоорганизованную технологическую систему, необходимую для выполнения функций и практических задач человека [3, с. 41]. И. О. Кузнецова и Ю. В. Шляпина дополняют, что искусственный интеллект решает ключевые задачи, одной из которых является умение машин распознавать документы с текстом, устранять ошибки, осуществлять перевод текстов с иностранных языков. При этом, правда, возникают трудности при работе в связи с индивидуальными языковыми правилами [4, с. 85–86].

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года последний понимается как комплекс технологических решений, способствующий моделированию когнитивных функций человека, в том числе самообучение и поиск решений без заранее обозначенного алгоритма, и получение при выполнении конкретных задач результатов, сопоставимых, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Этот комплекс включает информационно-коммуникационную инфраструктуру

туру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [5].

Профессор Л. Ю. Василевская останавливает свое внимание на том, что сравнительный анализ искусственного интеллекта с человеческим недопустим. Искусственный интеллект является сложным программированием, созданным человеком для решения обозначенных заранее программистом задач [6, с. 36].

Таким образом, основное назначение ИИ необходимо четко связывать с задачами, определенными человеком; без них ни одна интеллектуальная система функционировать полноценно не будет.

Искусственный интеллект занимает важное место в реализации экологических прав граждан. Связано это прежде всего с передачей данных о состоянии окружающей среды, например, атмосферного воздуха или о выбросах, влекущих негативное воздействие, которые противоречат праву на благоприятную окружающую среду.

«...С помощью применения искусственного интеллекта, выступающего особой и важной частью дигитализации, возможно проводить анализ окружающей среды и с определенной степенью автономии вырабатывать рациональные планы действий для достижения определенных целей. Системы искусственного интеллекта также могут быть внедрены в оборудование, например, роботы, автономные транспортные средства или приложения IoT (такие как небольшие, взаимосвязанные сенсорные устройства)...» [7].

Возможность получения достоверной информации о состоянии окружающей среды позволит сформировать доверие граждан к осуществляемой органами публичной власти и другими субъектами права деятельности в сфере охраны окружающей среды.

По мнению профессора С. А. Боголюбова, «...в области охраны окружающей среды функционируют общие и специфические информационные требования, реализация которых производит задачи и актуальные проблемы, нуждающиеся в реализации и в самостоятельном правовом регулировании...» [8, с. 300].

Основным нормативным правовым актом в системе правового регулирования является федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], который, в том числе, содержит нормы, запрещающие ограничивать информацию о состоянии окружающей среды (экологическую информацию).

Согласно Закону Российской Федерации о государственной тайне [10], такая информация не относится к ведению данного закона, и сведения о состоянии здравоохранения, санитарии, о состоянии окружающей среды, о чрезвычайных происшествиях, угрожающих безопасности и здоровью граждан, засекречиванию не подлежат.

Для реализации права на возмещение вреда, полученного от экологических правонарушений, гражданам в качестве доказательств необходим

доступ к информации о состоянии окружающей среды из стационарных и передвижных источников. Это обеспечит возможность судебной оценки степени нанесенного им вреда и привлечение к юридической ответственности соответствующих должностных или юридических лиц.

К ключевым принципам развития и использования технологий искусственного интеллекта, закрепленным в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, относится безопасность, выражающаяся в недопустимости использования искусственного интеллекта с целью умышленного причинения вреда гражданам, обеспечение защиты гарантированных международным правом и российским законодательством прав и свобод человека [5].

Глобальный саммит «Искусственный интеллект во благо» был учрежден в 2017 году. В 2023-м саммит ООН в Женеве собрал около 3000 представителей власти, гражданского общества, новаторов в области ИИ и инвесторов. Обращаясь к участникам открывшегося в Женеве саммита, посвященного вопросам развития и применения искусственного интеллекта (ИИ), Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил о необходимости ввести ограничения, действовать предельно прозрачно и обеспечить подотчетность, чтобы новые технологии приносили пользу каждому члену общества [11].

Совет Безопасности ООН провел свое первое заседание по искусственному интеллекту. В ходе заседания представители разных стран выразили обеспокоенность в отношении разработок в данной сфере. Так, Китай заявил, что технология не должна стать «неуправляемой лошадью», а Соединенные Штаты предостерегли от ее использования для цензуры или репрессий против людей. Министр иностранных дел Великобритании Джеймс Клеверли, который председательствовал на заседании, заявил, что искусственный интеллект «фундаментально изменит каждый аспект человеческой жизни» [12].

В настоящее время международно-правовое регулирование искусственного интеллекта базируется на рекомендательных актах и затрагивает в том числе этические аспекты взаимоотношений.

Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта были утверждены 16 ноября 2021 г. в Париже в ходе 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. В настоящий момент его можно считать первым глобальным соглашением по этике ИИ, который рекомендуется государствам «в качестве гибкой основы для нормативной оценки, а также методического руководства в вопросах применения технологий на основе ИИ» [13].

Рекомендации по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР от 22 мая 2019 года – первый межправительственный стандарт по искусственному интеллекту. Данный документ включает пять принципов и пять рекомендаций для национальных правительств. Члены Организации эко-

номического сотрудничества и развития – 36 государств, в том числе страны Европейского союза, США, Канада, Австралия, Япония, Турция и т. д. Россия не входит в данное объединение [14].

Скоординированный план по искусственному интеллекту в рамках европейских стран был опубликован в 2018 году. Это совместное обязательство Еврокомиссии, государств – членов ЕС, Норвегии и Швейцарии максимально использовать потенциал Европы для глобальной конкуренции. Последнее обновление плана было опубликовано в 2021 году. Оно демонстрирует приверженность Европы созданию глобального лидерства в области заслуживающего доверия искусственного интеллекта. План на 2021 год также тесно согласован с приоритетами Комиссии в области цифровых технологий и «зеленых» технологий [15].

В эпоху глобальной цифровизации общество сталкивается с объективной необходимостью включаться в этот процесс, так как он затрагивает практически все области жизнедеятельности социума и оказывает непосредственное влияние на формирование нового вида общества – цифрового.

Однако, как и любое начинание, процесс цифровизации сопровождается проблемами, которые исследуются специалистами разных сфер. В сфере реализации экологических прав российских граждан к ним можно отнести, например, те факты, что ИИ не всегда с абсолютной точностью может выстроить механизм сбора информации о состоянии окружающей среды, обработать ее и направить в органы публичной власти или конкретному гражданину, исходя из его запроса; применение искусственного интеллекта может сопровождаться техническими неполадками, устранять которые, скорее всего, будет человек, а не робот. Наконец, сбой информационной системы ИИ может повлечь за собой утрату данных о состоянии окружающей среды, восстанавливать которые будет человек. Это увеличит сроки предоставления запрашиваемой информации и уменьшит эффективность реализации экологических прав граждан.

Даже вопросы сбора информации о состоянии окружающей среды не всегда разрешаются без участия человека. В Конституционный Суд Российской Федерации обратилось общество с ограниченной ответственностью «Валмакс» с жалобой о проверке конституционности норм федерального законодательства о гидрометеорологической службе и положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды. В ходе рассмотрения материалов дела Конституционный Суд России установил, что Министерство экологии Челябинской области по результатам проверки выдало предписание ООО «Валмакс» заключить договор на получение прогнозов неблагоприятных метеорологических условий и осуществлять мероприятия по уменьшению выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ в такие периоды.

ООО «Валмакс» оспорило предписание в судебном порядке, однако по итогам рассмотрения дела вынесенные судебные акты предписание признали законным. Суды указали, что ООО «Валмакс» обязано было принять все зависящие от него меры по получению сведений о прогнозируемых метеорологических условиях, в частности, путем заключения договора.

Изучив материалы рассматриваемого дела, Конституционный Суд России пришел к выводу о том, что обжалуемые заявителем нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации. В силу неоднозначности своего содержания эти нормы не позволяют определить критерии, по которым на хозяйствующий субъект может быть возложена обязанность заключить с учреждением гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды возмездный договор на оказание информационных услуг, связанных с получением прогнозов неблагоприятных метеорологических условий [16].

Тем не менее ученые склоняются к мнению, что искусственный интеллект обладает массой положительных функций. В частности, очистители воздуха со встроенными системами искусственного интеллекта могут теперь отслеживать качество воздуха и данные об окружающей среде в режиме реального времени и соответствующим образом регулировать эффективность фильтрации. В городских районах искусственный интеллект при помощи моделирования может предупредить людей об уровнях загрязнения в их области. Это позволит раньше обнаружить источники загрязнения [17], в том числе при помощи различных стандартов.

ESG-стандарты играют все более существенную роль в области инвестиций. Крупные мировые компании изменяют свои стратегии в пользу социально ответственной политики, все больше инвесторов выбирают только те активы, которые соответствуют ESG-критериям.

ESG-инвестирование представляет собой своеобразную форму социально ответственного инвестирования, когда решение о вложениях средств в бизнес принимается на основании вклада компании в развитие общества. Положительное влияние компании может быть оценено с точки зрения трех основных факторов: Environmental (E) – забота об окружающей среде, Social (S) – поддержка социальной справедливости, Governance (G) – справедливое управление компанией.

В ближайшие десять – пятнадцать лет приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации станут те направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения России на внешнем рынке, и обеспечат постепенный переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии [18].

На основании норм, закрепленных в Постановлении Правительства РФ от 21 сентября 2021 г., утверждены критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации согласно которым будут развиваться основные направления устойчивого, в том числе зеленого развития [19].

Ежедневно в нашем мире происходят глобальные изменения, затрагивающие все сферы жизни общества, с каждым годом всё больше задач осуществляются посредством искусственного интеллекта. В сфере экологической безопасности – это снижение выбросов углерода, парниковых газов, сформировавшихся отходов, загрязнения вод суши. Решение поставленных государством задач по улучшению качества окружающей нас среды, создание экологической безопасности и обеспечение надлежащего «качества жизни» российских

граждан и других субъектов права, проживающих на территории Российской Федерации; создание новых источников энергии, переход на «низкоуглеродную экономику»; внедрение «зеленой экономики» и «зеленой энергетики» являются важными шагами на пути к развитию необходимого качества жизни во многих регионах нашего государства.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что возможности искусственного интеллекта в сфере реализации экологических прав не до конца изучены. Применение искусственного интеллекта должно обеспечить, прежде всего, плавный, постепенный переход к новым технологиям, создать максимально повышенный уровень экологической безопасности для всех субъектов права, проживающих в российском государстве, быть эффективным механизмом по охране и защите экологических прав граждан, закрепленных на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=379910>.
2. Зорькин В. Д. Десять лекций о праве: монография. Москва: Норма, 2021. 400 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=375684>.
3. Леонов А. В., Пронин А. Ю. Новая парадигма искусственного интеллекта // Компетентность. 2023. № 2. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.24412/1993-8780-2023-2-37-46>. EDN: <https://elibrary.ru/eyqwug>.
4. Кузнецова И. О., Шляпина Ю. В. Возникновение искусственного интеллекта, его преимущества и недостатки // Цивилизационные перемены в России: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный лесотехнический университет. Екатеринбург, 2023. С. 83–87.
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490-o-razvitiu/>.
6. Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 32–40. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040>. EDN: <https://elibrary.ru/hkgaqm>.
7. Романова Г. В. Применение цифровых технологий при реализации права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залойдо. Москва: Инфотропик Медиа, 2022. С. 329–336. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48497157>. EDN: <https://elibrary.ru/cooxto>.
8. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права: монография. Москва: Юрайт, 2022. 498 с. URL: <https://urait.ru/book/aktualnye-problemy-ekologicheskogo-prava-488599>.
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2023) // В данном виде опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lui4637cwn930353763.
10. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 04.08.2023) «О государственной тайне» // В данном виде опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/?ysclid=lui4iklru1118905739.
11. Глава ООН: искусственный интеллект должен служить на благо всего человечества // Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/07/1442627>.
12. Nichols M. UN Security Council meets for first time on AI risks // Reuters. July, 19. 2023. URL: <https://www.reuters.com/technology/un-security-council-meets-first-time-ai-risks-2023-07-18/>.
13. Recommendation on the ethics of artificial intelligence (2021), UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455>.

14. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence 2019 // OECD Legal Instruments. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.
15. Coordinated Plan on Artificial Intelligence // Official website of the European Union. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/plan-ai>.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.09.2021 № 42-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона “О гидрометеорологической службе”, пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Валмакс”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110010004?ysclid=lui5i1p1pe136056341>.
17. Yadav M., Singh G. Environmental sustainability with artificial intelligence // EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR). 2023. Vol. 9, no. 5. P. 213–217. URL: <https://www.eprajournals.net/index.php/IJMR/article/view/2068>.
18. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // В данном виде опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>.
19. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 (ред. от 11.03.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // В данном виде опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Kontseptsiya tsifrovogo gosudarstva i tsifrovoi pravovoi sredy: monografiya. Pod obshch. red. N. N. Chernogora, D. A. Pashentseva* [Chernogor N. N., Pashentsev D.A. (Ed.) Concept of digital state and digital legal environment: monograph]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: Norma: INFRA-M, 2021. 244 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=379910> [in Russian].
2. Zorkin V. D. *Desyat' lektii o prave: monografiya* [Ten lectures on law: monograph]. Moscow: Norma, 2021, 400 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=375684> [in Russian].
3. Leonov A. V., Pronin A. Yu. *Novaya paradigma iskusstvennogo intellekta* [A new paradigm of artificial intelligence]. *Kompetentnost'* [Competency (Russia)], 2023, no. 2, pp. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.24412/1993-8780-2023-2-37-46>. EDN: <https://elibrary.ru/eyqwug> [in Russian].
4. Kuznetsova I. O., Shlyapina Yu. V. *Vozniknovenie iskusstvennogo intellekta, ego preimushchestva i nedostatki* [The emergence of artificial intelligence, its problems and disadvantages]. In: *Tsivilizatsionnye peremeny v Rossii: materialy XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Civilizational changes in Russia: materials of the XIII All-Russian research and practical conference]. Yekaterinburg, 2023, pp. 83–87 [in Russian].
5. *Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii» (vmeste s «Natsional'noi strategiei razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda»)* [Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 № 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030»)]. Retrieved from the official Internet portal of legal information. Available at: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490-o-razvitiu/>.
6. Vasilevskaya L. Ju. *Iskusstvennyi intellekt: problemy grazhdansko-pravovoi kvalifikatsii* [Artificial intelligence: problems of civil law qualification]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2023, no. 5 (105), pp. 32–40. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040>. EDN: <https://elibrary.ru/hkgaqm> [in Russian].
7. Romanova G. V. *Primenenie tsifrovyykh tekhnologii pri realizatsii prava na dostovernuyu informatsiyu o sostoyanii okruzhayushchei sredy* [The use of digital technologies in the exercise of the right to reliable information about the state of the environment]. In: *Probely v prave v usloviyakh tsifrovizatsii: sbornik nauchnykh trudov. Pod obshch. red. D. A. Pashentseva, M. V. Zaloido* [Pashentsev D. A., Zaloido M.V. (Eds.) Gaps in law in the context of digitalization: collection of scientific papers]. Moscow: Infotropik Media, 2022, pp. 329–336. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48497157>. EDN: <https://elibrary.ru/cooxto> [in Russian].
8. Bogolyubov S. A. *Aktual'nye problemy ekologicheskogo prava: monografiya* [Topical issues of environmental law: monograph]. Moscow: Yurait, 2022, 498 p. Available at: <https://urait.ru/book/aktualnye-problemy-ekologicheskogo-prava-488599> [in Russian].
9. *Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 02.11.2023) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.12.2023)* [Federal Law № 149-FZ as of 27.07.2006 (as amended on 22.11.2023) «On Information, Information Technologies and Information Protection» (as amended effective of 01.12.2023)]. Has not been published in this form. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lui4637cwn930353763 [in Russian].
10. *Zakon RF ot 21.07.1993 № 5485-1 (red. ot 04.08.2023) «O gosudarstvennoi taine»* [Law of the Russian Federation dated 21.07.1993 № 5485-1 (revised 04.08.2023) «Concerning State Secrets»]. Has not been published in this form.

Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/?ysclid=lui4iklru1118905739 [in Russian].

11. Glava OON: *iskusstvennyi intellekt dolzhen sluzhit' na blago vsego chelovechestva* [UN Chief: artificial intelligence should serve for the benefit of all mankind]. Retrieved from the official website of UN. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2023/07/1442627> [in Russian]

12. Nichols M. UN Security Council meets for first time on AI risks. Retrieved from the official website of Reuters. July, 19, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/technology/un-security-council-meets-first-time-ai-risks-2023-07-18>.

13. Recommendation on the ethics of artificial intelligence (2021), UNESCO. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455>.

14. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence 2019. Retrieved from the official website of OECD Legal Instruments. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

15. Coordinated Plan on Artificial Intelligence. Retrieved from the official website of the European Union. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/plan-ai>.

16. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.09.2021 № 42-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei 1 i 3 stat'i 17 Federal'nogo zakona "O gidrometeorologicheskoi sluzhbe", punktov 3, 4 i 5 Polozheniya ob informatsionnykh uslugakh v oblasti gidrometeorologii i monitoringa zagryazneniya okruzhayushchei prirodnoi sredy v svyazi s zhaloboi obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Valmaks"»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.09.2021 № 42-P «With regard to case of checking the constitutionality of Parts 1 and 3 of Article 17 of the Federal Law “On Hydro-meteorological services”, paragraphs 3, 4 and 5 of the Regulations on Information Services in the field of hydro-meteorology and monitoring of environmental pollution in connection with the complaint of a limited liability company “Valmaks”»]. Retrieved from official Internet portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110010004?ysclid=lui5i1p1pe136056341> [in Russian].

17. Yadav M., Singh G. Environmental sustainability with artificial intelligence. *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR)*, 2023, vol. 9, no. 5, pp. 213–217. Available at: <https://www.eprajournals.net/index.php/IJMR/article/view/2068>.

18. *Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 (red. ot 15.03.2021) «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 № 642 (revised 15.03.2021) «On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation»]. Has not been published in this form. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> [in Russian].

19. *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 21 sentyabrya 2021 g. № 1587 (red. ot 11.03.2023) «Ob utverzhdenii kriteriyev proyektov ustoychivogo (v tom chisle zelenogo) razvitiya v Rossiyskoy Federatsii i trebovaniy k sisteme verifikatsii proyektov ustoychivogo (v tom chisle zelenogo) razvitiya v Rossiyskoy Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation dated September 21, 2021 No. 1587 (ed. dated 03/11/2023) «On approval of criteria for sustainable (including green) development projects in the Russian Federation and requirements for the verification system for sustainable (including green) development projects in the Russian Federation»]. Has not been published in this form. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-71-76

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.4

Дата поступления: 19.12.2023
рецензирования: 22.01.2024
принятия: 15.03.2024

**Воздействие конституционно-правовых норм на экономические
отношения: вопросы методологии исследования**

Е. Ю. Стаханова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: stakaty@rambler.ru

Аннотация: Работа посвящена определению методологии исследования воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения в современном конституционном государстве. Рассмотрены основные методы научного познания, применяемые для формирования достоверного представления о конституционно-правовом регулировании экономики. Проанализированы российские и зарубежные доктринальные подходы к методологии исследования экономических отношений, продемонстрированы примеры применения теоретических концепций в действующих российских конституционных нормах. Сформулированы авторские выводы, отражающие особенности методологии исследования воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения в современных экономических условиях.

Ключевые слова: экономика; экономические отношения; конституционно-правовое регулирование; Конституция; методология научного исследования.

Цитирование. Стаханова Е. Ю. Воздействие конституционно-правовых норм на экономические отношения: вопросы методологии исследования // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 71–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-71-76>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Стаханова Е. Ю., 2024

Екатерина Юрьевна Стаханова – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.12.2023
Revised: 22.01.2024
Accepted: 15.03.2024

**Impact of constitutional law rules on economic relations: issues of research
methodology**

E. Yu. Stahanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: stakaty@rambler.ru

Abstract: The work is devoted to determining the methodology for studying the impact of constitutional law norms on economic relations in a modern constitutional state. The main methods of scientific knowledge used to form a reliable idea of the constitutional law regulation of the economy are considered. Russian and foreign doctrinal approaches to the methodology of studying economic relations are analyzed, examples of the application of theoretical concepts in current Russian constitutional norms are demonstrated. The author's conclusions are formulated, reflecting the features of the methodology for studying the impact of constitutional and legal norms on economic relations in modern economic conditions.

Key words: economics; economic relations; constitutional law regulation; Constitution; methodology of scientific research.

Citation. Stahanova E.Yu. *Vozdeistvie konstitutsionno-pravovykh norm na ekonomicheskie otnosheniya: voprosy metodologii issledovaniya* [Impact of constitutional law rules on economic relations: issues of research methodology]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 71–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-71-76> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Stahanova E. Yu., 2024

Ekaterina Yu. Stahanova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Проблема определения надлежащей методологии исследования конституционно-правового регулирования экономических отношений является одной из ключевых в современных условиях экономического и правового развития, характеризующегося существенной трансформацией теоретико-методологических подходов в правотворчестве и правоприменении, направленных на обеспечение социально-экономических прав, свобод и законных интересов частных лиц, равно как и публичных интересов государства и общества, защиту от негативных последствий, являющихся обратной стороной экономической глобализации и фрагментации международно-правового регулирования экономики.

Такая фрагментация, на наш взгляд, имеет своей основной причиной выделение группы государств, считающих государственный суверенитет, включая его экономические гарантии, базовой ценностью и основой своего конституционно-правового развития, в том числе в части регулирования внутренних и внешних экономических отношений.

К таким государствам, последовательно отстаивающим в своей экономической политике принципы суверенного равенства, невмешательства в экономические дела других государств, политическую и экономическую многополярность, безусловно, относятся Российская Федерация, Индия, Китай и большинство других стран. Общим в экономической политике указанных государств является курс на защиту национальных экономических интересов, поддержку внутренних товаропроизводителей, суверенная позиция в экономических вопросах, независимая от т. н. коллективного Запада во главе с США, стремящегося навязать выгодные исключительно для себя правила и нормы экономического взаимодействия. При этом во многих ситуациях США и их союзники переходят к откровенному экспансионизму и неокOLONIALИЗМУ, основанному на создании финансово-экономической и военно-политической зависимости определенных государств без учета реальных интересов их народов и объективных условий экономического развития.

Указанные факторы требуют выработки действенных теоретико-методологических подходов к конституционно-правовому регулированию экономических отношений в столь сложной обстановке мировой политики и экономики, поскольку даже в условиях глобализации и экономической интеграции не вызывает сомнений экзистенциальная необходимость сохранения национальной экономики в качестве сферы внутригосударственного правового регулирования, основополагающим принципом которого должны неизменно выступать государственный суверенитет и юридическое равенство суверенных государств в экономической сфере. Такой подход исключает прямое внешнее вмешательство в экономику государства, кроме добровольного согласия государства на участие в том или ином интеграционном объединении,

предусмотренное ст. 79 Конституции Российской Федерации [1].

Прежде чем рассмотреть экономику как объект конституционно-правового регулирования и дать ей в указанной плоскости общую теоретико-методологическую характеристику, следует выделить определенный методологический инструментарий, необходимый для наиболее полного познания обозначенного феномена.

Прежде всего, методология исследования воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения должна быть основана на определении принципиального места, которое занимает государство в качестве регулятора.

В этой связи отмечаем, что в первую очередь необходимо выделить междисциплинарный подход как возможный методологический принцип познания сущности экономики и экономических отношений в качестве объекта конституционно-правового регулирования, что продиктовано как самим многообразием форм экономической деятельности, так и поливариативностью юридических средств воздействия на правомерность поведения ее субъектов.

Именно как результат применения междисциплинарного подхода на стыке экономики и конституционного права в российской науке появился специфический термин «конституционная экономика», причем под данным названием даже был опубликован учебник для юридических и экономических вузов [2].-

Во-вторых, для раскрытия исследуемых вопросов необходимой методологической основой выступает правовой (в том числе, безусловно, конституционно-правовой) плюрализм, предполагающий оперирование разными моделями вмешательства государства в экономику, включая обоснование легитимности такого вмешательства через общие категории – «публично-правовой интерес» и «публичный порядок государства». Эти категории, в свою очередь, выражаются посредством понятий «конституционный порядок» и «конституционный строй», важнейшим элементом последнего является экономический строй государства, включающий в себя конституционно-правовые основы права собственности (виды форм собственности и установление соотношения между ними), налоговой, денежной, финансовой и банковской, бюджетной, социальной систем, каталог конституционных экономических прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, организационные и функциональные основы институциональной системы публичной власти и единства экономического пространства государства.

В-третьих, для правильного понимания содержания и пределов конституционно-правового регулирования экономики крайне важно определение разумного баланса между экономическими (материальными) и правовыми (конституционными) ценностями, которые не могут быть сведены только к поиску экономической выгоды. Более того, российская конституционная модель, осо-

бенно после принятия масштабных изменений в 2020 г., отличается социальным характером конституционного строя, его гуманизмом и ориентированностью на удовлетворение социально-экономических прав и свобод как приоритет деятельности институциональной системы публичной власти (государственной и муниципальной). Такой баланс позволяет построить конституционную модель, взаимовыгодную для работодателей и для работников, но с обязательным учетом общественных (публичных) интересов и установлением четких пределов социальной ответственности всех участников экономических отношений.

Кроме того, следует согласиться с утверждением В.Ф. Яковлева о том, что в систему правового регулирования экономического развития всегда входят три элемента: законодательство; организация исполнения законов (правоприменительная практика. – Авт.); правоохранительная и правоприменительная структура (институциональная система. – Авт.) [3, с. 176].

С этой точки зрения, для эффективного конституционно-правового регулирования экономики также необходим баланс трех указанных элементов: а) качественные конституционно-правовые нормы, на базовом уровне регулирующие экономические отношения; б) эффективное правоприменение, обязательно учитывающее прямое действие норм Конституции, прежде всего в вопросах обеспечения социально-экономических прав и свобод; в) действенная институциональная система конституционных органов, занимающих центральное функциональное место в комплексном процессе конституционно-правового регулирования экономики государства.

При этом конституционно-правовое регулирование экономики является разумной, легальной и происходящей из социального консенсуса, которым и является принятие демократической Конституции, формой вмешательства в сферу осуществления частными лицами (юридическими и физическими) абсолютной (т.е., неограниченной, первозданной, нерациональной) экономической свободы, что необходимо для обеспечения устойчивого развития общества.

Вместе с тем, на наш взгляд, идея всеобъемлющего регулирования экономических процессов не отвечает общественным интересам, как публичным, так и частным, поскольку в экономике именно инициатива является «двигателем» дальнейшего развития, получения добавочной стоимости и возрастания уровня благосостояния общества, и как раз поэтому в экономических отношениях допускается значительный уровень диспозитивности, а защита частноправовых экономических интересов ставится во главу угла в действующих конституционно-правовых нормах. Так, например, конституционная формулировка социально-экономической категории «труд» выражена в российской Конституции именно как свобода, а не как право или, тем более, не как обязанность (ч. 1 ст. 37), а ч. 1 ст. 34, в свою очередь, устанавливает

свободу не запрещенной законом экономической деятельности в целом, что означает признание и гарантирование со стороны государства и других форм экономической деятельности, кроме собственно трудовой, осуществляемой на основании трудового договора, по свободному выбору индивида.

Исходя из обозначенной общей методологии исследования конституционно-правового регулирования экономики, можно выделить те основные методы научного познания, которые способны обеспечить получение достоверных знаний о формах, методах и пределах воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения.

Во-первых, это формально-юридический метод, который позволяет установить действительное содержание конституционно-правовых норм, выступающих в качестве регулятора экономических отношений на базовом уровне правового регулирования. При этом к экономическим отношениям и сфере экономики, на наш взгляд, целесообразно относить те общественные отношения, которые возникают по поводу материальных благ в самых разнообразных формах, субъектном и объектном составе. Таким образом, конституционно-экономическую методологию логично применять к тем из социальных прав, которые непосредственно влияют на материальные условия жизни индивида.

Например, такое социальное право, как воспитание детей и забота о них, нельзя относить к сфере экономики, поскольку при его реализации не возникает экономических отношений по поводу имущественных благ. И наоборот, такое социальное право, как право на жилище означает приобретение недвижимого имущества либо пользование им, что улучшает материальное (экономическое) положение лица, и реализовано может быть на рынке недвижимости, который, как и любой другой рынок товаров, работ, услуг, является сугубо экономической категорией в гносеологическом и практическом инструментарии.

Пользуясь указанными пределами и анализируя с формально-юридических позиций положения российской Конституции, можно выделить следующие группы конституционно-правовых норм, воздействующих на экономическую сферу жизнедеятельности общества и возникающие в ней экономические отношения: а) конституционные социально-экономические права и свободы, к которым относятся: свобода экономической деятельности, не запрещенной законом; право собственности; право наследования; свобода труда; право на забастовку; право на отдых; право на социальное обеспечение; право на жилище; свобода творчества; б) конституционные принципы и нормы, в совокупности формирующие основы экономического строя государства как элемент конституционного строя: единство экономического пространства в пределах суверенной территории государства; единая денежная (валютная) система; экономическая и социальная солидар-

ность государства и общества; социальное партнерство; в) конституционно-правовые нормы, устанавливающие основы институциональной системы общих и специальных органов публичной власти, осуществляющих государственное и муниципальное управление сферой экономики, при этом к специальным конституционным органам, наделенным экономической компетенцией, относятся: Центральный Банк Российской Федерации; Счетная палата; арбитражные суды.

В совокупности перечисленные конституционные положения составляют формально-юридическую базу российского конституционно-правового регулирования экономики и возникающих по поводу материальных благ экономических отношений в обществе.

Другим важнейшим методом исследования конституционно-правового регулирования экономики является сравнительно-правовой, позволяющий выделить общее и частное в конституционных положениях России и зарубежных стран, и, что наиболее ценно, определить, какой зарубежный опыт может быть воспринят и иметь позитивный эффект в отечественных экономических условиях и особенностях функционирования национальной правовой системы, а от заимствования каких моделей, институтов либо отдельных норм следует отказаться ввиду бесперспективности их применения или отсутствия прогнозируемых улучшений.

Как отмечает в этой связи Г. Н. Андреева, страны с рыночной экономикой, к которым, относится и Россия, имеют общую теоретическую предпосылку для конституционного регулирования экономических отношений [4, с. 242]. По мнению автора, эта предпосылка состоит в том, что приоритеты и значимость тех или иных экономических отношений в странах с рыночной экономикой постоянно меняются [4, с. 242], соответственно, и конституционно-правовому регулированию экономики присуща значительная динамика, познать которую возможно уже исключительно с применением историко-правового метода, позволяющего проследить развитие как фактических экономических отношений в обществе, так и принимаемой с целью их урегулирования нормативно-правовой базы, включая наивысший конституционно-правовой уровень регламентации.

Высокая динамика конституционно-правового регулирования в странах с рыночной экономикой объясняется также и существенной децентрализацией принятия решений в экономической сфере, особой организацией делегирования государственных полномочий на муниципальный, локальный (корпоративный) и индивидуальный (саморегуляция) уровни. По словам немецкого исследователя В. Д. Цумпфорта, «социальное рыночное хозяйство есть гарантированный государственным влиянием процесс децентрализованного принятия решений» [5, с. 809]. В этом смысле конституционно-правовые нормы выступают как раз юридической гарантией децентрализации регули-

рования экономических отношений, обладающей в современных конституционных (правовых) государствах высшей юридической силой и способностью прямого действия.

Еще одной особенностью конституционно-правовых норм, направленных на регулирование экономических отношений в странах с рыночной экономикой, является высокая степень их абстрактности, обобщенности, программно-целевой характер, что присуще и конституционно-правовым нормам вообще в качестве их специфического содержательного признака.

Среди других методов, необходимых для полного и комплексного исследования, следует отметить системно-структурный анализ, позволяющий выстроить конституционно-правовую институциональную основу регулирования экономикой. Учитывая широкий междисциплинарный характер исследования, можно выделить специальные методы смежных наук – логический (установление логических закономерностей воздействия конституционного права на экономику), социологический (определение социальных предпосылок конституционных преобразований, влияющих на экономическую сферу), статистический (мониторинг количественной эффективности воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения в определенном временном периоде).

Обобщая результаты проведенного анализа методологии исследования воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения, можно сделать следующие основные выводы: 1) методология исследования воздействия конституционно-правового регулирования на экономические отношения должна базироваться на широком междисциплинарном подходе, предполагающем применение методов не только юриспруденции, но и смежных наук (экономики, социологии, статистики, логики); 2) методологические основы исследования конституционно-правового регулирования экономических отношений в странах с рыночной экономикой имеют общую парадигму, основанную на значительной динамике как самих экономических отношений, так и конституционно-правовых норм, направленных на их урегулирование; в) конституционно-правовые нормы, регулирующие экономические отношения, как правило, имеют абстрактный, общий характер, что продиктовано общей спецификой конституционного права как источника базовых предписаний программно-целевого и принципиально-учредительного содержания.

Таким образом, новизна предлагаемой методологии исследования воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения состоит в предлагаемой модели комплексной экстраполяции рамочных конституционных положений, представляющих собой базовый уровень правового регулирования, на конкретную практику возникновения, реализации и прекращения экономических отношений.

При этом установлено, что особенности воздействия конституционно-правовых норм на экономические отношения целесообразно рассматривать с учетом всего разнообразия экономической жизнедеятельности, включая право собственности, бюджетные и валютные отношения, принципы единства экономического пространства суверенного государства, социально-экономические права и свободы человека, гражданина и коллективных субъектов правовых отношений, а также институциональную основу осуществления публичной власти в экономической сфере государственной политики.

Библиографический список

1. Головки Л. В. Институт преюдиции в уголовном процессе Франции: к российским дискуссиям // Закон. 2022. № 9. С. 86–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-9-86-101>.
2. Головки Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. Москва, 2005. 130 с. URL: <https://kalinovskiy-k.narod.ru/b/gol-95.htm?ysclid=lozfc9ybx794944456>.
3. Головки Л. В. Дознание и предварительное следствие по уголовным делам во Франции (основные тенденции развития): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 194 с. URL: <https://www.disscat.com/content/doznanie-i-predvaritelnoe-sledstvie-po-ugolovnym-delam-vo-frantsii-osnov-tendentsii-razvitiy?ysclid=lozfiv63o7340153051>.
4. Шейфер С. А. Доказательство и доказывание по уголовным делам. Москва: Норма, 2009. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Аюпова З. К., Кусаинов Ж. К., Мадалиева Ж. К., Мусабаева Г. Н., Рахимова Г. Д. О формах проявления рациональности и особенности осуществления принципа процессуальной экономии в уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 661–670. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).661-670](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).661-670).
6. Ковтун Н. Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 174–182. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/gwuoqcj5hp/164553688.pdf>.
7. Калиев А. А. К вопросу возникновения статуса свидетеля, имеющего право на защиту // Государство и право в изменяющемся мире: проблемы и перспективы цифровизации правовой среды: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 233–238. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53761649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/btrijj>.
8. Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2006. 192 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1846068-realizaciya-sostyazatelnyh-nachal-pri-primenenii-specialnyh-poznaniy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/toread?ysclid=lozhjux77311343392>.
9. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистратуры / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2016. 465 с. URL: <https://urait.ru/book/ugolovno-processualnoe-pravo-aktualnye-problemy-teorii-i-praktiki-393118?ysclid=lozhr2uu4m637228068>.
10. Михайловская И. Б. Соотношение судебных и следственных доказательств // Государство и право. 2006. № 9. С. 39–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9295340>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hbbunr>.
11. Лазарева В. А. Досудебное производство: перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73>.
12. Пилюк А. В. «Следственный судья» или «судебный следователь»: какая реформа нам нужна? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 24–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23032875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tkatab>.

References

1. Golovko L. V. *Institut preyuditsii v ugolovnom protsesse Frantsii: k rossiiskim diskussiyam* [The Institute of Prejudice in French Criminal Procedure: Toward the Russian Debate]. *Zakon*, 2022, no. 9, pp. 86–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-9-86-101> [in Russian].
2. Golovko L. V. *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ugolovnom protsesse Frantsii* [Inquiry and preliminary investigation in French criminal proceedings]. Moscow, 2005, 130 p. Available at: <https://kalinovskiy-k.narod.ru/b/gol-95.htm?ysclid=lozfc9ybx794944456> [in Russian].
3. Golovko L. V. *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie po ugolovnym delam vo Frantsii (osnovnye tendentsii razvitiya): dis. ... kand. jurid. nauk* [Inquiry and preliminary investigation with regard to criminal cases in France (major trends in development): Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1995, 194 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/doznanie-i-predvaritelnoe-sledstvie-po-ugolovnym-delam-vo-frantsii-osnov-tendentsii-razvitiy?ysclid=lozfiv63o7340153051> [in Russian].
4. Sheifer S. A. *Dokazatel'stvo i dokazyvanie po ugolovnym delam* [Evidence and proof in criminal cases]. Moscow: Norma, 2009, 240 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf) [in Russian].

5. Ayupova Z. K., Kussainov G. K., Madalieva Z. K., Mussabayeva G. N., Rakhimova G. D. *O formakh proyavleniya ratsional'nosti i osobennosti osushchestvleniya printsipa protsessual'noi ekonomii v ugovolno-protsessual'nom prave Respubliki Kazakhstan* [On the Forms of Rationality and the Specifics of Implementing the Principle of Procedural Economy in the Criminal Procedure Law of the Republic of Kazakhstan]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, vol. 13, no. 4, pp. 661–670. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).661-670](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).661-670) [in Russian].
6. Kovtun N. N. *Institut spetsializirovannykh sledstvennykh sudei: k diskussii o vektorakh zakonodatel'noi voli* [The Institute of Specialized Investigating Judges: On the Discussion of Vectors of the Legislative Will]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian journal of legal studies], 2015, no. 2 (3), pp. 174–182. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/gwuoqcj5hp/164553688.pdf> [in Russian].
7. Kaliev A. A. *K voprosu vozniknoveniya statusa svidetelya, imeyushchego pravo na zashchitu* [On the Emergence of the Status of a Witness with the Right to Protection]. In: *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchemsya mire: problemy i perspektivy tsifrovizatsii pravovoi sredy: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [State and law in the changing world: problems and prospects for digitalization of legal environment: materials of the VIII International research and practical conference]. Nizhny Novgorod, 2023, pp. 233–238. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53761649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/btriyj> [in Russian].
8. Zaitseva E. A. *Realizatsiya sostyazatel'nykh nachal pri primenении spetsial'nykh poznanii v ugovolnom sudoproizvodstve: monografiya* [Realization of adversarial principles in the application of special knowledge in criminal proceedings: monograph]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2006, 192 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1846068-realizatsiya-sostyazatelnyh-nachal-pri-primenении-specialnyh-poznaniy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/toread?ysclid=l0zhjupx77311343392> [in Russian].
9. *Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnyk dlya magistratury. Pod red. V. A. Lazarevoi, A. A. Tarasova. 3-e izd., pererab. i dop.* [Lazareva V. A., Tarasov A. A. (Eds.) Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice: textbook for master's degree. 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2016, 465 p. Available at: <https://urait.ru/book/ugolovno-processualnoe-pravo-aktualnye-problemy-teorii-i-praktiki-393118?ysclid=lozhr2uu4m637228068> [in Russian].
10. Mikhailovskaya I. B. *Sootnoshenie sudebnykh i sledstvennykh dokazatel'stv* [The correlation of court and investigation evidence]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2006, no. 9, pp. 39–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9295340>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hbbunr> [in Russian].
11. Lazareva V. A. *Dosudebnoe proizvodstvo: perspektivy razvitiya* [Pre-trial proceedings: prospects of development]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73> [in Russian].
12. Piyuk A. V. «*Sledstvennyi sud'ya*» ili «*sudebnyi sledovatel'*»: kakaya reforma nam nuzhna? [«The investigating judge» or «the court investigator»: what reform do we need?]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Russian Journal of Criminal Law], 2014, no. 2 (4), pp. 24–28. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23032875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tkatab> [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-77-83

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1, 347.9

Дата поступления: 17.12.2023
рецензирования: 19.01.2024
принятия: 15.03.2024

Вопросы возмещения затрат экспертным учреждениям в гражданском и уголовном судопроизводстве

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

И. П. Янченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: irlio.yan@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу действующего гражданского процессуального и уголовно-процессуального законодательства через призму Постановления N 43-П Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 года. На основе изучения позиции высших судов дается сравнение механизма назначения и проведения судебных экспертиз в гражданском и уголовном процессе России. Значительное внимание уделяется предложенному Конституционным Судом РФ новому порядку оплаты судебных экспертиз, назначаемых в судах общей юрисдикции, который действует до внесения соответствующих изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. В качестве исследовательской задачи авторами была определена оценка последствия применения подобного механизма в уголовном процессе. На основе изучения основополагающих принципов уголовного судопроизводства установлена невозможность привязки вопроса назначения судебной экспертизы к ее предварительной оплате потерпевшим или подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Показывается недопустимость такого подхода в силу специфики уголовного процесса, его публичности и невозможности привязки вопросов доказывания по делу к платежеспособности сторон. Авторы приходят к выводу, что распределение издержек по уголовным делам должно осуществляться только после разрешения дела по существу и принятия итогового судебного решения. Иной подход к вопросу распределения издержек, направленный на обеспечение права экспертных учреждений на оплату труда, по мнению авторов, повлечет за собой нарушение принципов уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; гражданский процесс; судебная экспертиза; экспертные учреждения; процессуальные издержки; состязательность.

Цитирование. Иванов В. В., Янченко И. П. Вопросы возмещения затрат экспертным учреждениям в гражданском и уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 77–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-77-83>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., Янченко И. П., 2024

Вячеслав Васильевич Иванов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Ирина Павловна Янченко – магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.12.2023
Revised: 19.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Issues of reimbursement of expenses to expert institutions in civil and criminal proceedings

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

I. P. Yanchenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: irlio.yan@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the analysis of the current civil procedure and criminal procedure legislation through the prism of Resolution No. 43-Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 20, 2023. Based on the study of the position of the higher courts, a comparison is made of the mechanism for appointing and conducting forensic examinations in the civil and criminal proceedings of Russia. Considerable attention is paid to the new procedure proposed by the Constitutional Court of the Russian Federation for payment of forensic examinations carried out in courts of general jurisdiction, which is valid until appropriate amendments are made to the Civil Procedure Code of the Russian Federation. As a research task, the authors identified an attempt to assess the consequences of using such a mechanism in criminal proceedings. Based on the study of the fundamental principles of criminal proceedings, it has been established that it is impossible to link the issue of assigning a forensic examination to its pre-payment to victims or suspects, accused, defendants. The inadmissibility of such an approach is shown due to the specifics of the criminal process, its publicity and the impossibility of linking the issues of proof in the case to the solvency of the parties. The distribution of costs in criminal cases should be carried out only after the resolution of the case on the merits and the adoption of a final court decision. A different approach to the issue of cost allocation, aimed at ensuring the right of expert institutions to pay, will entail a violation of the principles of criminal procedure.

Key words: criminal procedure; civil procedure; civil procedure; judicial examination; expert institutions; procedural costs; competitiveness.

Citation. Ivanov V. V., Yanchenko I. P. *Voprosy vozmeshcheniya zatrat ekspertnym uchrezhdeniyam v grazhdanskom i ugolovnom sudoproizvodstve* [Issues of reimbursement of expenses to expert institutions in civil and criminal proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 77–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-77-83> [in Russian].

Information about the conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

© Ivanov V. V., Yanchenko I. P., 2024

Vyacheslav V. Ivanov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Irina P. Yanchenko – undergraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

20 июля 2023 года Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) вынес Постановление № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза»» [1] (далее – Постановление № 43-П). В данном постановлении КС РФ существенно скорректировал подход к назначению и проведению судебной экспертизы без ее предварительной оплаты.

Конституционный Суд РФ отметил публично-правую значимость деятельности эксперта и особое внимание уделил защите права на вознаграждение негосударственных экспертных учреждений. Ранее отсутствие предварительной оплаты судебных расходов на проведение судебной экспертизы не являлось основанием для отказа экспертных учреждений от ее проведения, что, по мнению КС РФ, в настоящих реалиях повлекло «трансформацию экспертной деятельности по оказанию содействия правосудию, которая предполагается оплачиваемой, в значительной степени в безвозмездную». Такое положение дел представляется массовым, систематическим и, по мнению КС РФ, нарушает право на вознаграждение судебных экспертов, прово-

дящих экспертизы по определению суда общей юрисдикции.

Конституционный Суд Российской Федерации в абз. 1 п. 6 рассматриваемого Постановления обращает внимание на коллизию конституционных ценностей, при которой право экспертных учреждений на получение своевременной и гарантированной оплаты за выполнение своей работы по сути противопоставляется праву участников судопроизводства на рассмотрение дела вне зависимости от их материального положения. Запрет в отношении эксперта и судебно-экспертного учреждения на отказ от проведения порученной им экспертизы вследствие отказа стороны от оплаты экспертизы до ее проведения был введен Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.06.2009 № 124-ФЗ путем дополнения ч. 2 ст. 85 ГПК РФ.

Отмена абз. 2 ч. 2 ст. 85 ГПК РФ повлекла бы возвращение процессуального положения сторон в состояние до 2009 года, что, безусловно, являлось бы регрессом законодательства, поэтому Конституционный Суд РФ, с одной стороны, указал на необходимость внесения изменений в положения ГПК РФ, а с другой – воспользовавшись своим особым статусом, определил новый порядок возмещения затрат при назначении и проведении судебных экспертиз. Так, до изменений федераль-

ного законодательства при назначении судебной экспертизы по гражданскому делу должны быть соблюдены следующие условия:

– во-первых, определение суда о назначении экспертизы выносится только после ее предварительной оплаты стороной (сторонами) с определением последствий неоплаты или несвоевременной оплаты, однако после вынесения определения экспертное учреждение не может отказаться от проведения экспертизы;

– во-вторых, в случае неоплаты суд должен оценить, насколько значимым для вынесения решения по делу является проведение судебной экспертизы, а также материальное состояние стороны.

Если невнесение указанных сумм обусловлено невозможностью оплаты в силу имущественного положения сторон(-ы), то суд может принять одно из следующих решений:

1) признать назначение экспертов осуществляемым по инициативе суда, т. е. назначить судебную экспертизу по собственной инициативе. В этом случае расходы на оплату услуг эксперта будут возмещены за счет средств соответствующего бюджета;

2) освободить сторону от оплаты экспертизы.

При освобождении одной из сторон от оплаты экспертизы возникает закономерный вопрос о том, кто должен оплачивать эту часть экспертизы. Если такая обязанность возлагается на противоположную сторону, которая, к примеру, не ходатайствовала о проведении данной экспертизы, то оплата расходов этой стороной представляется нелогичной. Одним из основополагающих принципов гражданского процесса является принцип состязательности сторон, однако если суд перекладывает судебные расходы одной стороны процесса на другую до того, как примет итоговое решение по делу и отнесет все издержки на «проигравшего» участника, то можно говорить о том, что он заведомо принимает сторону истца или ответчика и за одним из них признает больший объем прав (в виде освобождения от оплаты стоимости экспертизы из-за отсутствия средств), а за другим – больший объем обязанностей (в виде оплаты экспертизы, требуемой «противостоящей» стороной).

Если же оплата судебной экспертизы осуществляется за счет средств бюджета (субъекта или Российской Федерации), то по своей сути данное положение является идентичным следующему;

3) уменьшить размер оплаты экспертизы и оплатить оставшуюся часть за счет средств соответствующего бюджета.

Для иллюстрации можно привести нормативные акты Минюста РФ, определяющие порядок и стоимость производства судебных экспертиз в подведомственных экспертных учреждениях. Исходя из расчета стоимости экспертного часа [2] и размера затрат времени на производство судебных экспертиз [3], почерковедческая экспертиза 1 категории в государственных судебно-экспертных учреждениях (далее – ГСЭУ) будет стоить 71 322,00 рубля (2971,75 руб./экспертный час x 24 часа), а аналогичная техническая экспертиза

материалов документов – 101 030,50 рублей. Суд, уменьшая стоимость экспертизы, не может нарушить право экспертного учреждения на вознаграждение, поэтому возлагает оплату оставшейся части на бюджет. Однако в этом случае возникает вопрос: если у стороны, ходатайствующей о назначении экспертизы, нет средств для ее оплаты, то почему государство должно оплачивать ее проведение? Рассматриваемое положение вещей может быть уместно при споре государственных органов и граждан (организаций). В случае же спора частных лиц мотивация Конституционного Суда РФ остается неясной;

4) если плата вносится сторонами в равных частях и одна из сторон внесла свою часть – предложить ей также внести другую часть.

Состязательность и диспозитивность являются ядром гражданского процесса, поэтому стороны обязаны самостоятельно доказывать те факты и обстоятельства, на которые они ссылаются. Если оплата вносится истцом и ответчиком в одинаковом размере и один из них (к примеру, истец) уже внес свою часть, а вторая сторона (ответчик) не имеет возможности (или желания) оплачивать оставшуюся, то истец закономерно может как отказаться от оплаты, так и согласиться в зависимости от того, насколько важным, по его мнению, является спорный факт. В этом видится наиболее логичное и отвечающее принципам гражданского процесса решение рассматриваемой проблемы, однако в случае отказа оплатившей стороны «доплатить» вновь появляется уже ставившийся в пункте 2 вопрос: кто должен оплатить оставшуюся часть судебной экспертизы;

5) признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым без ее проведения. Такой вариант позволяет существенно сэкономить время и деньги, не прибегая к необходимости производства экспертных исследований. Но есть и обратная сторона этого подхода. Нельзя исключать ситуации, в которых более слабая сторона, не имеющая достаточных средств для оплаты экспертных издержек, заведомо будет обречена на проигрыш дела и морально согласится с ним по причине отсутствия средств. Либо сторона, в силу отсутствия юридической грамотности, может добросовестно заблуждаться о каких-либо значимых обстоятельствах дела и считать ненужным проведение судебной экспертизы, полагая спорный факт и без того доказанным, либо не требующим доказательств. В качестве примера можно привести споры между гражданами и крупными организациями (банками, страховыми организациями и т. п.), в которых гражданин традиционно признается равной, но более слабой стороной договора. Хотя термин «слабая сторона договора» не закреплен в действующем российском законодательстве, его активно использует Конституционный Суд РФ, а также Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ и Пленум Верховного Суда РФ. Высшие судебные органы называют потребителя слабой стороной в силу того, что он выступает в качестве «зависимой стороны в гражданско-правовых отно-

шениях с организациями и индивидуальными предпринимателями» [4–7].

В своем постановлении Конституционный Суд РФ не дает ответа на эти справедливо возникающие вопросы, а лишь перечисляет возможные варианты того, как может поступить суд при рассмотрении ходатайства о назначении судебной экспертизы. Также остается неясным, что именно свидетельствует о таком материальном положении стороны, при котором она оказывается не в состоянии оплатить экспертизу.

При этом КС РФ говорит о назначении экспертизы судами общей юрисдикции, не указывая прямо на вид судопроизводства: гражданское, административное или уголовное, что с учетом их особенностей влечет невозможность применения позиции Конституционного Суда РФ к некоторым из них. Уголовное судопроизводство обладает особыми, специфическими чертами, коренным образом отличающимися от гражданского и административного, хотя и также основано на принципе состязательности сторон.

Конституционный Суд РФ отдельно отметил, что наиболее острой такая проблема является для негосударственных экспертных организаций и экспертов «в отсутствие таких преимуществ государственных судебно-экспертных учреждений, как гарантированное финансирование и государственный статус, поэтому именно такие – негосударственные – экспертные организации и эксперты наиболее явным образом нуждаются в гарантиях защиты их прав на получение платы за проведение судебных экспертиз» (абз. 5 п. 5 Постановления № 43-П).

Особое положение и значимость негосударственных экспертных учреждений в гражданском судопроизводстве определяется еще и тем, что в ГСЭУ, в частности в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ, согласно п. 18 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» и приказам МВД РФ, могут проводиться судебные экспертизы только по уголовным и административным делам, а также при проверке сообщений о преступлении [8–9].

В уголовном судопроизводстве экспертиза в подавляющем большинстве случаев проводится ГСЭУ. Такая тенденция обусловлена тем, что уголовное преследование осуществляется от имени государства (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). Поручение судебных экспертиз государственным экспертным учреждениям поддерживает и Верховный Суд РФ. При анализе п. 5 Постановления Пленума от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» можно сделать вывод, что экспертиза может быть поручена негосударственному судебно-экспертному учреждению в двух случаях:

1) в ГСЭУ, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований;

2) все компетентные ГСЭУ на данной территории не могут выступить в этом качестве.

Правительством РФ в 2021 году был установлен перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно ГСЭУ, который неоднократно дополнялся, и в настоящее время в него включены 11 видов судебных экспертиз [10–11].

Деятельность ГСЭУ регулируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». При этом действие названного закона распространяется и на негосударственные судебно-экспертные учреждения в части общих положений (Глава I), прав и обязанностей экспертов (ст. 16–17), заключения эксперта (ст. 25) и некоторых других. По мнению А. А. Тарасова, задачу государственной судебно-экспертной деятельности в соответствии со ст. 2 Закона законодатель определил исходя из публичного характера самого уголовного процесса. Она, согласно Закону, состоит в оказании содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [12, с. 31].

Для сравнения посмотрим, как данный вопрос решается в рамках уголовного судопроизводства. Согласно п. 4, 7 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, вознаграждение эксперта относится к процессуальным издержкам, которые взыскиваются с осужденных, а также с лиц, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, не дающим права на реабилитацию, или возмещаются за счет средств федерального бюджета (ч. 1 ст. 132 УПК РФ). Процессуальный статус осужденного лица приобретает только после вынесения в отношении него обвинительного приговора, однако судебная экспертиза в большинстве уголовных дел назначается на стадии предварительного расследования, реже – в ходе судебного следствия. В этом случае на стороне защиты участвует в деле подозреваемый (обвиняемый), подсудимый и возложение предварительной оплаты судебной экспертизы на него нарушало бы принцип презумпции невиновности, а санкция в виде отказа в проведении экспертизы или признания факта, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым без ее проведения, нарушала бы принцип состязательности сторон и право на защиту, в т. ч. судебную защиту. В таком случае, если на сторону защиты не может быть возложена обязанность предварительной оплаты деятельности экспертного учреждения, в том числе и в случаях, когда ходатайство о назначении судебной экспертизы заявлено стороной защиты, такая обязанность возлагалась бы на сторону обвинения.

Потерпевший, чьи права и законные интересы нарушены совершенным преступлением, должен

был бы оплачивать судебную экспертизу из личных средств, а после вынесения приговора взыскивать уплаченные суммы с осужденного. По некоторым особо сложным в расследовании преступлениям подозреваемый (обвиняемый) может не быть установлен в течение длительного времени. В таком случае потерпевший, оплачивая все проводимые экспертизы, не только был бы ограничен в праве на правосудие и судебную защиту, но и нес бы на себе огромное бремя судебных расходов на проведение судебной экспертизы. Денежные средства на оплату работы экспертов не всегда возможно взыскать в регрессном порядке, особенно если преступление осталось нераскрытым. По мнению В. В. Иванова, правосудие для потерпевшего – это восстановление справедливости, восстановление его статуса, существовавшего до нарушения, путем признания его прав, имущественная компенсация причиненных страданий [13, с. 9].

При описанных обстоятельствах возложение обязанностей по оплате судебной экспертизы на потерпевшего или обвиняемого, до разрешения дела судом, представляется не только нарушающим основополагающие принципы уголовного процесса. В таком случае огромный процент уголовных дел не будут справедливо и законно расследованы и разрешены судом. Данный вывод подтверждается не только обращением к таким принципам, как законность, состязательность и презумпция невиновности, но и к закрепленному в действующем УПК РФ принципу целесообразности. При этом целесообразность не противопоставляется законности, а является ее логическим продолжением [14, с. 58]. Путем анализа положений Постановления № 43-П и норм Уголовно-процессуального кодекса РФ можно прийти к выводу, что рассматриваемое Постановление затрагивает только вопросы назначения судебной экспертизы в гражданском процессе, и применение изложенной в нем позиции Конституционного Суда Российской Федерации невозможно к процессу уголовному.

Еще одним подтверждением неприменимости этого Постановления в уголовном судопроизводстве является публичность уголовного

процесса, в силу которой органы уголовного преследования обязаны осуществлять доказывание по уголовному делу своими силами и за свой счет, имея в своем арсенале средств потенциальную возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения, но не имея возможности возложить на частных лиц финансовые издержки, возникшие в связи с производством по делу до его окончательного разрешения по существу. В отличие от ГПК РФ, согласно ч. 1 ст. 56 которого каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, УПК РФ бремя доказывания возлагает на государство в лице дознавателя, следователя, прокурора. На стадии судебного разбирательства именно государственный обвинитель представляет доказательства для исследования судом первым, что обусловлено логикой состязательного процесса [15, с. 161]. Данные положения закона вытекают в том числе из того, что уголовный процесс обладает особым публично-правовым характером, поскольку, по мнению В. А. Лазаревой, «преступление посягает на охраняемые публичным правом ценности – права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества (ст. 2 УК РФ)» [16, с. 11].

Каждое решение следователя (прокурора) и суда обеспечено силой государственного принуждения, в том числе и в части финансового сопровождения их деятельности. Если государство (в лице органов расследования) утверждает, что имело место совершение преступления и его совершил конкретный человек, то оно доказывает свою гипотезу, неся все сопутствующие расходы.

Таким образом, существенные различия между уголовным и гражданским процессом; прослеживаются в самых разнообразных аспектах, в т.ч. и в подходах к вопросу оплаты издержек, возникающих в связи с назначением и производством по делу судебной экспертизы.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр “Судебная экспертиза”» // Российская газета. № 165. 27.07.2023. URL: <https://rg.ru/documents/2023/07/27/document-postanovlenie-konstitucionnogo-suda.html?ysclid=luiangopgl889770916>.
2. Приказ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 09.02.2023 № 29/1-1 «Об установлении стоимости экспертного часа и утверждении Перечня платных работ, при производстве на договорной основе экспертных исследований для граждан и юридических лиц». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fbu-rftsse-pri-miniuste-rossii-ot-09022023-n/?ysclid=luiavhi72x818904507>.
3. Приказ Минюста России от 15.09.2021 № 169 «Об утверждении размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации и Порядка применения размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-ot-15092021-n-169-ob-utverzhdanii/?ysclid=luiayhv7h2749684013>.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О «По запросу Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности абзаца шестого статьи 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 17 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей» и пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 2.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ, 2014. № 5, май. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/17810/>.
6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2018. № 11, ноябрь. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/26305>.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.12.2014 № 80-КГ14-9. URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_420320403?ysclid=luibwkh4yf615383914.
8. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции» // Российская газета. № 25. 08.02.2011. URL: <https://rg.ru/documents/2011/02/07/police-dok.html?ysclid=luic3hz5nq276336185>.
9. Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: утв. Приказом МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.09.2023) // Российская газета. № 191. 30.08.2005.
10. Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р (ред. от 22.03.2023) «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // Собрание законодательства РФ. 22.11.2021. № 47. Ст. 7923. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volum e=1002021047000&page=4&sort=position&limit=50&nd=190&volid=1002021047000>.
11. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2023 № 3041-р «О внесении изменений в перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утв. распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460983/.
12. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 128 с.
13. Иванов В. В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: защ. 23.11.2004 / Иванов Вячеслав Васильевич. Самара, 2004. 24 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Avtoreferaty/Problemy-realizatsii-i-processualnye-garantii-konstitucionnogo-prava-poterpevshego-na-dostup-k-pravosudiu-i-sudebnuu-zashitu-Elektronnyi-resurs-avtoreferat-di-67758?mode=full&ysclid=luid9ngyjb429883804>.
14. Савельев К. А., Иванов В. В. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 54–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37068850>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pphwz>.
15. Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 283 с. URL: <https://urait.ru/book/uchastie-prokurora-v-ugolovnom-processe-509749?ysclid=luidwhv7en792206297>.
16. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 268 с. URL: <https://urait.ru/book/zaschita-pravlichnosti-v-ugolovnom-processe-rossii-488791?ysclid=luie18wifs438579246>.

References

1. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.07.2023 № 43-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa vtorogo chasti vtoroi stat'i 85, statei 96 i 97, chasti shestoi stat'i 98 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi avtonomnoi nekommercheskoi organizatsii “Ekspertno-kriminalisticheskii tsentr “Sudebnaya ekspertiza”»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.07.2023 № 43-P «With regard to case of checking the constitutionality of the second paragraph of the second part of Article 85, Articles 96 and 97, part six of Article 98 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the autonomous non-profit organization “Forensic Center”»]. *Rossiiskaya gazeta*, no. 165, 27.07.2023. Available at: <https://rg.ru/documents/2023/07/27/document-postanovlenie-konstitucionnogo-suda.html?ysclid=luiangopgl889770916> [in Russian].
2. *Prikaz FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii ot 09.02.2023 № 29/1-1 «Ob ustanovlenii stoimosti ekspertnogo chasa i utverzhdenii Perechnya platnykh rabot, pri proizvodstve na dogovornoi osnove ekspertnykh issledovaniy dlya grazhdan i yuridicheskikh lits»* [Order of the Federal Budgetary Institution of the Russian Federation under the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 09.02.2023 № 29/1-1 «On setting the cost of an expert hour and approving the List of paid works in the production of expert research on a contractual basis for citizens and legal entities»]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fbu-rftsse-pri-miniuste-rossii-ot-09022023-n/?ysclid=luiavhvi72x818904507> [in Russian].
3. *Prikaz Minyusta Rossii ot 15.09.2021 № 169 «Ob utverzhdenii razmera zatrat vremeni na proizvodstvo sudebnykh ekspertiz i ekspertnykh issledovaniy v federal'nykh byudzhetykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii i Poryadka primeneniya razmera zatrat vremeni na proizvodstvo sudebnykh ekspertiz i ekspertnykh issledovaniy v federal'nykh byudzhetykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii»* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 15.09.2021 № 169 «On approval of the amount of time spent on the production of forensic examinations and expert studies in federal budgetary forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Procedure for applying the amount of time spent on the production of forensic examinations and expert studies in federal budgetary forensic expert institutions

of the Ministry of Justice of the Russian Federation»]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-ot-15092021-n-169-ob-utverzhenii/?ysclid=luiayhv7h2749684013> [in Russian].

4. *Opređenje Konstitucionnogo Suda RF ot 04.10.2012 № 1831-O «Po zaprosu Primorskogo raionnogo suda goroda Sankt-Peterburga o proverke konstitucionnosti abzatsa shestogo stat'i 222 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii vo vzaimosvyazi s položeniyami punkta 1 stat'i 16, punktov 1 i 2 stat'i 17 Zakona Rossiiskoi Federatsii "O zashchite prav potrebitel'nykh" i punkta 2 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O treteiskikh sudakh v Rossiiskoi Federatsii"»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.10.2012 № 1831-O «At the request of the Primorsky District Court of St. Petersburg on checking the constitutionality of paragraph six of Article 222 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in conjunction with the provisions of paragraph 1 of Article 16, paragraphs 1 and 2 of Article 17 of the Law of the Russian Federation "Concerning the Protection of Consumer's Rights" and paragraph 2 Articles 1 of the Federal Law "On Arbitration Courts in the Russian Federation"»]. *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*, 2013, no. 2. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136946/?ysclid=luibbkxllt162894680 [in Russian].

5. *Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 № 16 «O svobode dogovora i ee predelakh»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 14.03.2014 № 16 «On Freedom of Contract and Its Limits»]. *Vestnik VAS RF*, May 2014, no. 5. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/17810> [in Russian].

6. *Obzor po otdel'nym voprosam sudebnoi praktiki, svyazannym s dobrovol'nym strakhovaniem imushchestva grazhdan: utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 27.12.2017* [Review on certain issues of judicial practice related to voluntary insurance of citizens' property: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27.12.2017]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, November 2018, № 11. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/26305> [in Russian].

7. *Opređenje Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 23.12.2014 № 80-KG14-9* [Definition of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.12.2014 № 80-KG14-9]. Available at: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_420320403?ysclid=luibwvx4yf615383914 [in Russian].

8. *Federal'nyi zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ (red. ot 04.08.2023) «O politsii»* [Federal Law № 3-FZ as of 07.02.2011 (as amended on 04.08.2023) «Concerning the Police»]. *Rossiiskaya gazeta*, № 25, 08.02.2011. Available at: <https://rg.ru/documents/2011/02/07/police-dok.html?ysclid=luic3hz5nq276336185> [in Russian].

9. *Instruktsiya po organizatsii proizvodstva sudebnykh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyakh organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: utv. Prikazom MVD Rossii ot 29.06.2005 № 511 (red. ot 27.09.2023)* [Instructions for organizing the production of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation: approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.06.2005 № 511 (revised 27.09.2023)]. *Rossiiskaya gazeta*, no. 191, 30.08.2005. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mvd-rf-ot-29062005-n-511/?ysclid=luicd0wx9526366257> [in Russian].

10. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 16.11.2021 № 3214-r (red. ot 22.03.2023) «O Perechne vidov sudebnykh ekspertiz, provodimykh isklyuchitel'no gosudarstvennymi sudebno-ekspertnymi organizatsiyami»* [Order of the Government of the Russian Federation dated 16.11.2021 № 3214-r (revised 22.03.2023) «On the list of types of forensic examinations conducted exclusively by state forensic expert organization»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 22.11.2021, № 47, Article 7923. Available at: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002021047000&page=4&sort=position&limit=50&nd=190&volid=1002021047000> [in Russian].

11. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31.10.2023 № 3041-r «O vnesenii izmenenii v perechen' vidov sudebnykh ekspertiz, provodimykh isklyuchitel'no gosudarstvennymi sudebno-ekspertnymi organizatsiyami, utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 16.11.2021 № 3214-r»* [Order of the Government of the Russian Federation dated 31.10.2023 № 3041-r «On amendments being made to the list of types of forensic examinations conducted exclusively by state forensic expert organizations, approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated 16.11.2021 № 3214-r»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460983/ [in Russian].

12. Tarasov A. A. *Ekspert i spetsialist v ugolovnom protsesse Rossii: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Expert and specialist in the criminal process of Russia: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2017, 128 p. [in Russian].

13. Ivanov V. V. *Problemy realizatsii i protsessual'nye garantii konstitucionnogo prava poterpevshego na dostup k pravosudiyu i sudebnuyu zashchitu: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09: zashchishchena 23.11.2004* [Problems of implementation and procedural guarantees of the constitutional right of the victim to access to justice and judicial protection: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09: defended 23.11.2004]. Samara, 2004, 24 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Avtoreferaty/Problemy-realizatsii-i-processualnye-garantii-konstitucionnogo-prava-poterpevshego-na-dostup-k-pravosudiyu-i-sudebnuyu-zashchitu-Elektronnyi-resurs-avtoreferat-di-67758?mode=full&ysclid=luid9ngyjb429883804> [in Russian].

14. Savelyev K. A., Ivanov V. V. *Printsip tselesoobraznosti v rossiiskom ugolovnom protsesse: «za» i «protiv»* [The principle of expediency in the Russian criminal process: «for» and «against»]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 3, pp. 54–58. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37068850>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ppphwz> [in Russian].

15. Lazareva V. A. *Uchastie prokurora v ugolovnom protsesse: uchebnik i praktikum dlya vuzov. 5-e izd., pererab. i dop.* [Participation of the prosecutor in the criminal process: textbook and workshop for universities. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2023, 283 p. Available at: <https://urait.ru/book/uchastie-prokurora-v-ugolovnom-processe-509749?ysclid=luidwhv7en792206297> [in Russian].

16. Lazareva V. A., Ivanov V. V., Utarbayev A. K. *Zashchita prav lichnosti v ugolovnom protsesse Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov. 4-e izd., pererab. i dop.* [Protection of personal rights in the criminal process of Russia: textbook for universities. 4th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2019, 268 p. Available at: <https://urait.ru/book/zaschita-prav-lichnosti-v-ugolovnom-processe-rossii-488791?ysclid=luie18wifs438579246> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-84-91

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.1

Дата поступления: 19.12.2023
рецензирования: 22.01.2024
принятия: 15.03.2024

**Гражданско-правовой анализ отдельных нормативных положений
о бюджетных инвестициях хозяйственным товариществам и обществам**

С. В. Мартышкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: samsm07@yandex.ru

В. В. Рязанова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ryazanovaviktoriya@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются понятие и отдельные правила предоставления бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, устанавливается перечень таких юридических лиц. Авторами сформулирован вывод, согласно которому, в качестве получателей бюджетных инвестиций могут выступать лишь товарищества на вере, общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. Единственный способ предоставления бюджетных инвестиций соответствующим юридическим лицам реализуется посредством приобретения публичным образованием долей (акций) в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ или обществ. В работе исследуются также возможные цели, на которые бюджетные инвестиции могут направляться. Такими целями являются вложения в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности хозяйственных товариществ и обществ, их дочерних обществ, и (или) приобретение ими объектов недвижимого имущества, а также иные цели, не связанные с осуществлением обозначенных капитальных вложений. Авторы обосновывают допустимость установления в законе или в договоре целевой направленности бюджетных инвестиций, а также осуществления контроля за их целевым использованием.

Ключевые слова: бюджетные инвестиции; публичные образования; хозяйственные товарищества и общества; уставный (складочный) капитал; целевой характер бюджетных инвестиций; договор о предоставлении бюджетных инвестиций; контроль за целевым использованием полученных бюджетных инвестиций.

Цитирование. Мартышкин С. В., Рязанова В. В. Гражданско-правовой анализ отдельных нормативных положений о бюджетных инвестициях хозяйственным товариществам и обществам // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 84–91. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-84-91>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мартышкин С. В., Рязанова В. В., 2024

Сергей Викторович Мартышкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Виктория Владимировна Рязанова – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.12.2023
Revised: 22.01.2024
Accepted: 15.03.2024

**Civil law analysis of certain regulatory provisions on budget investments
to economic partnerships and companies**

S. V. Martyshkin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: samsm07@yandex.ru

V. V. Ryazanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ryazanovaviktoriya@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the concept and certain rules of granting budget investments to legal entities that are not state or municipal institutions and state or municipal unitary enterprises, and establishes a list of such legal entities. The authors formulate a conclusion, according to which only partnerships on trust, limited liability companies and joint-stock companies can act as recipients of budget investments. The only way to provide budget investments to the relevant legal entities is realized through the acquisition by a public entity of shares (stocks) in the authorized (share) capital of business partnerships or companies. The article also examines possible purposes of budget allocations. Such purposes are investments in capital construction objects owned by business partnerships and companies, their subsidiaries and (or) for the acquisition of immovable property objects by them, as well as for purposes not related to the implementation of designated capital investments. The authors justify the admissibility of establishing in the law or in the agreement the target orientation of budget investments, and also, admissibility of monitoring of their targeted use.

Key words: budget investments; public entities; economic partnerships and companies; authorized (share) capital; target nature of budget investments; agreement on granting budget investments; control over target use of received budget investments.

Citation. Martyshkin S. V., Ryazanova V. V. *Grazhdansko-pravovoi analiz otdel'nykh normativnykh polozhenii o byudzhetykh investitsiyakh khozyaistvennym tovarishchestvam i obshchestvam* [Civil law analysis of certain regulatory provisions on budget investments to economic partnerships and companies]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 84–91. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-84-91> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Martyshkin S. V., Ryazanova V. V., 2024

Sergey V. Martyshkin – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Viktoriya V. Ryazanova – senior professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Бюджетное инвестирование представляет собой один из тех экономических механизмов, без которых развитие производства в стране и реализация глобальных проектов является невозможной. Применение такого механизма наиболее актуально в современный период, учитывая те негативные факторы, в которых в настоящее время приходится существовать российской экономике: последствия пандемии, санкции иностранных государств, природные катастрофы и др. В подобных условиях именно инвестиции, в том числе бюджетные, могут способствовать росту и преобразованию экономики страны.

Основное нормативно-правовое регулирование, касающееся бюджетного инвестирования, закреплено в Бюджетном кодексе Российской Федерации [1] (далее – БК РФ).

В статье 6 БК РФ бюджетные инвестиции определены как бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества.

Исследуемые нами нормы права, регулирующие предоставление бюджетных инвестиций, получили закрепление в статье 80 БК РФ. Сразу стоит отметить, что юридическая техника этой статьи, по нашему мнению, далека от идеальной и вызывает достаточно много вопросов при рассмотрении соответствующих положений и соотношении их с нормами гражданского законодательства РФ.

Статья 80 БК РФ, как видно из ее названия, касается предоставления бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями. Такое наименование статьи позволяет сделать предположение о допустимости предоставления бюджетных инвестиций

любым организациям, не относящимся к названным категориям государственных и муниципальных юридических лиц. Этот вывод встречается и в литературе [2]. Хотя, как будет показано далее, он не может рассматриваться в качестве верного. Однако, уже из содержания абзаца первого пункта 1 статьи 80 БК РФ становится понятным, что это совсем не так.

Согласно пункту 1 статьи 80 БК РФ, предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, влечет возникновение права государственной или муниципальной собственности на эквивалентную часть уставных (складочных) капиталов указанных юридических лиц¹, которое оформляется участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в уставных (складочных) капиталах таких юридических лиц в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Учитывая, что в обозначенной норме речь идет об уставных и складочных капиталах юридических лиц, доли или акции в которых приобретает соответствующее публичное образование, следует констатировать, что в рассматриваемом случае

¹ Не будем в рамках настоящей статьи подробно останавливаться на гражданско-правовой оценке выражения «право собственности на часть уставного (складочного) капитала», ограничимся лишь замечанием о том, что, по нашему мнению, такая формулировка как минимум некорректна с точки зрения гражданского права. То обстоятельство, что эта фраза содержится в бюджетном, а не в гражданском законодательстве, не делает ее легитимной. Исходим из того, что законодатель имел в виду получение публичным образованием доли в уставном (складочном) капитале или акций акционерного общества по результатам инвестирования.

в качестве таких юридических лиц могут выступать только хозяйственные товарищества и общества, поскольку именно у этих юридических лиц в силу статей 66, 66.1, 66.2, 70, 83, 87, 90, 96, 99 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) формируются названные виды капиталов. Необходимо заметить, что не все хозяйственные товарищества могут являться получателями бюджетных инвестиций. Согласно пункту 5 статьи 66 ГК РФ, участниками полных товариществ и полными товарищами в товариществах на вере могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. А публично-правовые образования могут выступать участниками лишь хозяйственных обществ и вкладчиками в товариществах на вере.

Таким образом, исходя из анализа обозначенных выше положений, связанных с законодательно закрепленным механизмом предоставления бюджетных инвестиций через получение публичным образованием доли или акций в уставном (складочном) капитале юридического лица, допустимо утверждение, что получателями бюджетных инвестиций могут являться только товарищества на вере, общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества.

Обозначенная группа потенциальных получателей бюджетных инвестиций, логично вытекающая из проведенного выше правового анализа норм БК РФ и ГК РФ, по нашему мнению, может вызывать сомнения с точки зрения целесообразности наличия среди таких субъектов товарищества на вере. Трудно себе представить, что законодатель, включая в пункт 1 статьи 80 БК РФ положение о складочном капитале, в действительности имел в виду возможность участия любого публичного образования в качестве вкладчика в таком товариществе по результатам бюджетного инвестирования, особенно если учитывать специфику управления и ведения дел в товариществе на вере и отсутствие у вкладчика возможности в этом участвовать. Вероятно, объяснение может заключаться в том, что закрепленная в ГК РФ возможность публичного образования выступать участником коммандитного товарищества, была фактически просто перенесена и в БК РФ. Но такая возможность, скорее всего, останется лишь теоретической возможностью, учитывая непопулярность в Российской Федерации коммандитных, да и в целом хозяйственных товариществ, как организационно-правовых форм юридических лиц для осуществления предпринимательской деятельности. Согласно информации, содержащейся на официальном сайте ФНС РФ www.nalog.ru, по состоянию на 11.01.2024 в ЕГРЮЛ в целом по Российской Федерации зарегистрировано только 100 коммандитных товариществ².

Несмотря на то что вывод о субъектном составе потенциальных получателей бюджетных инвестиций носит универсальный характер и имеет

отношение ко всем публичным образованиям, имеются примеры того, что на федеральном уровне при осуществлении подзаконного нормативного регулирования в качестве получателей федеральных бюджетных инвестиций рассматриваются не все возможные категории юридических лиц, а только акционерные общества. Так, приказом Министерства финансов Российской Федерации от 07.11.2018 № 224н была утверждена Типовая форма договора о предоставлении из федерального бюджета бюджетных инвестиций юридическому лицу, не являющемуся федеральным государственным учреждением и федеральным государственным унитарным предприятием [4]. Из текста типового договора следует, что в нем предусматривается возможность предоставления бюджетных инвестиций исключительно для оплаты акций. Таким образом, и коммандитные товарищества, и общества с ограниченной ответственностью фактически были исключены из числа возможных получателей федеральных бюджетных инвестиций.

Тем не менее, даже с учетом всех отмеченных особенностей правового регулирования специфики отдельных категорий рассмотренных юридических лиц, в настоящее время приходится исходить из того, что по смыслу пункта 1 статьи 80 БК РФ в качестве потенциальных получателей бюджетных инвестиций могут выступать и товарищества на вере, и общества с ограниченной ответственностью, и акционерные общества.

Как уже отмечалось выше, согласно пункту 1 статьи 80 БК РФ, предоставление бюджетных инвестиций таким юридическим лицам влечет возникновение у публичного образования права на эквивалентную часть уставных (складочных) капиталов названных юридических лиц, которое оформляется участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в уставных (складочных) капиталах юридических лиц в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Полагаем, что рассматриваемый способ предоставления бюджетных инвестиций через приобретение публичным образованием доли (акций) в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества является единственно возможным средством предоставления бюджетных инвестиций соответствующим юридическим лицам.

Вместе с тем для предоставления бюджетных инвестиций значение имеют не только субъекты, которым инвестиции могут предоставляться, и способ их предоставления, но и цели, на которые бюджетные средства предоставляются. В статье 38 БК РФ закреплен принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, означающий, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования. В силу статьи 69 БК РФ к бюджетным ассигнованиям относятся в том чис-

² Во внимание принимались коммандитные товарищества, имеющие статус действующих организаций.

ле, ассигнования на предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями и государственными (муниципальными) унитарными предприятиями. В подзаконных нормативных актах, регламентирующих различные вопросы предоставления бюджетных инвестиций, также отражается целевой характер бюджетных инвестиций. Так, в пункте 3 Требований к договорам о предоставлении бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся федеральными государственными учреждениями и федеральными государственными унитарными предприятиями, за счет средств федерального бюджета, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15.02.2017 № 190 [5], установлено, что в договоре о предоставлении бюджетных инвестиций должны быть закреплены в том числе следующие положения:

- целевое назначение бюджетных инвестиций с указанием наименования федерального проекта, в случае если бюджетные инвестиции предоставляются в целях достижения результатов такого проекта;
- значения результатов предоставления бюджетных инвестиций, которые должны быть конкретными, измеримыми и соответствовать результатам федерального проекта (в случае если бюджетные инвестиции предоставляются в целях достижения результатов такого проекта), с указанием показателей, необходимых для их достижения, включая показатели в части материальных и нематериальных объектов и (или) услуг, планируемых к получению при достижении результатов соответствующего федерального проекта (при возможности установления таких показателей) и значения иных показателей (при необходимости), достижение которых должно быть обеспечено юридическим лицом, получающим бюджетные инвестиции.

Упоминание о целевом характере федеральных бюджетных инвестиций содержится и в Типовой форме договора о предоставлении из федерального бюджета бюджетных инвестиций юридическому лицу, не являющемуся федеральным государственным учреждением и федеральным государственным унитарным предприятием, утвержденной приказом Минфина РФ от 07.11.2018 № 224н.

Из всего вышесказанного следует, что приобретение доли в уставном (складочном) капитале или получение определенного количества акций публичным образованием за переданные бюджетные средства не является самоцелью, ради которой предоставляются бюджетные инвестиции. Основная цель их предоставления состоит, как правило, в достижении результата определенного проекта, т. е. инвестиции в проект осуществляются посредством внесения денег в уставный (складочный) капитал и получения доли в уставном (складочном) капитале или определенного количества акций.

В литературе отмечается, что основной целью любого инвестирования определено является получение прибыли, однако опосредованно наличие

ствует также цель достижения полезного эффекта. Исходя из этого, инвестиции подразделяют на коммерческие и некоммерческие, не направленные на получение прибыли. В качестве примера некоммерческих инвестиций приводится вложение денежных средств в строительство больниц, школ, где основной целью является общее благо, т. е. стремление повысить уровень образования в стране, расширить количество предоставляемых населению услуг в сфере здравоохранения и т. д. [6; 7].

В пункте 1 статьи 80 БК РФ потенциальные цели, на которые могут предоставляться бюджетные инвестиции, обозначены опосредованно, путем упоминания о них в положении, посвященном принимаемым решениям о предоставлении бюджетных инвестиций.

Из содержания абзаца третьего пункта 1 статьи 80 БК РФ следует, что названным выше юридическим лицам могут предоставляться бюджетные инвестиции:

- для вложения в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности указанных юридических лиц, и (или) на приобретение ими объектов недвижимого имущества;
- для предоставления взноса в уставные (складочные) капиталы дочерних обществ указанных юридических лиц на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности таких дочерних обществ, и (или) на приобретение такими дочерними обществами объектов недвижимого имущества.

По нашему мнению, приобретение объектов недвижимости должно рассматриваться в широком смысле, т. е. включать не только совершение сделок, но и создание / строительство объекта. Такой подход в полной мере соответствует действующему законодательству РФ, в частности положениям главы 14 ГК РФ, где под приобретением права собственности понимается в том числе изготовление / создание вещи. Создаваемые объекты должны быть оформлены в качестве объектов недвижимости с осуществлением государственной регистрации права собственности юридического лица или его дочернего общества на соответствующее недвижимое имущество.

Решения о предоставлении бюджетных инвестиций на эти цели принимаются соответственно в форме правовых актов Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, муниципальных правовых актов местной администрации муниципального образования.

Таким образом, в абзаце первом пункта 1 статьи 80 БК РФ содержится общее правило относительно того, каким образом предоставляются бюджетные инвестиции юридическим лицам, а в абзаце третьем пункта 1 статьи 80 БК РФ отражены правила принятия решений о предоставлении отдельного вида бюджетных инвестиций, которые направляются в объекты капитального строительства и (или) на приобретение объектов недвижимого имущества.

Вместе с тем анализ пункта 1 статьи 80 БК РФ позволяет также сделать вывод о том, что все бюджетные инвестиции по цели их предоставления можно разделить на две группы:

– бюджетные инвестиции, которые направляются в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности хозяйственных товариществ и обществ / их дочерних обществ и (или) на приобретение ими объектов недвижимого имущества;

– бюджетные инвестиции, предоставляемые на цели, не связанные с осуществлением обозначенных выше капитальных вложений в объекты капитального строительства и (или) приобретением объектов недвижимого имущества.

Дополнительным подтверждением того, что возможно предоставление бюджетных инвестиций на цели, не связанные с осуществлением капитальных вложений в объекты капитального строительства и (или) приобретением объектов недвижимого имущества, является, в частности, постановление Правительства РФ от 14.07.2020 № 1041 «Об утверждении Правил принятия решений о предоставлении из федерального бюджета бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся федеральными государственными учреждениями и федеральными государственными унитарными предприятиями, на цели, не связанные с осуществлением капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности указанных юридических лиц (их дочерних обществ), и (или) приобретением ими объектов недвижимого имущества» [8], в котором, как видно даже из названия, предусматривается именно такой вид бюджетных инвестиций. Здесь, в частности, речь идет о национальном и федеральном проектах, для реализации которых могут предоставляться бюджетные инвестиции. Вместе с тем, стоит отметить, что в процессе реализации определенных проектов, как правило, имеют место и вложения в строительство объектов, и приобретение определенного имущества, в том числе объектов недвижимости.

Анализ приведенных выше норм БК РФ позволяет констатировать, что, с одной стороны, бюджетные инвестиции, предоставляемые юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, имеют целью создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества, что следует из понятия бюджетных инвестиций, раскрытого в статье 6 БК РФ. А с другой стороны, предоставление бюджетных инвестиций связано также и с иными целями, а именно: с направленностью на объекты капитального строительства таких юридических лиц / их дочерних обществ либо с приобретениями обозначенными юридическими лицами / их дочерними обществами объектов недвижимого имущества, либо с другими целями.

Представляется, что первая из обозначенных целей достигается посредством участия публичного образования в уставном (складочном) капитале юридического лица, в результате чего возникает право публичного образования на долю в уставном (складочном) капитале или на определенное количество акций. Но приобретение доли в уставном (складочном) капитале или получение определенного количества акций публичным образованием, как уже отмечалось выше, не является самоцелью, ради которой предоставляются бюджетные средства в виде бюджетных инвестиций.

Бюджетные денежные средства предоставляются юридическому лицу для того, чтобы они были направлены на объекты капитального строительства этого юридического лица / его дочернего общества, либо на приобретение юридическим лицом / его дочерним обществом объектов недвижимого имущества, либо на иные цели. При этом публичное образование вправе контролировать процесс дальнейшего использования денежных средств, после того, как они поступят юридическому лицу в качестве вклада в уставный (складочный) капитал / оплаты акций, а само юридическое лицо должно подтвердить факт надлежащего использования бюджетных денежных средств. Соответствующий вывод подтверждается в том числе положениями, содержащимися в постановлении Правительства РФ от 15.02.2017 № 190.

Необходимо учитывать, что ни в БК РФ, ни в иных нормативных правовых актах речь не идет о возникновении у публичного образования права собственности, в том числе долевой собственности, на соответствующие объекты капитального строительства, или недвижимое имущество, или иные объекты, в которые были вложены денежные средства, изначально полученные в качестве бюджетных инвестиций. Обоснованность такой позиции законодателя объясняется тем, что за предоставление бюджетных денежных средств публичное образование уже получило эквивалентное предоставление в виде доли в уставном (складочном) капитале или определенного количества акций. Поэтому отсутствует юридическая возможность публичного образования претендовать на право собственности в отношении объекта капитального строительства, иного недвижимого имущества или другого объекта.

В юридической литературе высказывается сомнение относительно правильности утверждения о целевом назначении при использовании бюджетных инвестиций и, соответственно, о возможности контроля над соблюдением такового. Так, А. В. Майфат со ссылкой на судебную практику отмечает, что, с одной стороны, законодатель в рамках ст. 80 БК РФ предусмотрел бюджетное инвестирование только на возмездной основе путем предоставления публичному образованию доли в уставном (складочном) капитале или акций юридических лиц. На основании этого делается не вызывающий сомнения вывод о том, что после распоряжения имуществом путем внесения его в уставный (скла-

дочный) капитал другого лица собственник утрачивает право собственности на это имущество.

С другой стороны, А. В. Майфат ссылается на то, что закон требует соблюдения именно целевого назначения. И, отвечая на вопрос о возможности установления целевого назначения денежных средств, получаемых обществом в качестве оплаты за размещаемые акции посредством заключения договора об участии в уставном капитале акционерного общества, он приходит к заключению о противоречии нормам ГК РФ таких ограничений. В частности, делаются следующие выводы:

1. Хозяйственное общество становится собственником полученных средств, и инвестор, предоставляя компании-эмитенту денежные средства в качестве инвестиций, лишается каких-либо прав на них. Внесенные инвестиции «сливаются» с имуществом компании-эмитента и направляются на достижение конкретных уставных целей общества.

2. Невозможно посредством договора изменить правовой режим имущества акционерного общества, императивно установленный нормами ГК РФ [9].

Фактически аналогичную позицию занимает и А. Б. Золотарева, сделавшая вывод о невозможности осуществления контроля применительно к акционерным обществам, получающим бюджетные инвестиции на условиях возникновения права государственной или муниципальной собственности на эквивалентную часть их уставных капиталов. При этом указанный автор исходит из того, что приобретение акций определенного вида наделяет всех их обладателей равным объемом предусмотренных гражданским законодательством прав, в число которых не входит непосредственное установление целей и направлений использования обществом средств, полученных в оплату акций. Решение вопроса об использовании этих средств, по мнению А. Б. Золотаревой, относится к исключительной компетенции органов управления акционерного общества, участие в работе которых является единственно возможной формой государственного контроля в отношении бюджетных инвестиций [10].

Не можем согласиться с таким утверждением, считаем, что в рассматриваемой ситуации необходимо учитывать следующие обстоятельства. Как уже отмечалось выше, в силу статьи 38 ГК РФ при предоставлении бюджетных средств действует принцип адресности и целевого характера, который означает, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования. Приведенная норма представляет собой императивное положение бюджетного законодательства. В свою очередь, в гражданском законодательстве нет явно выраженного запрета на возможность установления целевого назначения денежных средств, получаемых юридическим лицом в качестве оплаты вклада в уставный (складочный) капитал или

за акции акционерного общества. Учитывая, что предоставленные юридическому лицу денежные средства первоначально имели бюджетную принадлежность, полагаем, что у публичного образования, исходя из положений ГК РФ, должна сохраняться возможность контролировать дальнейшее направление денежных средств после того, как они были переданы непосредственно юридическому лицу. Несмотря на то, что юридическое лицо, получившее денежные средства, является их собственником, по нашему мнению, в определенных случаях, предусмотренных законом и (или) договором, может быть установлено целевое назначение использования таких денежных средств. Ситуация с предоставлением бюджетных денежных средств является одним из примеров такого случая. Неслучайно нормативными актами применительно к рассматриваемым отношениям, связанным с предоставлением бюджетных инвестиций, предусмотрено заключение соответствующего договора, а значит, бюджетные денежные средства предоставляются не просто в качестве оплаты доли в уставном (складочном) капитале или определенного количества акций, а на основании договора, заключенного с юридическим лицом, из содержания которого следует получение бюджетных денег на следующих условиях:

- предоставление публичному образованию соразмерной величины доли / количества акций;
- использование полученных денежных средств исключительно по конкретному целевому назначению³.

Как уже отмечалось выше, приказом Минфина РФ от 07.11.201 № 224н утверждена Типовая форма договора о предоставлении из федерального бюджета бюджетных инвестиций юридическому лицу, не являющемуся федеральным государственным учреждением и федеральным государственным унитарным предприятием, в котором предусмотрены обозначенные условия. Полагаем, что нет никаких правовых оснований для утверждения о невозможности заключения подобного договора. Аналогичную ситуацию с установлением определенных условий использования денежных средств, поступающих в собственность их получателя, можно наблюдать не только применительно к бюджетным инвестициям, но и непосредственно в частноправовой сфере, например, при использовании целевого займа или кредита. С таким примером соглашается и А. В. Майфат, отмечая тем не менее, что подобное ограничение прав собственника все же является исключением [9]. Непонятно вместе с тем, что мешает допустить фактически схожее исключение и в отношении бюджетных инвестиций, особенно принимая во внимание еще большую практическую значимость и публичный интерес к установлению целевой направленности предоставляемых средств.

³ Правовой анализ такого договора требует дополнительного исследования и в рамках настоящей статьи не проводится.

Контроль за целевым использованием полученных бюджетных средств может осуществляться:

– через реализацию условий заключенного договора о предоставлении бюджетных инвестиций;

– посредством участия в деятельности органов юридического лица. Вопросы целевого использования полученных бюджетных средств могут решаться органами управления юридического лица в соответствии с их компетенцией, участие в работе

которых будет также являться формой контроля за использованием бюджетных инвестиций;

– со стороны контролирующих государственных и муниципальных органов, наделенных соответствующими полномочиями.

При осуществлении контроля особое значение приобретает не только проверка непосредственного соблюдения целевой направленности при использовании бюджетных средств, но и их эффективного расходования [11; 12].

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054721&ysclid=lujlmjyovs769835080>.
2. Лермонтов Ю. М. Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239>.
4. Приказ Минфина России от 07.11.2018 № 224н «Об утверждении Типовой формы договора о предоставлении из федерального бюджета бюджетных инвестиций юридическому лицу, не являющемуся федеральным государственным учреждением и федеральным государственным унитарным предприятием». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201901220039?ysclid=luk0e9c1lk96430236>.
5. Постановление Правительства РФ от 15.02.2017 № 190 «О требованиях к договорам о предоставлении бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся федеральными государственными учреждениями и федеральными государственными унитарными предприятиями, за счет средств федерального бюджета и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 8. Ст. 1256. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702170016>.
6. Бит-Шабо И. В. Бюджетные инвестиции как инструмент социально-экономического развития Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2023. № 2. С. 15–20. DOI: <http://doi.org/10.18572/2072-3644-2023-2-15-20>.
7. Комягин Д. Л. О понятии и видах бюджетных инвестиций // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2015. № 1. С. 8-15. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/tnyuoea012/139110878.pdf>.
8. Постановление Правительства РФ от 14.07.2020 № 1041 «Об утверждении Правил принятия решений о предоставлении из федерального бюджета бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся федеральными государственными учреждениями и федеральными государственными унитарными предприятиями, на цели, не связанные с осуществлением капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности указанных юридических лиц (их дочерних обществ), и (или) приобретением ими объектов недвижимого имущества» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4686. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007170003?ysclid=luk1b2rbf0369318782>.
9. Майфат А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты: монография. Москва: Статут, 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=369625&ysclid=luk1hbv1ro16179985>.
10. Золотарева А. Б. Проблемы определения границ и организации системы государственного и муниципального финансового контроля // Современное право. 2008. № 12. С. 73–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11744214>. EDN: <https://elibrary.ru/jwzyzj>.
11. Воронцов О. Г. Правовые дефекты принципа эффективности использования бюджетных средств // Журнал российского права. 2017. № 2 (242). С. 110–119. DOI: <https://doi.org/10.12737/24120>. EDN: <https://elibrary.ru/vmmefv>.
12. Саттарова Н. А. Об эффективности использования бюджетных средств // Финансовое право. 2022. № 5. С. 19–22. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-5-19-22>. EDN: <https://elibrary.ru/kmhumu>.

References

1. *Byudzhetniy kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 31.07.1998 N 145-FZ* [Fiscal Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 31, Article 3823. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054721&ysclid=lujlmjyovs769835080> [in Russian].
2. Lermontov Yu. M. *Postateinyi kommentarii k Byudzhetnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Podgotovlen dlya sistemy KonsultantPlus*, 2015 [Article-by-article commentary to the Fiscal Code of the Russian Federation. Prepared for the ConsultantPlus system]. [in Russian].
3. *Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ* [Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 № 51-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, Article 3301. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> [in Russian].

4. *Prikaz Minfina Rossii ot 07.11.2018 № 224n «Ob utverzhdenii Tipovoi formy dogovora o predostavlenii iz federal'nogo byudzheta byudzhetykh investitsii iuridicheskomu litsu, ne iavliaiushchemusia federal'nym gosudarstvennym uchrezhdeniem i federal'nym gosudarstvennym unitarnym predpriatiem»* [Order of the Ministry of Finance of Russia dated November 7, 2018 № 224n «On approval of the standard form of an agreement on the provision of budget investments from the federal budget to a legal entity that is not a federal state institution and a federal state unitary enterprise»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201901220039?ysclid=luk0e9c1lk96430236> [in Russian].
5. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.02.2017 № 190 «O trebovaniyakh k dogovorom o predostavlenii byudzhetykh investitsii iuridicheskim litsam, ne yavlyayushchimsya federal'nymi gosudarstvennymi uchrezhdeniyami i federal'nymi gosudarstvennymi unitarnymi predpriyatiyami, za schet sredstv federal'nogo byudzheta i ob izmenenii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation dated February 15, 2017 № 190 «On the requirements for agreements on the provision of budget investments to legal entities that are not federal state institutions and federal state unitary enterprises, at the expense of the federal budget and on the amendment and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2017, no. 8, Article 1256. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702170016?ysclid=luk0n2b8gx365252670> [in Russian].
6. Bit-Shabo I. V. *Byudzhetye investitsii kak instrument sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Budget investments as a tool for socio-economic development of the Russian Federation]. *Bezopasnost' biznesa* [Business security], 2023, no. 2, pp. 15–20. DOI: <http://doi.org/10.18572/2072-3644-2023-2-15-20> [in Russian].
7. Komiagin D. L. *O ponyatii i vidakh byudzhetykh investitsii* [About the concept and types of budget investments]. *Finansovyi vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskii uchët*, 2015, no. 1, pp. 8–15. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/tnyuoea012/139110878.pdf> [in Russian].
8. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.07.2020 № 1041 «Ob utverzhdenii Pravil prinyatiya reshenii o predostavlenii iz federal'nogo byudzheta byudzhetykh investitsii iuridicheskim litsam, ne yavlyayushchimsya federal'nymi gosudarstvennymi uchrezhdeniyami i federal'nymi gosudarstvennymi unitarnymi predpriyatiyami, na tseli, ne svyazannye s osushchestvleniem kapital'nykh vlozhenii v ob'ekty kapital'nogo stroitel'stva, nakhodyashchiesya v sobstvennosti ukazannykh iuridicheskikh lits (ikh dochernikh obshchestv), i (ili) priobreteniem imi ob'ektov nedvizhimogo imushchestva»* [Decree of the Government of the Russian Federation dated July 14, 2020 № 1041 «On approval of the Rules for making decisions on the provision of budgetary investments from the federal budget to legal entities that are not federal government agencies and federal state unitary enterprises for purposes not related to capital investments in capital assets construction, owned by these legal entities (their subsidiaries), and (or) their acquisition of real estate objects»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 29, Article 4686. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007170003?ysclid=luk1b2rbf0369318782> [in Russian].
9. Maifat A. V. *Investirovanie: sposoby, riski, sub'ekty: monografiya* [Investing: methods, risks, subjects: monograph]. Moscow: Statut, 2020. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=369625&ysclid=luk1hbv1ro16179985> [in Russian].
10. Zolotareva A. B. *Problemy opredeleniya granits i organizatsii sistemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo finansovogo kontrolya* [Problems of determining the boundaries and organizing the system of state and municipal financial control]. *Sovremennoe pravo*, 2008, no. 12, pp. 73–79. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11744214>. EDN: <https://elibrary.ru/jwzyzj>. [in Russian].
11. Vorontsov O. G. *Pravovye defekty printsipa effektivnosti ispol'zovaniya byudzhetykh sredstv* [Legal defects of the principle of performance use of budgetary funds]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2017, no. 2 (242), pp. 110–119. DOI: <https://doi.org/10.12737/24120>. EDN: <https://elibrary.ru/vmmefv> [in Russian].
12. Sattarova N. A. *Ob effektivnosti ispol'zovaniya byudzhetykh sredstv* [On the efficiency of use of budget funds]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2022, no 5, pp. 19–22. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-5-19-22>. EDN: <https://elibrary.ru/kmhumu> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-92-97

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 13.12.2023
рецензирования: 17.01.2024
принятия: 15.03.2024

Ревизия некоторых концептуальных положений уголовного закона путем изменения его **Особенной части**

Д. В. Голенко

Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Golenko.diana@bk.ru

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены спорные трансформации отдельных положений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации XXI века, затрагивающие его концептуальные начала и создающие системные противоречия. Одно из кардинальных изменений касается возвращения в уголовное право России «административной преюдиции» путем появления и распространения в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации статей, описывающих признаки составов преступлений с административной преюдицией. Другая ревизия связана с включением в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации статей, предусматривающих специальную уголовную ответственность за отдельные виды пособничества и подстрекательства. Третья переменная касается исключения части 3 статьи 331 Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащей положение об ответственности за преступления против военной службы по законодательству военного времени. Определено значение, допустимость в период действия уголовного закона, а также пределы и правила такого рода законодательных преобразований.

Ключевые слова: уголовный закон; уголовно-правовое регулирование; административная преюдиция; соучастие; источники уголовного права; законодательная техника; Особенная часть УК РФ.

Цитирование. Голенко Д.В. Ревизия некоторых концептуальных положений уголовного закона путем изменения его Особенной части // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 92–97. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-92-97>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голенко Д. В., 2024

Диана Викторовна Голенко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.12.2023
Revised: 17.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Revision of certain conceptual provisions of the criminal law by changing its Special Part

D. V. Golenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: golenko.diana@bk.ru

Abstract: This article examines controversial transformations of individual provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of the XXI century, affecting its conceptual principles and creating systemic contradictions. One of the fundamental changes concerns the return of «administrative prejudice» to Russian criminal law through the appearance and dissemination in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of articles describing the characteristics of crimes with administrative prejudice. Another revision is related to the inclusion in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of articles providing for special criminal liability for certain types of

aiding and abetting. The third change concerns the exclusion of Part 3 of Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation, which contains a provision on liability for crimes against military service under wartime legislation. The meaning, admissibility during the period of validity of the criminal law, as well as the limits and rules of this kind of legislative reforms are determined.

Key words: criminal law; criminal legal regulation; administrative prejudice; complicity; sources of criminal law; legislative technology; Special part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Citation. Golenko D. V. *Reviziya nekotorykh kontseptual'nykh polozhenii ugovolnogo zakona putem izmeneniya ego Osobennoi chasti* [Revision of certain conceptual provisions of the criminal law by changing its Special Part]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 92–97. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-92-97> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests

© Golenko D. V., 2024

Diana V. Golenko – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Особенная часть, наряду с Общей частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является одной из двух дуалистических подсистем, парным структурным компонентом современного уголовного закона. Она строится с использованием приемов, средств и правил законодательной техники. В течение действия УК РФ трансформация его Особенной части происходит одним из трех способов: дополнения, исключения и (или) изменения следующего компонента этого закона – статей, включая их пункты, части, примечания, а равно путем содержательного преобразования вышеназванных структурных элементов.

Уголовно-правовые трансформации вызывают серьезные вопросы, когда затрагивают концептуальные идеи уголовного закона России, не стыкуются с теоретико-правовой концепцией УК РФ, касаются общих начал построения уголовного законодательства, связанных с системой взглядов разработчиков закона и подчас положенных в основу всего уголовного закона.

За 26 лет действия УК РФ наметилась тенденция, когда введенные в его Особенную часть отдельные изменения допустимо относить к новеллам концептуального характера [1, с. 49]. Это такие модификации, которые в той или иной степени тревожат (потрясают) концептуальные положения, на которых изначально строился и в настоящее время зиждется уголовный закон в целом. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления допустимости и пределов такого рода законотворческих процессов в период действия уголовного закона, их влияния на качество уголовного закона и на достижение задач, стоящих перед ним.

Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного анализа влияния новелл Особенной части УК РФ на концептуальные положения всего уголовного закона и на законодательную технику Особенной части УК РФ, а также анализа обоснованности такого рода изменений; в прогнозировании возможных путей решения возникающих системных противоречий.

Одной из метаморфоз Особенной части УК РФ, носящей концептуальный характер, является введение и распространение статей, описывающих признаки составов с административной преюди-

цией. В 1996 году (в момент принятия УК РФ) они осознанно не были включены в нее, хотя содержались в ранее действовавшем отечественном уголовном законодательстве XX века. Да и практика их применения была хорошо известна разработчикам нового уголовного закона. Один из аргументов для такого решения был позднее сформулирован в специальной литературе так: число совершенных административных правонарушений не изменяет природу правонарушения, не увеличивает степень общественной опасности деяния, а следовательно, не трансформируют определенное количество совершенных правонарушений в преступление [2, с. 14]. Другим аргументом служило то обстоятельство, что при применении таких юридических конструкций речь идет скорее об оценке характеристик субъекта, а не о степени общественной опасности деяния. При этом подчеркивалось, что при обсуждении такого рода вопросов (да и смежных с ними) важно избегать возвращения к теории «опасного состояния личности».

Как известно, идея создания статей с административной преюдицией в УК РФ вновь стала актуальной в первой четверти XXI века. Она практически сразу была поддержана законодателем и воплощена в действующем уголовном законе путем внесения изменений в его Особенную часть. Современная законодательная практика подтверждает устойчивую тенденцию по увеличению числа таких статей в УК РФ. Только за 2022 год в Особенную часть УК РФ добавлено или изложено в новой редакции более десяти статей с административной преюдицией (статьи 201.2, 201.3, 264.3, 274.2, 280.3, 282.4, 284.2, 285.5, 285.6, новая редакция статей – 284.1, 330.1 УК РФ). Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что составы с административной преюдицией «плотно внедрены в уголовный закон» [3, с. 54].

Вместе с тем появление такого рода статей в Особенной части УК РФ без изменений отдельных положений его Общей части порождает вопросы концептуального характера. В самом деле, получается, что Особенная часть получила «вкрапления», построенные с учетом системы взглядов, не согласованных с Общей частью, другими словами, когда специальная новелла не подведена под общие преобразования. Так, ч. 2 ст. 14 УК РФ соз-

давалась, когда господствовала концептуальная идея об отрицании административной преюдиции в уголовном законе и в Особенной части УК РФ не было статей, описывающих составы преступлений с административной преюдицией. Уголовный закон – это целостная система, отличительной особенностью которой является ее упорядоченность [4, с. 8]. Ее взаимосвязанные элементы не должны быть рассогласованными и построенными исходя из различных концептуальных подходов, что напрямую влияет на эффективность решения тех задач, которые стоят перед УК РФ.

Отсутствие единого понимания целей возвращения административно-преюдициальных конструкций в действующее уголовное законодательство России и правил их построения создает сложности в понимании и применении соответствующих положений УК РФ. В самом деле, изначально предполагалось, что часть преступлений будет законодателем декриминализована («переведена» в КоАП РФ), при этом уголовная ответственность будет наступать только после повторного совершения такого административного правонарушения. Так произошло с основным составом побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ). Со временем подход к использованию административной преюдиции несколько изменился. Административные правонарушения стали без декриминализации перерастать в ранг преступлений. К примеру, это произошло с правонарушениями, признаки которых предусмотрены в ст. 12.9 и 12.15 КоАП РФ. В результате возможный путь декриминализации превратился в путь криминализации новых деяний. Как видим, активизировались процессы, прямо противоположные изначально обозначенным. Вместо превенции, а также уменьшения числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, потенциально их число способно вырасти, поскольку действия (бездействия), которые ранее считались только административным правонарушением (независимо от числа совершенных правонарушений), стали трансформироваться в преступления. Наблюдается также тенденция одновременного внесения изменений в КоАП РФ и УК РФ. Появляется новое административное правонарушение, и одновременно с ним возникает новое преступление, состав которого сконструирован с использованием административной преюдиции. Научных исследований, касающихся необходимости перевода административного правонарушения в ранг преступлений для обоснования внесения изменений в Особенную часть УК РФ, практически не проводится, а те основания, которые указываются в пояснительных записках к законопроектам, не всегда в полной мере согласуются с принципами и правилами криминализации деяний, сформулированными в современной доктрине [5, с. 102, 103, 110].

Попутно обозначим еще один важный момент. Это техника построения статей, где описаны признаки составов преступлений с административной преюдицией. Отсутствие изначально единого под-

хода к построению статей с административной преюдицией, использование различной терминологии привело к сложностям в их понимании и применении [6, с. 90; 7, с. 185]. Введение новелл порождает новые вопросы. Например, определение понятия «должностное лицо» только применительно для статьи 274.2 УК РФ вызывает немалые проблемы с точки зрения соблюдения правил законодательной техники. Возможно, законодатель вводил примечание для согласования ст. 274.2 УК РФ и ст. 13.42 КоАП РФ. Однако, такое устранение межотраслевых рассогласований вызывает противоречия внутри самого УК РФ.

Изменение идей построения Особенной части УК РФ должно происходить при условии анализа влияния таких изменений на систему всего уголовного закона с целью исключения рассогласованности или противоречий между Общей и Особенной частями, а также внутри последней. Соответственно, изменение концептуального подхода к построению уголовного закона, а именно введение в Особенную часть статей, содержащих признаки составов преступлений с административной преюдицией, должно быть согласовано с Общей частью УК РФ. Необходимо также определить цель такого рода трансформаций, правила построения статей, и пределы их применения.

Другим примером модернизации Особенной части УК РФ является конструирование и включение в закон составов преступлений, где общая фигура соучастника трансформирована в исполнителя определенного вида преступления. С момента создания и начала действия УК РФ в этом вопросе ощущалась попытка найти компромисс, в отличие от решения предыдущего вопроса, где разработчики УК 1996 г. пришли к безапелляционной позиции отказа от составов с административной преюдицией. Неслучайно в доктрине существуют самые различные мнения относительно того, опираясь на какую теорию соучастия построен российский уголовный закон. Одни исследователи находили признаки акцессорной теории, другие видели следы теории, предложенной социологической школой права, третьи предлагали считать основой смешанную теорию соучастия [8, с. 11–23]. Если, анализируя положения Общей части УК РФ, можно было предположить, что авторы уголовного закона опираются преимущественно на акцессорную теорию, то произошедшие изменения Особенной части свидетельствуют о том, что со временем законодатель стал отдаляться от этой системы взглядов. В Особенной части УК РФ всегда можно было встретить составы, где действия исполнителя по своей сути представляют собой действия соучастника, например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Даже в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года № 7 суд, разъясняя вопросы квалификации действий лиц по ст. 150 УК РФ, использовал терминологию его Общей части («подстрекательство несо-

вершеннолетнего»). Однако сам законодатель не опирался на понятный аппарат Общей части при конструировании составов преступлений и построении диспозиций статей Особенной части. В последние годы общий подход к уголовной ответственности соучастников изменился вследствие внесения изменений в Особенную часть УК РФ. Это подтверждает законодательное описание преступлений, предусматривающих ответственность за действия пособника (ст. 205.2 и 281.1 УК РФ), увеличение числа статей, где предусмотрена ответственность за действия подстрекателя, организатора (ст. 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ). Использование законодателем терминологии Общей части, которая разработана с учетом преобладания взглядов, характерных скорее для акцессорной теории соучастия, в Особенной части, которая развивается с учетом отдаления от этой идеи, создает концептуальное противоречие. Получается, что современный уголовный закон допускает «подстрекательство к подстрекательству» или «пособничество к пособничеству», поскольку положения статей Общей части применяются ко всем статьям Особенной части УК РФ. Изменение концептуальных начал построения Особенной части в период действия УК РФ должно быть согласовано с положениями его Общей части.

Тенденция по увеличению числа статей Особенной части, где фигура соучастника «трансформирована» в «пируэт» исполнителя, не является позитивной. Трудно проследить основания введения такого рода статей. Невозможно установить, какие данные (особенности объекта посягательства, категории преступления, совершаемого исполнителем и др.) могут быть основанием для введения дополнительной статьи, «трансформирующей» соучастника в исполнителя. Еще раз повторим: уголовный закон – это прежде всего система, все компоненты и элементы которой органически взаимосвязаны и взаимозависимы. Трансформации УК РФ допустимы при пересмотре концептуальных идей, лежащих в основе всего уголовного закона, выявлении противоречий и устранении их, прогнозировании результатов таких изменений. Ученые-юристы справедливо отмечают, что уголовный закон требует оптимизации [9, с. 555], предлагая в качестве ориентиров отечественный опыт [10, с. 11] и учет современных знаний [11, с. 196–213].

В качестве еще одного примера изменения Особенной части УК РФ, носящего концептуальный характер, можно привести признание Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 395-ФЗ утратившей силу части 3 ст. 331 УК РФ. Идея об исключении ч. 3 ст. 331 УК РФ в уголовно-правовой науке озвучена давно. Об этом еще в 2014 году писал В. С. Коростелев [12, с. 110]. В период ее действия ученые-юристы обсуждали

следующие вопросы: допускает ли такое уголовно-правовое предписание существование иного уголовного законодательства, кроме УК РФ; противоречит ли оно ч. 1 ст. 1 УК РФ; необходима ли разработка и принятие иного уголовного законодательства в названный в соответствующей статье период и т.д. Само наличие такого рода положений позволяет говорить о том, что существовала возможность принятия уголовного законодательства военного времени, которое могло содержать статьи об уголовной ответственности за конкретные преступления против военной службы. Изменение Особенной части УК РФ путем исключения ч. 3 ст. 331 УК РФ является решением концептуального характера, поскольку устраняет ранее существовавшее противоречие между Общей и Особенной частью УК РФ. Однако вопросы, касающиеся круга деяний, которые должны признаваться преступными в ранее обозначенный в ст. 331 УК РФ период, а также пределы их наказуемости, требуют дальнейшего серьезного научного исследования и обоснования.

Предполагается, что уголовный закон (и его Особенная часть) чаще всего создается на длительный период применения. Стремительные изменения современных общественных отношений неизбежно требуют от законодателя обоснованной и своевременной реакции. Большинство преобразований УК РФ касаются положений именно его Особенной части.

В исторической ретроспективе в доктрине сформулированы и на практике реализованы различные варианты построения Особенной части уголовного закона России, с учетом вариативности концептуальных идей и подходов. Представляется, что теоретико-правовая концепция как система взглядов создает своего рода «несущие конструкции» уголовного закона, обеспечивающие его прочность и устойчивость во времени. Существенное изменение или упразднение именно ключевых идей может создать высокий риск для всего строения, нарушить гармонию уголовного закона в целом, породить противоречия в практике его применения, а также создать предпосылки для снижения эффективности решения задач, стоящих перед УК РФ.

В период действия уголовного закона должно соблюдаться общее правило: изменения положений Особенной части УК РФ могут иметь место, если они не противоречат положениям Общей части УК РФ. Равно как и наоборот: если в уголовном законе может возникнуть противоречие, то необходимо либо изменять одновременно положения обеих парных структурных компонентов уголовного закона, либо отказаться от трансформаций. Таким образом, пределом изменения Особенной части УК РФ является отсутствие противоречия между ней и Общей частью в концептуальных идеях и подходах, на основе которых строится весь уголовный закон.

Библиографический список

1. Кленова Т. В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы кодификации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, №4. С. 45–51. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-45-51>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dlcgcu>.
2. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета. Серия 11: Право. 2003. № 1. С. 3–19.
3. Лопашенко Н. А. Состав преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-5-51-55>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ejojlr>.
4. Безверхов А. Г. Система права и система законодательства: понятие и соотношение // Вопросы государства и права: сборник научных статей Всероссийского круглого стола / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарёв [и др.]. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 6–14. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49931464>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kubfwb>.
5. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. Москва: Юрлитинформ, 2019. 352 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41291056>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mtzufg>.
6. Кибальник А. Г., Мамкхягов З. З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda. Москва: Юрлитинформ, 2023. 160 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54006291>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sjkbbg>.
7. Макеева И. С., Обухова Т. В. Особенности общественной опасности преступлений с административной преюдицией // Вестник Сибирского юридического института МВД. 2020. № 3 (40). С. 181–186. DOI: https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_3_181. EDN: <https://www.elibrary.ru/qtfskb>.
8. Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 102–112. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_8_10. EDN: <https://www.elibrary.ru/uvcpj>.
9. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России: монография: в 2 ч. Ч. II. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 620 с.
10. Коняхин В. П., Асланян Р. Г., Батютина Т. Ю. УК РСФСР 1922 Г.: юрико-технический и институциональный анализ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 8–10. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-5-8-10>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mdcgk>.
11. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44815800>. EDN: <https://www.elibrary.ru/taudvj>.
12. Коростелев В. С. Некоторые вопросы систематизации уголовно-правовых предписаний о преступлениях против военной службы // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 108–112. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21695557>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sgtwez>.

References

1. Klenova T. V. *25-letie Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: problemy kodifikatsii* [25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation: problems of codification]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2021, vol. 7, no. 4, pp. 45–51. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-45-51>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dlcgcu>. [in Russian].
2. Kuznetsova N. F. *Sem' let Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Seven years of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2003, no. 1, pp. 3–19. [in Russian].
3. Lopashenko N. A. *Sostav prestuplenii s administrativnoi preyuditsiei – «svoi sredi chuzhikh»?* [Elements of crimes with administrative prejudice: «friends among foes»?]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2022, no. 5, pp. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-5-51-55>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ejojlr>. [In Russian].
4. Bezverkhov A. G. *Sistema prava i sistema zakonodatel'stva: ponyatie i sootnoshenie* [System of law and system of legislation: concept and relationship]. In: *Voprosy gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statei Vserossiiskogo kruglogo stola. Redkollegiya: L. V. Karnauschenko, A. A. Shvets, E. A. Pushkarev [i dr.]* [Karnaushenko L. V., Shvets A. A., Pushkarev E. A. [et al.] (Eds.) Issues of state and law: collection of scientific articles of the All-Russian round table]. Krasnodar: Krasnodarskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2022, pp. 6–14. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49931464>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kubfwb> [in Russian].
5. Korobeev A. I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [Criminal legal policy of Russia: from genesis to crisis]. Moscow: Yurлитinform, 2019, 352 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41291056>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mtzufg> [in Russian].
6. Kibalnik A. G., Mamkhyagov Z. Z. *Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave: voprosy de lege lata i de lege ferenda* [Administrative prejudice in criminal law: questions de lege lata and de lege ferenda]. Moscow: Yurлитinform, 2023, 160 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54006291>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sjkbbg> [in Russian].

7. Makeeva I. S., Obukhova T. V. *Osobennosti obshchestvennoi opasnosti prestuplenii s administrativnoi preiuditsiei* [Peculiarities of social danger of crimes with administrative prejudice]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2020, no. 3 (40), pp. 181–186. DOI: https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_3_181. EDN: <https://www.elibrary.ru/qtfskb> [in Russian].
8. Pudovochkin Yu.Ye. *Kontsepsiya souchastiya: opyt teoreticheskoi razrabotki i normativnogo zakrepleniya* [The concept of complicity: theoretical background and legal formalization]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 8 (206), pp. 102–112. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_8_10. EDN: <https://www.elibrary.ru/uvcppj> [in Russian].
9. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: monografiya: v 2 ch. Ch. II. 2-e izd. pererab.i dop.* [Crime and punishment in the history of Russia: monograph: in 2 parts. Part II. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2021, 620 p. [in Russian].
10. Konyakhin V. P., Aslanyan R. G., Batyutina T. Yu. *UK RSFSR 1922 g.: yuridiko-tekhnicheskii i institutsional'nyi analiz* [The Criminal Code of the RSFSR of 1922: a legal, technical and institutional analysis]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2022, no. 5, pp. 8–10. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-5-8-10>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mdcggk> [in Russian].
11. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. *Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo* [New criminalization: philosophical and legal guide to the world of criminal and non-criminal]. Yekaterinburg: SAPIENTIA, 2020, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44815800>. EDN: <https://www.elibrary.ru/taudvj> [in Russian].
12. Korostelev V. S. *Nekotorye voprosy sistematizatsii ugolovno-pravovykh predpisaniy o prestupleniyakh protiv voennoi sluzhby* [Some issues of systematization of prescriptions of criminal law about crimes against military service]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2014, no. 2 (48), pp. 108–112. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21695557>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sgtwez> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-98-105

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Дата поступления: 13.12.2023
рецензирования: 17.01.2024
принятия: 15.03.2024

УДК 343.431

Торговля людьми и криминальная эксплуатация человека: проблемы законодательной регламентации

А. С. Ковалькова

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: kovalkovaalexandra@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются проблемы законодательной регламентации торговли людьми и криминальной эксплуатации человека (статьи 127¹, 127², 240¹, 241, 242² УК РФ). Актуальность избранной темы обусловлена повышенной общественной опасностью и транснациональным характером данных преступлений, а также несовершенством ответного к исследуемым преступлениям уголовно-правового регулирования. Признается негативным влиянием на практику квалификации торговли людьми в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей правовой неопределенности понятия эксплуатации человека, а также других недостатков законодательной техники. В качестве решения выявленных проблем автором предлагается: включить в число объективных признаков торговли людьми (ч. 1 ст. 127¹ УК РФ) действия по эксплуатации человека с одновременным исключением ст. 127² УК РФ; скорректировать определение эксплуатации человека в примечании 2 к ст. 127¹ УК РФ; включить в ст. 127¹ УК РФ примечание 3, в силу которого вербовка, перевозка, укрывательство человека, совершенные в целях изъятия органов и тканей потерпевшего, будут квалифицироваться по п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ независимо от наличия у виновного цели эксплуатации потерпевшего; дополнить ч. 1 ст. 240 и ч. 1 ст. 242² УК РФ словами «не связанные с лишением потерпевшего свободы».

Ключевые слова: законодательная техника; транснациональная преступность; преступления против свободы; торговля людьми; эксплуатация человека; использование рабского труда; обычаи, сходные с рабством; сексуальная эксплуатация.

Цитирование. Ковалькова А. С. Торговля людьми и криминальная эксплуатация человека: проблемы законодательной регламентации // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 98–105 DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-98-105>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ковалькова А. С., 2024

Александра Сергеевна Ковалькова – специалист Центра экспертного сопровождения законодательных инициатив, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 13.12.2023
Revised: 17.01.2024
Accepted: 15.03.2024

Human trafficking and criminal exploitation of human: problems of legislative regulation

A. S. Kovalkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: kovalkovaalexandra@yandex.ru

Abstracts: The article analyzes the problems of legislative regulation of human trafficking and criminal exploitation of people (Articles 127¹, 127², 240¹, 241, 242² of the Criminal Code of the Russian Federation). The relevance of the chosen topic is due to the increased public danger and transnational nature of these crimes, as well as the imperfection of criminal legal regulation in response to the crimes under study. The legal uncertainty of the concept of human exploitation, as well as other shortcomings of legislative technology, is recognized to have a negative impact on the practice of qualifying human trafficking for the purpose of removing organs and tissues from the victim. As a solution to the identified problems, the author proposes: to include among the objective signs of human trafficking (Part 1 of Article 127¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) actions of human exploitation with the simultaneous exclusion of Art. 127² of the Criminal Code of the Russian Federation; adjust the definition of human exploitation in Note 2 to Art. 127¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; include in Art. 127¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, note 3, by virtue of which recruitment, transportation, harboring of a person committed for the purpose of removing organs and tissues of the victim will be qualified under paragraph «g» of Part 2 of Art. 127¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, regardless of whether the perpetrator has the goal of exploiting the victim; add Part 1 of Art. 240 and part 1 of Art. 242² of the Criminal Code of the Russian Federation with the words «not related to the deprivation of liberty of the victim».

Key words: legislative technique; transnational crime; crimes against freedom; human trafficking; human exploitation; use of slave labor; practices similar to slavery; sexual exploitation.

Citation. Kovalkova A. S. *Torgovlya lyud'mi i kriminal'naya ekspluatatsiya cheloveka: problemy zakonodatel'noy reglamentatsii* [Human trafficking and criminal exploitation of human: problems of legislative regulation]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-98-105> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Kovalkova A. S., 2024

Alexandra Sergeevna Kovalkova – specialist of the Center for Expert Support of Legislative Initiatives, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Торговля людьми и эксплуатация человека относятся к транснациональным преступлениям, эффективное противодействие которым возможно только при условии консолидации усилий всего международного сообщества и выстраивания четкой системы мер предупреждения и пресечения данных преступлений внутри каждого отдельного государства, обязательно при помощи средств законодательного регулирования. Вместе с тем, уголовно-правовое регулирование торговли людьми и эксплуатации человека в Российской Федерации далеко от совершенства.

Часть вопросов, связанных с применением уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за торговлю людьми, возникших в связи с недостаточной регламентацией данного преступления, разрешена в рамках официального толкования уголовного закона в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ). В частности, разъяснено содержание каждого из альтернативных деяний, образующих состав торговли людьми (п. 13), определен момент окончания преступления *в зависимости от способа его совершения* (п. 14).

В целом соглашаясь с содержанием данных разъяснений, не можем не обратить внимания на спорность избранной Пленумом Верховного Суда РФ терминологии. Перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ признаки торговли людьми (вербовка, перевозка, передача, получение, укрывательство, купля-продажа и иные сделки) представляют собой не способы совершения преступления, а непосредственно преступные деяния [1]. Таким образом, более верной в данном случае является формулировка «в зависимости от совершенного деяния».

Кроме того, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ закреплено правило о конкуренции ст. 127 и 127¹ УК РФ, которое является справедливым, т.к. состав торговли людьми полностью включает в себя незаконное лишение свободы. В то же время отказ Пленума Верховного Суда РФ признать наличие конкуренции между ст. 126 и 127¹ УК РФ является нелогичным, поскольку похищение человека, так же как и незаконное лишение свободы, полностью охватывается составом торговли людьми [2, с. 150].

Заслуживающим поддержки является вывод Пленума Верховного Суда РФ о том, что осведомленность потерпевшего о характере совершаемых

с ним действий и его согласие на их совершение не влияют на квалификацию данных действий как торговли людьми, предполагающий конец научным дискуссиям по вопросу допустимости/недопустимости квалификации в качестве торговли людьми случаев, когда потерпевший выразил согласие на свою эксплуатацию [3].

Однако ряд вопросов, связанных с квалификацией торговли людьми и эксплуатации человека, не нашли решения в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ, и в настоящее время требуют своего разрешения, например о *квалификации торговли людьми в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей*. В соответствии с разработанными в уголовно-правовой науке правилами, к квалифицирующим признакам могут быть отнесены только те обстоятельства, которые оказывают существенное влияние на уровень общественной опасности деяния [4, с. 11–12; 5, с. 467]. В отличие от использования рабского труда, реализации обычаев, сходных с рабством, и сексуальной эксплуатации, извлечение органов и тканей в любом случае приводит как минимум к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а как максимум – к его смерти. Следовательно, данный признак обоснованно отнесен законодателем к числу квалифицирующих (п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ).

Однако с указанным утверждением в уголовно-правовой доктрине согласны не все. В частности С. А. Силаев обратил внимание на то, что максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей, совершенное организованной группой, которое, по мнению автора, является самым тяжким последствием изъятия органов и тканей потерпевшего, составляет 12 лет, а максимальный срок лишения свободы за особо квалифицированное использование рабского труда и квалифицированное использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов составляет 15 лет. Изложенное, по мнению указанного автора, свидетельствует о более низкой степени общественной опасности изъятия у человека органов и тканей в сравнении с другими видами эксплуатации [6, с. 79].

На наш взгляд, данные рассуждения являются неправильными. В частности, представляется некорректным утверждение автора о том, что самым тяжким последствием изъятия у потерпевшего органов и тканей является причинение ему тяжкого вреда здоровью, совершенное организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ), поскольку

на самом деле такая операция может привести к смерти потерпевшего, что в случае неосторожного отношения виновного лица к последствиям содеянного образует состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ, а если изъятие органов или тканей являлось заведомо несовместимым с жизнью потерпевшего – состав преступления, предусмотренный п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Таким образом, этот научный исследователь сравнивает наказания за самые тяжкие формы сексуальной (ч. 2 ст. 242² УК РФ) и трудовой (ч. 3 ст. 127² УК РФ) эксплуатации человека с наказанием за не самый опасный вариант изъятия органов или тканей человека.

Учитывая, что за совершение преступления, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы, которое является более строгим, чем наказание, предусмотренное за сексуальную и трудовую эксплуатацию человека, изъятие органов или тканей человека с очевидностью обладает большим зарядом общественной опасности в сравнении с его эксплуатацией. Следовательно, цель изъятия органов или тканей потерпевшего обоснованно включена законодателем в число квалифицирующих признаков торговли людьми (п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ).

Федеральным законом от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в уголовный закон, устраняющие допущенную законодателем в первой редакции ст. 127¹ УК РФ техническую ошибку, которая позволяла квалифицировать торговлю людьми в целях изъятия органов и тканей потерпевшего одновременно по ч. 1 и по п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ. Данным законодательным актом был исключен признак «изъятие его органов или тканей» из определения эксплуатации, содержащегося в примечании 2 к указанной статье.

Однако такое изменение законодательства повлекло за собой новые проблемы в квалификации торговли людьми. В связи с тем что квалифицированный состав преступления должен включать в себя все признаки основного состава, М. М. Зейналов, В. М. Гаммаев пришли к выводу, что для квалификации содеянного как торговли людьми в целях изъятия органов и тканей необходимо, чтобы потерпевшего сначала использовали в целях эксплуатации [7]. Мы не согласны с данной позицией, поскольку действия по эксплуатации потерпевшего и изъятию его органов и тканей в настоящее время не входят в состав торговли людьми.

Более верной, на наш взгляд, является позиция, согласно которой в данном случае имеет место конкуренция целей «эксплуатация» и «использование органов и тканей», одновременное наличие которых невозможно. Исходя из существующей формулировки ч. 1 и ч. 2 ст. 127¹ УК РФ, только купля-продажа и иные сделки в отношении человека могут быть квалифицированы по п. «ж» ч. 2 данной статьи [8].

Поскольку вербовка, перевозка и укрывательство потерпевшего от торговли людьми составляют объективную сторону данного преступления, вопреки существующему в науке мнению [6, с. 79], они не могут быть отнесены ни к одной из форм соучастия, предусмотренных ст. 33 УК РФ. Следовательно, вербовка, перевозка и укрывательство, совершенные в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей, не охватываются ни п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ, ни ч. 1 указанной статьи, что противоречит принципу справедливости уголовного закона (ст. 6 УК РФ).

В уголовно-правовой доктрине предложено три варианта устранения указанного выше пробела в законодательстве. Первый заключается в том, чтобы признать утратившим силу п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ, предусматривающий в качестве квалифицирующего признака торговли людьми цель изъятия органов или тканей потерпевшего, закрепив его в качестве одной из форм эксплуатации в примечании 2 к указанной статье [9, с. 38–44]. Второй – в том, чтобы предусмотреть в качестве квалифицирующего признака торговли людьми цель эксплуатации человека [10, с. 19]. Третий – исключить из числа признаков торговли людьми цель эксплуатации, поскольку она имеет место в большинстве случаев торговли людьми [6, с. 79].

Каждый из предложенных вариантов решения проблемы не представляется нам достаточно обоснованным, поскольку они не учитывают повышенную степень общественной опасности изъятия органов или тканей в сравнении другими формами эксплуатации человека. Реализация же третьего варианта (исключение из числа признаков торговли людьми цели эксплуатации) и вовсе приведет к невозможности отграничения действий по перевозке и укрывательству от других преступлений против личной свободы человека (похищение человека, незаконное лишение свободы).

Полагаем, что наиболее оптимальным способом решения проблемы в данном случае будет использование приема фикции по аналогии с регулированием ответственности за квалифицированную кражу, ущерб от которой не достигает минимального размера, указывающего на преступность деяния (ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ). В данном случае закон позволяет квалифицировать деяние в качестве квалифицированного преступления при отсутствии одного из обязательных признаков основного состава преступления.

Для обеспечения квалификации вербовки, перевозки и укрывательства человека в целях изъятия его органов или тканей как квалифицированной торговли людьми (п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ) предлагаем дополнить указанную статью примечанием 3 следующего содержания:

«3. Вербовка, перевозка, укрывательство человека, совершенные в целях изъятия органов и тканей потерпевшего, квалифицируются по пункту «ж» части 2 настоящей статьи независимо от наличия у виновного цели эксплуатации потерпевшего.»

Другим проблемным вопросом является *сохранение определения понятия «эксплуатация»*. Данное определение размещено в примечании 2 к ст. 127² УК РФ и содержит в себе перечисление понятий, которое включает в себя эксплуатация, а именно: использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние. По оценке Т. В. Кленовой, это законодательное определение нуждается в уточнении, потому что не ясно, на каком основании использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации выведены за рамки рабского труда (услуги), т.е. формально юридически не отнесены к работоторговле, а также не считаются подневольным состоянием [11, с. 670].

В самом деле, дефиниция нуждается в корректировке. Во-первых, требует уточнения оценочный термин «иные формы сексуальной эксплуатации». Исходя из содержания Модельного закона о противодействии торговле людьми, принятом в г. Санкт-Петербурге 03.04.2008 г. Постановлением 30-11 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ и ст. 242¹ УК РФ, к иным формам сексуальной эксплуатации относятся принудительное использование лица в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, в качестве модели для изготовления порнографических материалов или предметов, удержание в сексуальном рабстве. Полагаем, что указанные иные формы сексуальной эксплуатации должны быть включены в примечание 2 к ст. 27¹ УК РФ.

Во-вторых, вызывает вопросы и использование законодателем при определении понятия «эксплуатация» термина «подневольное состояние». Согласно ст. 7 Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, к подневольному состоянию приводят обычаи, сходные с рабством. Учитывая, что примечание 2 к ст. 127¹ УК РФ фактически содержит признаки состава торговли людьми, нам представляется более удачным при определении действий по эксплуатации человека использовать признак «реализация обычаев и институтов, сходных с рабством» вместо признака «подневольное состояние».

В-третьих, вместо термина «рабский труд (услуги)», логичнее использовать характеризующий действия виновного лица термин «использование рабского труда» (в научной литературе уже не единожды указывалось на чуждость русскому языку словосочетания «рабская услуга» [12, с. 11; 13, с. 1089]).

В-четвертых, из открытых источников известно, что на территории нашей страны имеют место факты торговли людьми в целях использования человека для попрошайничества, в частности путем вербовки пациентов государственных домов престарелых и инвалидов [14]. Отказ законодателя от включения в число признаков эксплуатации принуждения к попрошайничеству позволяет торгов-

цам людьми избежать уголовной ответственности. В целях устранения указанного пробела предлагаем реципировать позитивный зарубежный опыт (УК Республики Казахстан [15], УК Федеральной Республики Германия [16]), признав в качестве разновидности эксплуатации принуждение к попрошайничеству.

С учетом изложенных замечаний предлагаем закрепить в примечании 2 к ст. 127¹ УК РФ следующее понятие эксплуатации:

«2. Под эксплуатацией человека в настоящей статье понимаются использование рабского труда, реализация институтов и обычаев, сходных с рабством, принуждение к попрошайничеству, использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, в том числе принудительное использование лица в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, в качестве модели для изготовления порнографических материалов или предметов, удержание в сексуальном рабстве.»

Третьей проблемой является *неполная криминализация эксплуатации человека в УК РФ*. Одним из важнейших правил квалификации преступлений является требование полноты состава [17, с. 141]. Вместе с тем в уголовно-правовой доктрине неоднократно указывалось на наличие пробела в уголовном законодательстве, связанного с отсутствием регламентации ответственности за реализацию институтов и обычаев, сходных с рабством, которые приводят к подневольному состоянию потерпевшего [18, с. 204].

В науке существует три подхода к решению данной проблемы. Первый подход заключается в том, чтобы изменить диспозицию ст. 127² УК РФ, установив уголовную ответственность за использование не только рабского труда, но и труда лица, находящегося в подневольном состоянии [19, с. 8]. Второй подход предполагает установление в ст. 127² УК РФ ответственности за любую эксплуатацию человека [20]. Третий подход заключается в введении в УК РФ нового состава преступления, регламентирующего ответственность за эксплуатацию человека, наряду со ст. 127² УК РФ [21, с. 224].

Наиболее удачным нам представляются второй и третий подходы, поскольку помимо использования рабского труда и реализации институтов и обычаев, сходных с рабством позволяют криминализовать и иные разновидности эксплуатации, не охваченные российским уголовным законом. В частности, в настоящее время не криминализованы принуждение совершеннолетнего лица к попрошайничеству, принудительное использование совершеннолетнего лица в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, в качестве модели для изготовления порнографических материалов или предметов, удержание лица в сексуальном рабстве.

Вместе с тем следует отметить, что законодателем установлено одинаковое наказание за

совершение преступлений, предусмотренных ст. 127¹ и ст. 127² УК РФ, данные преступления имеют сходные квалифицирующие признаки. При этом ст. 127² УК РФ является редко применяемой (с 2018 по 2022 годы она применялась судами всего лишь 8 раз, при этом в 2019 и 2021 годах не применялась вовсе [22]). Таким образом, с точки зрения принципа экономии нормативного материала наиболее целесообразным будет установить уголовную ответственность за торговлю людьми и эксплуатацию человека в рамках одной статьи.

Представляется удачным избранный казахским законодателем способ регламентации использования рабского труда, реализации институтов сходных с рабством, а также иных возможных форм эксплуатации человека, которые не охватываются специальными составами преступлений, путем указания слова «эксплуатация» при перечислении признаков торговли людьми в ст. 128 УК Республики Казахстан [15].

Полагаем, что указанный выше казахский опыт резонно реципировать в УК РФ, дополнив ст. 127¹ УК РФ признаком «эксплуатация». При этом заголовок данной статьи следует сформулировать как «Торговля людьми, эксплуатация человека и совершение сделок в отношении человека». Содержание конкретных видов эксплуатации в таком случае целесообразно разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми».

Отдельные виды сексуальной эксплуатации человека регламентированы в статьях 240, 240¹, 241, 242² главы 25 УК РФ, посвященной преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности. По мнению Е. Б. Мизулиной, указанные преступления также должны быть отнесены к преступлениям против личной свободы человека путем исключения данных статей из УК РФ с одновременным дополнением ст. 127² УК РФ в целях обеспечения соответствия российского уголовного законодательства международным стандартам, согласно которым такие деяния относятся к преступлениям, связанными с торговлей людьми [23, с. 207–211].

С данной позицией невозможно согласиться, поскольку далеко не во всех случаях совершение указанных преступлений предполагает ограничение свободы или применение иного насилия к потерпевшему, которым характеризуется использование рабского труда. Так, из перечисленных преступлений только вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 240 УК РФ) и использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242² УК РФ) потенциально могут быть совершены с применением незаконного лишения свободы потерпевшего. Организация же занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) и получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240¹ УК РФ) по

своей природе не требуют нарушения свободы потерпевшего. Следовательно, данные преступления не могут быть отнесены к преступлениям против личной свободы человека.

Таким образом, в случае, если для свершения преступлений, предусмотренных ст. 240, 242² УК РФ, виновным лицом осуществляется незаконное лишение свободы потерпевшего, по правилам квалификации содеянного должно квалифицироваться по совокупности с соответствующей частью ст. 127 УК РФ, что противоречит принципу справедливости уголовного закона (ст. 6 УК РФ), поскольку иные случаи эксплуатации человека, в частности использование рабского труда, дополнительной квалификации не требуют.

В целях унификации квалификации эксплуатации человека, связанной с нарушением его личной свободы, исключения квалификации содеянного по совокупности со ст. 127 УК РФ и обеспечения принципа справедливости уголовного закона (ст. 6 УК РФ), предлагаем дополнить ч. 1 ст. 240 и ч. 1 ст. 242² УК РФ словами «не связанные с лишением потерпевшего свободы».

Таким образом, существующая в настоящее время законодательная регламентация торговли людьми и криминальной эксплуатации человека является несовершенной с точки зрения законодательной техники и требует серьезной доработки. На наш взгляд, наиболее оптимально исправить существующие недостатки в законодательном регулировании позволят следующие изменения.

1. Включение в число объективных признаков торговли людьми (ч. 1 ст. 127¹ УК РФ) действий по эксплуатации человека с одновременным исключением ст. 127² УК РФ, по аналогии с УК Казахстана, позволит наряду с использованием рабского труда криминализировать иные формы эксплуатации человека и будет способствовать более экономному изложению уголовного закона.

2. Полагаем, что наилучшим образом признаки эксплуатации человека отражает следующее определение данного явления – это использование рабского труда, реализация институтов и обычаев, сходных с рабством, принуждение к попрошайничеству, использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, в том числе принудительное использование лица в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, в качестве модели для изготовления порнографических материалов или предметов, удержание в сексуальном рабстве.

3. В целях устранения пробела в уголовном законе, исключаяющего уголовную ответственность за вербовку, перевозку и укрывательство человека в целях изъятия его органов или тканей, предлагаем дополнить ст. 127¹ УК РФ примечанием 3, в силу которого вербовка, перевозка, укрывательство человека, совершенные в целях изъятия органов и тканей потерпевшего, квалифицируются по п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ независимо от наличия у виновного цели эксплуатации потерпевшего.

4. В целях единообразия практики квалификации эксплуатации человека, связанной с нарушением его личной свободы, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 240 и ч. 1 ст. 242² УК РФ словами «не связанные с лишением потерпевшего свободы».

Библиографический список

1. Волков К. А. Торговля людьми и новое разъяснение Пленума Верховного Суда // Российский судья. 2020. № 6. С. 36–40. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-6-36-40>.
2. Кленова Т. В. Об эффекте резонанса новых судебных позиций о преступлениях против свободы личности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 146–151. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48446252&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/cjqxeh>.
3. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 98–106. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16351001>. EDN: <https://elibrary.ru/ntvasn>.
4. Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1992. 19 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30204621>. EDN: <https://elibrary.ru/wwwqns>.
5. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000–2009. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 591 с. URL: <http://www.lib.uniya.ac.ru/edocs/iuni/20100912.pdf>.
6. Силаев С. А. Вопросы ответственности за торговлю людьми в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 3 (25). С. 77–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40873397>. EDN: <https://elibrary.ru/madpkv>.
7. Зейналов М. М., Гаммаев В. М. Уголовно-правовой анализ квалифицирующих признаков торговли людьми // Современное право. 2011. № 4. С. 120–123. URL: <https://naukarus.com/ugolovno-pravovoy-analiz-kvalifitsiruyuschih-priznakov-torgovli-lyudmi>.
8. Герасимова Е. В. Принуждение к изъятию органов или тканей человека // Lex Russica. 2017. № 4 (125). С. 203–208. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.125.4.203-208>.
9. Кургузкина Е. Б., Полянская Е. М. Уголовно-правовые и международные аспекты борьбы с использованием рабского труда и торговлей людьми. Воронеж: Воронеж. гос. аграр. ун-т, 2016. 130 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25645036>. EDN: <https://elibrary.ru/vpeylj>.
10. Кудашов А. Н. Уголовно-правовые проблемы трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. 22 с. URL: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01004269149.pdf?ysclid=lv0rv7kqrs304165978>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15934846>. EDN: <https://elibrary.ru/nksgox>.
11. Кленова Т. В. Преступления против свободы личности // Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. V. Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юридический центр – Академия, 2021. С. 630–681.
12. Полянская Е. М. Проблемы предупреждения использования рабского труда и торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 21 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007211092.pdf?ysclid=lv0sc0ze8q687861868.
13. Скрипченко Н. Ю. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву: вопросы законодательной техники и правоприменения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 1078–1099. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1078-1099>.
14. Посольство и консульства США в Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/our-relationship-ru/official-reports-ru/2021-trafficking-in-persons-report-russia-ru> (дата обращения: 07.12.2023).
15. Уголовный кодекс Республики Казахстан // Информационная система «Параграф – Юрист». URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 11.12.2023).
16. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. URL: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Головненков-П.В.-Уголовное-уложение-ФРГ-научно-практический-комментарий-и-текст-закона-2021.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).
17. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва: Проспект, 2014. 352 с. URL: https://litgid.com/read/konstruirovanie_sostava_prestupleniya_teoriya_i_praktika_monografiya/page-7.php.
18. Парог А. И. Принцип системности права и развитие уголовного законодательства // Избранное: сборник статей. Москва, 2022. С. 201–206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48019056&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/yhwxgr>.
19. Жинкин А. А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 25 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002869720.pdf?ysclid=lv0tu216iq319991200.

20. Абубакиров Ф. М. Проблемы оптимизации уголовной ответственности за использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ) // Российский следователь. 2011. № 10. С. 8–10.
21. Коваленко В. И. Дискуссионные вопросы криминализации деяний в сфере криминальной эксплуатации человека // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. Москва, 2018. С. 222–224. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48244490>. EDN: <https://elibrary.ru/ebrihij>.
22. Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2018–2022 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.12.2023).
23. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. Москва: Юристъ, 2006. 591 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002967234/.

References

1. Volkov K. A. *Torgovlya lyud'mi i novoe raz'yasnenie Plenuma Verkhovnogo Suda* [Human Trafficking and a New Explanation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2020, no. 6, pp. 36–40. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-6-36-40> [in Russian].
2. Klenova T. V. *Ob effekte rezonansa novykh sudebnykh pozitsii o prestupleniyakh protiv svobody lichnosti* [On the resonance effect of new judicial positions on crimes against personal freedom]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the XVIII International research and practical conference]. Moscow, 2021, pp. 146–151. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48446252&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/cjqxen> [in Russian].
3. Pudovochkin Ju. E. *Otvetstvennost' za torgovlyu lyud'mi po rossiiskomu ugolovnomu pravu* [Liability for trafficking in human beings under Russian criminal law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2007, no. 3 (60), pp. 98–106. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16351001>. EDN: <https://elibrary.ru/ntvasn> [in Russian].
4. Kostareva T. A. *Kvalifitsiruyushchie obstoyatel'stva v ugolovnom prave (ponyatie, zakonodatel'naya reglamentatsiya, vliyaniye na differentsiatsiyu otvetstvennosti): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Qualifying circumstances in criminal law (concept, legislative regulation, impact on differentiation of responsibility): author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kazan, 1992, 19 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30204621>. EDN: <https://elibrary.ru/wwwqns> [in Russian].
5. Kruglikov L. L. *Problemy teorii ugolovnogo prava: izbrannye stat'i, 2000–2009* [Problems of the theory of criminal law: selected articles, 2000–2009]. Yaroslavl: YarGU, 2010, 591 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19824778>. EDN: <https://elibrary.ru/qrvlyp> [in Russian].
6. Silaev S. A. *Voprosy otvetstvennosti za torgovlyu lyud'mi v tselyakh iz'yatiya u poterpevshego organov i tkanei* [Issues of criminal liability for human trafficking for purpose of victim's organs and tissues removal]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Surgut State University Journal], 2019, no. 3 (25), pp. 77–82. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40873397>. EDN: <https://elibrary.ru/madpkv> [in Russian].
7. Zeynalov M. M., Gammaev V. M. *Ugolovno-pravovoi analiz kvalifitsiruyushchikh priznakov torgovli lyud'mi* [The criminal law analysis of aggravating circumstances of trafficking]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2011, no. 4, pp. 120–123. Available at: <https://naukarus.com/ugolovno-pravovoy-analiz-kvalifitsiruyushchih-priznakov-torgovli-lyudmi> [in Russian].
8. Gerasimova E. V. *Prinuzhdenie k iz'yatiyu organov ili tkanei cheloveka* [Forged removal of organs and tissue]. *Lex Russica*, 2017, no. 4 (125), pp. 203–208. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.125.4.203-208> [in Russian].
9. Kurguzkina E. B., Polyanskaya E. M. *Ugolovno-pravovye i mezhdunarodnye aspekty bor'by s ispol'zovaniem rabskogo truda i torgovlei lyud'mi* [Criminal legal and international aspects of the fight against the use of slave labor and human trafficking]. Voronezh: Voronezh. gos. agrar. un-t, 2016, 130 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25645036>. EDN: <https://elibrary.ru/vpeylj> [in Russian].
10. Kudashov A. N. *Ugolovno-pravovye problemy transplantatsii organov i tkanei cheloveka v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal legal problems of transplantation of human organs and tissues in the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 2009, 22 p. Available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01004269149.pdf?ysclid=lv0rv7kqrs304165978>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15934846>. EDN: <https://elibrary.ru/nksgox> [in Russian].
11. Klenova T. V. *Prestupleniya protiv svobody lichnosti* [Crimes against personal freedom]. In: *Polnyi kurs ugolovnogo prava: v 10 t. T. V. Prestupleniya protiv lichnosti. Pod red. A. I. Korobeeva* [Korobeev A. I. (Ed.) Complete course of criminal law: in 10 vols. Vol. V. Crimes against the person]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr – Akademiya, 2021, pp. 630–681 [in Russian].
12. Polyanskaya E. M. *Problemy preduprezhdeniya ispol'zovaniya rabskogo truda i torgovli lyud'mi: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of preventing the use of slave labor and human trafficking: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2014, 21 p. Available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01007211092.pdf?ysclid=lv0sc0ze8q687861868> [in Russian].
13. Skripchenko N. Yu. *Otvetstvennost' za torgovlyu lyud'mi po rossiiskomu ugolovnomu pravu: voprosy zakonodatel'noi tekhniki i pravoprimeneniya* [Responsibility for trafficking in persons under Russian criminal law: issues of legislative

- technology and law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2020, vol. 24, no. 4, pp. 1078–1099. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1078-1099> [in Russian].
14. *Posol'stvo i konsul'stva SShA v Rossiiskoi Federatsii* [US Embassy and Consulates in the Russian Federation]. Available at: <https://ru.usembassy.gov/ru/our-relationship-ru/official-reports-ru/2021-trafficking-in-persons-report-russia-ru> (accessed 07.12.2023) [in Russian].
15. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved from the informational system «Paragraf – Yurist». Available at: <https://online.zakon.kz> (accessed 11.12.2023) [in Russian].
16. Golovnenkov P. V. *Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyi kodeks) Federativnoi Respubliki Germaniya: Strafgesetzbuch (StGB): nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Strafgesetzbuch (StGB): scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Available at: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Головненков-П.В.-Уголовное-уложение-ФРГ-научно-практический-комментарий-и-текст-закона-2021.pdf> (accessed 11.12.2023) [in Russian].
17. Ivanchin A. V. *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika: monografiya. Otv. red. L. L. Kruglikov* [Construction of a corpus delicti: theory and practice: monograph. L. L. Kruglikov (Ed.)]. Moscow: Prospekt, 2014, 352 p. Available at: https://litgid.com/read/konstruirovaniye_sostava_prestupleniya_teoriya_i_praktika_monografiya/page-7.php [in Russian].
18. Rarog A. I. *Printsip sistemnosti prava i razvitie ugolovnogo zakonodatel'stva* [The principle of systematicity of right and development of criminal legislation]. In: *Izbrannoe. Sbornik statei* [Selected writings. Collected works]. Moscow, 2022, pp. 201–206. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48019056&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/yhwxgr> [in Russian].
19. Zhinkin A. A. *Torgovlya lyud'mi i ispol'zovanie rabskogo truda: problemy kvalifikatsii i sootnoshenie so smezhnymi sostavami prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Human trafficking and the use of slave labor: problems of qualification and correlation with related crimes: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2006, 25 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002869720.pdf?ysclid=lv0tu2i6iq319991200 [in Russian].
20. Abubakirov F. M. *Problemy optimizatsii ugolovnoi otvetstvennosti za ispol'zovanie rabskogo truda (st. 127.2 UK RF)* [Problems of optimizing criminal liability for the use of slave labor (Article 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2011, no. 10, pp. 8–10. [in Russian].
21. Kovalenko V. I. *Diskussionnye voprosy kriminalizatsii deyanii v sfere kriminal'noi ekspluatatsii cheloveka* [Controversial issues of criminalization of acts in the field of criminal exploitation of humans]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the XVII International research and practical conference]. Moscow, 2018, pp. 222–224. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48244490>. EDN: <https://elibrary.ru/ebrihj> [in Russian].
22. *Otchety o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii za 2018–2022 gody* [Reports on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 2018–2022]. Retrieved from the official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 11.12.2023) [in Russian].
23. Mizulina E. B. *Torgovlya lyud'mi i rabstvo v Rossii: mezhdunarodno-pravovoi aspekt* [Human trafficking and slavery in Russia: international legal aspect]. Moscow: Yurist", 2006, 591 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002967234 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-106-112

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.12

Дата поступления: 17.12.2023

рецензирования: 19.01.2024

принятия: 15.03.2024

**Об эффективности норм, регламентирующих правовое положение
подозреваемого по УПК РФ и УПК ФРГ**

Н. Г. Логинова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

E-mail: nadlog71@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5269-2078>

А. Г. Трофимик

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

E-mail: alektrof@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0195-8566>. ResearcherID: AEP-4157-2022

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию уголовно- процессуального статуса подозреваемого. В статье даётся сравнение соответствующих положений УПК РФ и УПК ФРГ. На основе анализа процессуального положения подозреваемого в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии авторы приходят к выводу о том, что в отечественном процессе подозреваемый наделяется статусом на основании волеизъявления соответствующего субъекта, выраженного в одном из решений, указанных в ст. 46 УПК РФ, и не связан с фактическим подозрением. В отдельных случаях при наличии фактического подозрения не представляется возможным придать такой статус и, следовательно, разъяснить права такому участнику. По законодательству ФРГ формальное закрепление подозреваемого отсутствует, что препятствует вмешательству в права, свободы и законные интересы подозреваемого со стороны субъектов уголовного процесса. Обосновывается идея о том, что статус подозреваемого в отечественном уголовном процессе является кратковременным. Путём системного анализа действующего УПК РФ авторы пришли к выводу о том, что максимальный срок пребывания в статусе подозреваемого не может превышать 10 суток, далее должно последовать предъявление обвинения или прекращение уголовного преследования. Целью статьи является выработка предложений по совершенствованию процессуального положения подозреваемого. Авторы предлагают законодательно закрепить за правоприменителем при принятии решения о возбуждении уголовного дела или избрании меры пресечения обязанности по разъяснению прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, производству допроса в качестве подозреваемого в течение 24 часов с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, избрать одну из мер пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ.

Ключевые слова: подозреваемый; процессуальный статус; предварительное расследование; задержание, уголовный процесс Германии; участники уголовного судопроизводства.

Цитирование. Логинова Н. Г., Трофимик А. Г. Об эффективности норм, регламентирующих правовое положение подозреваемого по УПК РФ и УПК ФРГ // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-106-112>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Логинова Н. Г., Трофимик А. Г., 2024

Надежда Геннадьевна Логинова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет, 660075, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6.

Александр Геннадьевич Трофимик – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет, 660075, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.12.2023

Revised: 19.01.2024

Accepted: 15.03.2024

**On the effectiveness of the norms regulating the legal status of a suspect under
the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Code
of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany**

N. G. Loginova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

E-mail: nadlog71@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5269-2078>

A. G. Trofimik

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

E-mail: alektrof@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0195-8566>. ResearcherID: AEP-4157-2022

Abstract: The article researches the criminal procedural status of the suspect. The article provides a comparison of the relevant provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of

the Federal Republic of Germany. Based on an analysis of the procedural status of a suspect in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany, the authors come to the conclusion that a suspect in a domestic process is given status based on the will of the relevant subject, expressed in one of the decisions specified in Art. 46 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and is essentially not connected with actual suspicion; moreover, in some cases, if there is actual suspicion, it is not always possible to give such a status and, therefore, to explain the rights of such a participant. According to German legislation, there is no formal identification of a suspect, which prevents interference in the rights, freedoms and legitimate interests of a suspect by subjects of criminal proceedings. The idea is substantiated that the status of a suspect in domestic criminal proceedings is short-term. Through a systematic analysis of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the authors came to the conclusion that the maximum period cannot exceed 10 days, followed by filing charges or termination of criminal prosecution. The purpose of the article is to develop proposals for the legislator to improve the procedural status of the suspect, such as legislatively establishing the duty of the law enforcement officer, when deciding to initiate a criminal case or select a preventive measure, to simultaneously explain the rights provided for in Art. 46 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and interrogation as a suspect within 24 hours from the moment of initiation of a criminal case against a specific person, the selection of one of the preventive measures in accordance with Art. 100 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: suspect; procedural status; preliminary investigation; detention; criminal proceedings in Germany; participants in criminal proceedings.

Citation. Loginova N. G., Trofimik A. G. *Ob effektivnosti norm, reglamentiruyushchikh pravovoe polozhenie podozrevaemogo po UPK RF i UPK FRG* [On the effectiveness of the norms regulating the legal status of a suspect under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-106-112> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Loginova N. G., Trofimik A. G., 2024

Nadezda G. Loginova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Siberian Federal University, 6, Maerchaka Street, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation

Alexander G. Trofimik – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Siberian Federal University, 6, Maerchaka Street, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation.

Одним из сложных вопросов, касающихся действующего /связанных с действующим УПК РФ, является вопрос правового регулирования статуса подозреваемого как участника уголовного процесса. В этой связи для настоящего исследования научно-практический интерес представляет опыт Германии как родственного России правового порядка, относящегося к континентально-правовой семье. Многие положения, подходы к регулированию и уголовно-процессуальные механизмы немецкого и российского уголовного процессов аналогичны либо полностью идентичны. Правовое положение подозреваемого в России и Германии во многом схоже, но в то же время существует множество различий, актуальных для рассматриваемой проблематики. Все зависит от угла зрения на рассматриваемый правовой институт и глубины его исследования. Поэтому вопрос о соотношении правового регулирования подозреваемого имеет значение как для законотворческой, так и правоприменительной деятельности.

Несмотря на то что история развития отечественного уголовно-процессуального законодательства в части правовой регламентации статуса подозреваемого прошла долгий путь от полного отрицания до закрепления в УПК РФ, этот институт имеет ряд существенных пробелов. Не раскрывается понятие подозреваемого и порядок прекращения статуса при недоказанности оснований для предъявления обвинения; нет единообразия в части временных границ нахождения в этом статусе. Не регулируется порядок вовлечения в уголовный процесс лица, вероятно совершившего преступление, – при отсутствии оснований для применения принуждения в виде задержания и

мер пресечения, например, по преступлениям с неосторожной формой вины. Отсутствуют указания относительно получения статуса подозреваемого путем производства таких следственных действий, как освидетельствование, опознание и др. Вместе с тем российский законодатель проводит четкое разграничение между подозреваемым и обвиняемым. Однако обращает на себя внимание рассогласованность понятия «подозреваемый» в общепотребимом смысле и юридическом. Исходя из этимологического значения, подозреваемый – это «тот, на кого пало подозрение». К таким лицам в уголовном процессе могут быть отнесены, например, те, у кого полученные для сравнительного исследования образцы совпали со следами, предъявленными для опознания. В юридическом смысле подозреваемым признается лицо: 1) в отношении которого возбуждено уголовное дело; 2) которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ¹; 3) к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ; 4) которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ. Таким образом, процессуальными актами, придающими статус, соответственно выступают: 1) постановление о возбуждении уголовного дела; 2) протокол задержания, составленный в порядке ст. 92 УПК РФ; 3) постановление об избрании меры пресечения; 4) уведомление о подозрении в

¹ Особенность придания статуса по п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ состоит в том, что основания задержания по подозрению в совершении преступления, закрепленные в ч. 1 ст. 91 УПК РФ одновременно выступают и основаниями подозрения в совершении преступления конкретного лица.

совершении преступления, при производстве дознания. В. В. Кальницкий указывает: «...статус подозреваемого присваивается “косвенно”, то есть не путем прямого волеизъявления, а в связи с принятием определенного решения, направленного на выполнение других задач (возбуждение уголовного дела, недопущение уклонения от органов расследования)» [1, с. 131]. В перечисленных документах формулируется предположительный вывод о совершении преступления конкретным лицом, что свидетельствует о начале уголовного преследования в отношении конкретного лица и обуславливает возникновение прав, в том числе на защиту. Из обобщения вышеуказанных оснований следует, что подозреваемый есть участник стадии предварительного расследования, в отношении которого имеется достаточно фактических оснований считать его возможно совершившим преступление, но нет достаточных доказательств для предъявления обвинения, в том числе посредством составления обвинительного акта (постановления).

Отметим, что подозреваемый не относится к обязательным участникам стадии предварительного расследования и его появление носит временный характер. Так, в форме предварительного следствия подозреваемому при наличии достаточных доказательств предъявляется обвинение, а при их отсутствии принимается решение о прекращении уголовного дела (преследования), что находит отражение в необходимых процессуальных документах. В то время как при производстве дознания этот участник фигурирует на протяжении всего расследования и изменяет свой статус на завершающем этапе при составлении обвинительного акта (постановления).

В Германии, как и в России, дифференцируются такие участники, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный. Разумеется, правовое положение названных лиц варьируется в зависимости от стадии процесса. Для обеспечения эффективной защиты перечень прав лица, в отношении которого при наличии достаточных данных усиливается подозрение, расширяется. На этом общее заканчивается и начинаются различия, демонстрирующие основные задачи, которые связаны с присвоением и изменением процессуального статуса. Так, Я. М. Плошкина справедливо отмечает, что в уголовном процессе Германии отсутствует подозреваемый как самостоятельный участник уголовного судопроизводства с собственным набором прав и обязанностей, в отношении которого могут проводиться следственные и иные процессуальные действия и к которому применяются меры процессуального принуждения [2, с. 40].

Согласно УПК ФРГ², подозреваемый (*Verdächtiger*) – это такое лицо, которое по объективным причинам считается причастным к совершению преступления. В отношении такого лица должно быть сформировано первоначальное подозрение

(*Anfangsverdacht*, § 152 II StPO). Согласно § 152 II StPO, прокуратура, если законом не предусмотрено иное, обязана принять меры против любого преступления при наличии его достаточных фактических признаков. Под начальным подозрением, о котором говорит названный параграф, на основе доктринального и официального судебного толкования, в свою очередь, понимается совокупность достаточных фактических признаков (обстоятельств), которые на основе криминалистических знаний и опыта указывают на возможный характер участия лица в расследуемом преступном деянии [3, Rn. 111; 4, S. 152 Rn. 12; 5, S. 321]. Для обоснования начального подозрения требуется достаточная совокупность конкретных фактических данных, которые отражают вероятность совершения преступления указанным лицом. В юридической литературе отмечается, что начальное подозрение, чтобы оправдать вмешательство в права обвиняемого, неизбежное в ходе предварительного расследования, должно содержать в себе два условия: данные, на которых основывается подозрение, должны быть, во-первых, фактическими, а во-вторых, достаточными. Только при наличии этих двух условий данные, которые сами по себе едва ли могли обосновать что-то большее, нежели догадки и предположения, становятся начальным подозрением [2, с. 41].

Следовательно, подозрение (и, соответственно, подозреваемый) в Германии не процессуальная характеристика, а в большей степени существенная, криминалистическая. Наличие подозрения в отношении лица выступает материальным основанием для принятия процессуальных решений.

Казалось бы, содержание этого представленного понятия концептуально совпадает с понятием, сформулированным российским законодателем в ст. 46 УПК РФ. Действительно, в этом аспекте есть некоторые сходства. Но при дальнейшем изучении становятся очевидны различия.

Подозреваемый в Германии не только не является законодательно определенным понятием, но и вовсе не упоминается как полноценный участник процесса, обладающий специальным правовым статусом. Отдельные параграфы УПК ФРГ, такие как 55, 66, 102, 163b, называют лицо, в отношении которого имеется подозрение. К примеру, согласно §163b II Satz 2 StPO *подозреваемый* может быть задержан, если его личность не может быть установлена иначе. Тем не менее в институционализированном виде в УПК ФРГ подозреваемый (*Verdächtiger*) не упоминается.

В уголовном процессе Германии многократно упоминается обвиняемый (*Beschuldigter*), обвиняемый (*Angeschuldigter*), которому предъявлено обвинение (публичный иск при дословном переводе), и подсудимый (*Angeklagter*) [66, Rn. 102; 7, Rn. 322]. Легальной дефиниции, однако, закон также не содержит.

Под обвиняемым при буквальном толковании для целей применения УПК ФРГ понимается *подозреваемый* (то есть имеется материальное основание), в отношении которого осуществляется

² *Strafprozessordnung (StPO)* – Уголовно-процессуальный кодекс Германии.

уголовный процесс, то есть к наличию подозрения в отношении лица должен присоединиться волевой акт органа уголовного преследования (*Inkulpatationsakt*) [7, Rn. 323, 324; 8, Rn. 313].

Лицо становится обвиняемым, когда органы уголовного преследования начинают против него расследование в силу наличия первоначального подозрения. Начало расследования не обязательно требует волевого акта (или процессуального акта, например, постановления о возбуждении уголовного дела или постановления о привлечении в качестве обвиняемого, как в России) уполномоченного должностного лица. Любое формальное начало расследования или принятие меры, допустимой только в отношении обвиняемого, устанавливает статус обвиняемого. Кроме того, меры, принимаемые правоохранительным органом, которые показывают, что он считает человека возможным преступником, также инициируют против него расследование [9, Rn. 427].

Формальным началом уголовного преследования могут служить также ходатайство прокуратуры о проведении допроса следственным судьей (§ 162 StPO), приглашение лица на допросы в качестве обвиняемого, применения меры уголовно-процессуального принуждения, которая может быть назначена обвиняемому (например, заключение под стражу).

С одной стороны, начало расследования дела обвиняемого в известной степени объектом уголовного процесса³, поскольку он вынужден мириться с допустимыми мерами, ущемляющими основные права. С другой стороны, закон предоставляет ему права, посредством которых он может оказывать существенное влияние на ход судебного разбирательства – в таком случае подозреваемый рассматривается как субъект процесса. Кроме того, только показания обвиняемого могут являться средством доказывания по делу [9, Rn. 432, 434].

Заключение под стражу может быть применено только к обвиняемому, степень подозрения к которому имеет крайне высокий и – дословно: «неотложный характер» (*dringender Tatverdacht*).

Таким образом, правовое положение обвиняемого в Германии предопределено следующими предпосылками:

- начальным подозрением;
- формальным волевым актом органа уголовного преследования.

Само по себе подозрение как материальное основание, заключающееся в наличии достаточной совокупности установленных достоверных обстоятельств, указывающих на совершение преступления, с юридической точки зрения не предполагает неблагоприятных правовых последствий для подозреваемого.

Представляется, что наиболее полно и последовательно рассмотренный вопрос подозреваемого регламентирован российским законодателем.

Значимым уголовно-процессуальным институтом в законодательстве как России, так и Германии являются сроки. Предписания ст. 46 УПК РФ следует рассматривать во взаимной связи с положениями иных норм, регламентирующих временные границы нахождения лица в статусе подозреваемого. Кратковременность нахождения лица в рассматриваемом процессуальном статусе можно констатировать на основании ч. 1 ст. 100 УПК РФ, согласно которой при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого ему должно быть предъявлено обвинение не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, – в тот же срок с момента задержания.

В пользу приведенного положения свидетельствуют и предписания, содержащиеся в ч. 2 ст. 224 УПК РФ: «Если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу». Из этого можно сделать вывод о том, что лицо может находиться в процессуальном статусе подозреваемого не более 10 суток. На наш взгляд, строгими временными пределами, ограничивающими возможность пребывания лица в анализируемом статусе, законодатель стремится стимулировать правоприменителя к оперативному установлению оснований для предъявления обвинения, а при их отсутствии – к прекращению уголовного преследования. Между тем нет никаких предписаний относительно того, как поступать в случае непредъявления обвинения в 10-суточный срок при избрании меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, например, подписки о невыезде, и надлежащем поведении.

В развитие изложенного выше суждения обратимся к п. 11 ст. 5, ст. 91, 92 и 94 УПК РФ, в соответствии с которыми лицо по подозрению в совершении преступления может быть задержано не более чем на 48 часов без судебного решения. Часть 2 статьи 94 УПК РФ предписывает: «По истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении его не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания...» Из этого следует, что по решению суда лицо может находиться в статусе подозреваемого еще до 72 часов.

Однако закон не ограничивает время нахождения в статусе подозреваемого после возбуждения уголовного дела и направления уведомления о подозрении. Так, при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не существует временных ограничений по изменению или прекращению данного процессуального статуса. Таким образом, лицо может находиться в этом статусе практически до завершающего этапа расследова-

³ Объект уголовного процесса (*Objekt des Strafverfahrens*) – официально принятая юридическая формулировка в Германии.

ния, когда в большинстве случаев принимается решение о привлечении в качестве обвиняемого при производстве предварительного следствия, и фактически до окончания (до момента составления обвинительного акта – постановления) – при производстве дознания. С момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления дознавателю предписывается допросить лицо в качестве подозреваемого в течение 3 суток, однако, как и при возбуждении уголовного дела, не предусмотрено ограничений по времени нахождения в данном процессуальном статусе.

Исходя из основных положений теории уголовного процесса, неопределенно длительный период нахождения в качестве подозреваемого является существенным ущемлением его прав и законных интересов, поскольку лицо не может бесконечно долго быть в неведении относительно своего дальнейшего статуса. Кроме этого, данное обстоятельство является нарушением принципов, охраняющих права и свободы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения. Но для того, чтобы подозреваемый мог реализовать свои права, их необходимо знать, и очевидно, что ознакомление с правами должно произойти до допроса лица в качестве подозреваемого. Это позволит в случае необходимости обратиться за квалифицированной юридической помощью либо сформировать линию защиты самостоятельно, что несомненно повысит «полезную» процессуальную активность подозреваемого, например, предотвратит необоснованное привлечение в качестве обвиняемого. Между тем в ст. 46 УПК РФ не содержится указания на время, в течение которого подозреваемому необходимо вручить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения. Важное значение имеет и реализация права на защиту путем дачи показаний подозреваемым, что следует из п. 2 ч. 2 ст. 46 УПК РФ – подозреваемый вправе давать объяснения и показания относительно имеющегося в отношении его подозрения. С. Б. Россинский отмечает: «...сам допрос подозреваемого необходим не только в качестве гарантии защиты от уголовного преследования. Он, безусловно, выполняет и классическую цель любых следственных действий – получение новых сведений, имеющих значение для уголовного дела» [10, с. 129]. Однако отсутствие правового предписания относительно времени, в течение которого должен быть произведен допрос при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица и избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, позволяет органам предварительного расследования не предоставлять такой возможности длительное время. В то время как ч. 2 ст. 46 УПК РФ указывает на производство допроса в течение 24 часов с момента фактического задержания подозреваемого как обязательный элемент процессуальной формы порядка, предусмотренного ст. 92 УПК РФ. По аналогии можно заключить, что при придании

статуса подозреваемого на основании п.п. 1, 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ допрос должен последовать не позднее 24 часов. Однако, как известно, аналогия, не формирует единообразную практику, поэтому, как нам представляется, усилению процессуальных гарантий прав подозреваемого могла бы содействовать соответствующая норма закона.

Кроме прочего, вопрос, связанный с временными границами нахождения в статусе подозреваемого, является существенной проблемой в случае приостановления производства по уголовному делу по одному из оснований, предусмотренных пп. 2, 3, 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Достаточно вспомнить, что общим условием для приостановления в этих случаях законодатель предписывает наличие у лица статуса подозреваемого или обвиняемого. Между тем, в случае неподтверждения обвинения объявление розыска в отношении подозреваемого автоматически будет признано незаконным со всеми вытекающими последствиями. Аналогичная ситуация может сложиться и при применении в отношении подозреваемого таких мер принуждения, как временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ). Неопределенное время пребывания в статусе подозреваемого может породить для лица и такие неблагоприятные последствия, как предъявление гражданского иска и, как следствие, – наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ).

Представляется наиболее удачной регламентация данного вопроса в законодательстве Германии. В статусе такого подозреваемого лицо может находиться неограниченно долго, например, до момента прекращения уголовного дела. В отношении такого лица не могут быть приняты процессуальные решения или совершены процессуальные действия, которые бы означали усиление подозрения к нему. Если в свою очередь произойдет вмешательство в частную жизнь лица, затрагивающее его основные права, без формализации и перехода в официальный статус обвиняемого, то доказательства, в том числе показания, могут быть признаны недопустимыми⁴.

На основании изложенного можно заключить, что переход от криминалистической характеристики лица как подозреваемого в материальном, содержательном смысле, к процессуальному положению «официального подозреваемого», обвиняемого означает необходимость неукоснительной защиты его прав.

Анализ зарубежного опыта, не являющегося, однако, безупречным во многих отношениях, демонстрирует один из вариантов обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, при котором лицо не претерпевает негативных правовых последствий, не нуждается в реабилитации, к нему не могут быть предъявлены требования о возмещении вреда.

⁴ В Германии аналогом недопустимых доказательств является положение о запрете использования в доказывании доказательств, полученных с нарушением закона, – Beweisverwertungsverbote.

В отечественном процессе обращает на себя внимание и следующее. Законодатель, установив временные границы действия мер пресечения и мер принуждения, которые, в сущности, являются основаниями получения статуса подозреваемого и подлежат отмене при истечении срока действия, не даёт никаких разъяснений относительно самого статуса лица: нужно ли принимать решение о прекращении уголовного преследования в связи с несостоятельностью подозрения, т. е. выносить постановление о прекращении и разъяснять право на реабилитацию. Опрос следователей и дознавателей⁵ свидетельствует, что при отмене меры пресечения лицо не «выбывает» из уголовного дела, а продолжает участвовать в производстве по уголовному делу до получения достаточных доказательств для предъявления обвинения или прекращения уголовного дела (преследования). При этом на протяжении всего производства по делу все процессуальные и следственные действия выполняются с ним как с подозреваемым. С по-

⁵ Проведен опрос 12 следователей СК РФ, проходящих обучение в магистратуре СФУ (г. Красноярск) со стажем в должности от года до 5 лет.

добным положением вряд ли можно согласиться, поскольку отмена меры пресечения, которая по сути является основанием для придания статуса подозреваемого в связи с имеющимся подозрением, фактически влечёт за собой прекращение и порожденных ею правовых последствий.

Таким образом, сопоставление норм УПК РФ, регламентирующих процессуальный статус подозреваемого, с соответствующими положениями УПК ФРГ, приводит нас к выводу о том, что наиболее удачно процессуальный статус подозреваемого регламентирован в УПК РФ. Российский законодатель, в отличие от германского, делает четкое различие между подозреваемым и обвиняемым, однако в части законодательного регулирования процессуального статуса подозреваемого прослеживается очевидный пробел. Подобное положение в законе не способствует его единообразному применению, а в отдельных случаях может выступать преградой при расследовании по уголовному делу. С целью регулирования процессуального статуса подозреваемого законодательно следует внести соответствующие дополнения и уточнения.

Библиографический список

1. Кальницкий В. В. Привлечение лица к уголовному преследованию в качестве подозреваемого // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: Избранные труды. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 130–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29007621>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykucvvh>.
2. Плошкина Я. М. Учение о подозрении в уголовных процессах России и Германии // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-36-43>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ppgxlcl>.
3. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / пер. с нем. Я. М. Плошкиной; под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск, 2004. 352 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20024016>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qwevgrp>.
4. Gercke B., K.-P. Julius, Ahlbrecht H., Brauer J., Kurth H.-J. (Hrsg.) Strafprozeßordnung. Heidelberg: C. F. Müller GmbH, 2019. 2544 S. URL: https://books.google.ru/books?id=Nu9F_TX-Gc0C&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.
5. Roxin C., Schönemann. Strafverfahrensrecht. 29 Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2017. 576 S.
6. Kühne H.-H. Strafprozessrecht. Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 2015. 838 S. URL: https://books.google.ru/books?id=e9yz9afRZ0sC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.
7. Ranft O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis. Richard Boorberg Verlag, 2005. 794 S.
8. Krey V. Deutsches Strafverfahrensrecht. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 524 S. URL: https://books.google.de/books?id=1QV_DwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions.
9. Hellmann U. Strafprozessrecht. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. 387 S.
10. Россинский С. Б. О «высоком» правовом значении допроса подозреваемого (при его задержании в порядке гл. 12 УПК РФ) // Legal Concept. 2018. № 4. С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.18>.

References

1. Kalnitsky V. V. *Privlechenie litsa k ugolovnomu presledovaniyu v kachestve podozrevaemogo* [Involvement of a person in criminal prosecution as a suspect]. In: *Voprosy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva: Izbrannye trudy* [Issues of theory and practice of criminal proceedings: Selected works]. Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2016, pp. 130–136. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29007621>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykucvvh> [in Russian].
2. Ploshkina Ya. M. *Uchenie o podozrenii v ugolovnykh protsessakh Rossii i Germanii* [Suspicion in the Russian and German criminal processes]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-36-43>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ppgxlcl> [in Russian].

3. Beulke V. *Ugolovno-protsessual'noe pravo FRG. Per. s nem. Ya. M. Ploshkinoi; pod red. L. V. Maiorovoi* [Criminal procedural law of Germany. Translation from German by Ya.M. Ploshkina; *Mayorova L. V. (Ed.)*]. Krasnoyarsk, 2004, 352 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20024016>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qwevqp> [in Russian].
4. Gerecke B., Julius K.-P., Ahlbrecht H., Brauer J., Kurth H.-J. (Hrsg.) *Strafprozeßordnung*. Heidelberg: C. F. Müller GmbH, 2019. 2544 S. Available at: https://books.google.ru/books?id=Nu9F_TX-Gc0C&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.
5. Roxin C., Schünemann. *Strafverfahrensrecht*. 29. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2017. 576 S.
6. Kühne H.-H. *Strafprozessrecht*. Heidelberg: C. F. Müller Verlag, 2015, 838 S. Available at: https://books.google.ru/books?id=eqyz9afRZOsC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.
7. Ranft O. *Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis*. Richard Boorberg Verlag, 2005, 794 S.
8. Krey V. *Deutsches Strafverfahrensrecht*. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 524 S. Available at: https://books.google.de/books?id=1QV_DwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions.
9. Hellmann U. *Strafprozessrecht*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. 387 S. [in Russian].
10. Rossinskiy S. B. *O «vysokom» pravovom znachenii doprosa podozrevaemogo (pri ego zaderzhanii v poryadke gl. 12 UPK RF)* [On the «High» Legal Value of Interrogating a Suspect (While He/She is in Custody in the Procedure of Part 12 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)]. *Legal Concept*, 2018, no. 4, pp. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.18> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.34

Дата поступления: 10.01.2024

рецензирования: 17.02.2024

принятия: 15.03.2024

О конструировании состава преступления, совершенного лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии

Д. М. Семенова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: 5500diana@mail.ru

Д. А. Нуждова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nuzhdova.dasha@mail.ru

Аннотация: Авторы исследуют норму статьи 210.1 УК РФ об уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии и практику ее применения. Сделан вывод об отсутствии единообразия в толковании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Высказывается мнение о несоответствии ст. 210.1 УК РФ принципам уголовного права, прежде всего принципу справедливости, и легальному определению основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Учитывая, что уголовная ответственность должна наступать не за опасное состояние личности, а за совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, авторы предлагают исключить из УК РФ статью 210.1. Одновременно рекомендуют конструировать составы особо тяжких преступлений, дополняя их квалифицирующим (особо квалифицирующим) признаком «совершение деяния лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

Ключевые слова: общественная опасность преступления; опасное состояние личности; основание уголовной ответственности; квалификация преступления; уголовный закон; состав преступления; организованная преступность; занятие высшего положения; «преступная иерархия».

Цитирование. Семенова Д. М., Нуждова Д. А. О конструировании состава преступления, совершенного лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 113–117. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-113-117>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Семенова Д. М., Нуждова Д. А., 2024

Диана Михайловна Семенова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Дарья Андреевна Нуждова – магистрант кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 10.01.2024

Revised: 17.02.2024

Accepted: 15.03.2024

On the construction of the corpus delicti committed by a person occupying the highest position in the criminal hierarchy

D. M. Semenova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: 5500diana@mail.ru

D. A. Nuzhdova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nuzhdova.dasha@mail.ru

Abstract: The article deals with the norm of Article 210.1 of the Criminal Code of Russian Federation on criminal liability for occupying a higher position in the criminal hierarchy and the practice of its application. It is concluded that there is no

uniformity in the interpretation of the concept of «a person occupying a higher position in the criminal hierarchy» both in the theory of criminal law and in law enforcement practice. An opinion is expressed about the inconsistency of Art. 210.1 of the Criminal Code of Russian Federation to the principles of criminal law, primarily the principle of justice, and the legal determination of the basis of criminal liability (Article 8 of the Criminal Code of Russian Federation). Considering that criminal liability should arise not for a dangerous state of the individual, but for the commission of a socially dangerous act containing all the elements of a crime, the authors propose to exclude Article 210.1 from the Criminal Code of Russian Federation. At the same time, it is recommended to construct elements of especially serious crimes, supplementing them with the qualifying (especially qualifying) attribute «commitment of an act by a person occupying a higher position in the criminal hierarchy».

Key words: public danger of crime; a dangerous state of personality; the basis of criminal liability; qualification of the crime; Criminal law; the composition of the crime; organized crime; occupation of a higher position; the «criminal hierarchy».

Citation. Semenova D. M., Nuzhdova D. A. *O konstruirovanii sostava prestupleniya, sovershennogo litsom, zanimayushchim vyssheye polozheniye v prestupnoy iyerarkhii* [On the construction of the corpus delicti committed by a person occupying the highest position in the criminal hierarchy]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 113–117. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-113-117> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Semenova D. M., Nuzhdova D. A., 2024

Diana M. Semenova – Candidate of Juridical Sciences, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Daria A. Nuzhdova – master’s student of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Значительные трудности в правоприменительной практике возникают в связи с квалификацией преступлений, совершенных в составе или в связи с преступным сообществом (преступной организацией).

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за весь период действия статьи 210.1 УК РФ (с 2019 года) вынесено семнадцать приговоров, а по ч. 4 ст. 210 УК РФ – два приговора (в 2018 и 2020 году соответственно) [1]. Несмотря на небольшое число вынесенных приговоров, современные криминологические показатели указывают на повышенную общественную опасность организованной преступности, связанную в том числе с ее распространенностью. Высокий уровень общественной опасности организованной преступности подтверждается определенными изменениями законодательства и правоприменительной практики.

Так, в целях борьбы с организованной преступностью, Федеральным законом от 1 апреля 2019 года № 46-ФЗ установлена уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии в новой ст. 210.1 УК РФ. Это изменение законодательства привело к тому, что в настоящее время уголовная ответственность предусмотрена не только за фактическое осуществление руководства преступным сообществом, но и за наличие самого преступного статуса такого руководителя, что подтверждается судебной практикой.

Так, 7 октября 2020 года Московский городской суд вынес один из первых обвинительных приговоров по ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, в отношении виновного О., располагающего в отдельных сформированных кругах уголовным титулом «вора в законе» [2].

В статье 210.1 УК РФ указан специальный субъект преступления – лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, но в статье не содержится его легальное определение. В уголовно-правовой доктрине наличествуют разнообразные подходы к пониманию «преступного статуса». Одни авторы в своей позиции указывают: «Занятие высшего положения в преступной иерархии включает в себя последовательность действий, образующих способ достижения желаемого преступного результата: выдвижение кандидатуры, принятие решения по ней на воровской сходке, оповещение о присвоении лицу искомого статуса, выполнение им статусных функций» [3, с. 10]. Другие не делают акцент на действиях, а пишут о «нахождении лица на высшем месте возможного правления «профессиональной» управляемой преступной средой на всей территории Российской Федерации» [4, с. 29]. При этом отсутствует и легальное толкование таких оценочных признаков, как «преступная иерархия» и «высшее положение». По мнению П. А. Скобликова, «...специальным субъектом следует определять «выдающихся» криминальных лидеров – целеустремленных, с устойчивыми криминальными установками и хорошими организаторскими способностями, наработавших себе значительный криминальный авторитет» [7, с. 35].

Представляется, что любой статус преступника в принципе не может определяться без оценки его действий. Наличие преступного статуса у лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в наибольшей степени обусловлено новизной его общественно опасного поведения. Общественная опасность заключается в том, что эти лица являются «хранителями преступных традиций, благодаря им преступная деятельность получает устойчивость» [5, с. 468]. Повышенная

степень общественной опасности лица, занимающего лидерские позиции в преступном сообществе, детерминируется совершением тяжких или особо тяжких преступлений.

Кроме того, нередко возникают сложности с конкретизацией особого статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, поскольку ни в одном нормативном правовом акте не устанавливаются критерии такой конкретизации. Опираясь на судебную практику, полагаем, что «вором в законе» является ранее судимое лицо, имеющее соответствующий авторитет в криминальной среде. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 сентября 2022 года вынесено определение в отношении осужденного Н. Осужденный дважды отбывал наказание в местах лишения свободы и, как следует из показаний ранее допрошенных по делу лиц, в 2015 году на сходке лиц, занимающих лидирующее положение в преступной иерархии, с его согласия, был наделен статусом «положенца» по Республике Т. Свидетели из числа ранее судимых лиц узнали об этом от других осужденных и общепринятых в криминальных кругах письменных сообщений, распространяемых в местах лишения свободы. Кроме того, в соответствии с заключением эксперта, татуировки, нанесенные на тело Н., подтверждают его статус «положенца» в преступной иерархии как лица, занимающего высокое положение в преступной элите [6].

В действующем УК РФ учет общественной опасности личности противоречиво определяется для различных институтов уголовного права. Неоднозначным является вопрос об оценке опасности личности для целей обоснования уголовной ответственности. Отметим, что опасное состояние личности – это совокупность предопределяемых склонностей к совершению преступлений.

В уголовном законодательстве советского периода явно наблюдалась тенденция конструирования составов преступлений и усиления уголовной ответственности с учетом повышенной общественной опасности личности виновного. В УК РСФСР 1922 г. и в УК РСФСР 1926 г. закреплялись превентивные меры в виде системы мер социальной защиты, которые распространялись на всех лиц, совершивших общественно опасное деяние. При этом данные меры применялись и к лицам, «имеющим связь с преступником (преступной средой)». Такие меры социальной защиты были созданы в целях защиты общества от возможно совершенных преступлений, они обращены к будущему преступника [8]. Данные меры в преобладающей степени были направлены на снижение общественной опасности личности преступника, а не опасности совершенного преступления. Отметим, что допускалось признавать общественную опасность деяния вторичной, по сравнению с общественной опасностью личности виновного.

Уголовная ответственность за имеющийся криминальный статус виновного – как лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, представляется возвращением к теории «опасного состояния», легализованной в раннем советском уголовном праве. Однако установление уголовной ответственности в ст. 210.1 УК РФ находится в противоречии со ст. 8 УК РФ, где основание уголовной ответственности связано с преступлением, факт которого подтвержден составом преступления. Соответственно, без подтверждения того, что лицо, занимая в преступном сообществе высшее положение, участвует в совершении преступлений, привлечь его к уголовной ответственности нельзя.

Концепция особой опасности некоторых преступников отражается и в уголовном законодательстве зарубежных стран. Однако при ее применении всегда делается отсылка на девиантное поведение виновных лиц, особенно в случаях рецидива преступлений.

По нашему мнению, в УК РФ 1996 г., по состоянию на время его принятия, законодатель справедливо отказался от ранее известной теории «опасного состояния личности». В. Д. Филимонов справедливо заметил: «Основным критерием общественной опасности личности преступника является преступление» [9, с. 153–185]. Б. В. Волженкин отмечал, что «единственным основанием наступления уголовной ответственности и неоспоримым доказательством общественной опасности виновного является осуществление преступного посягательства» [10]. С другой стороны, необходимо принимать во внимание, что критериями общественной опасности личности преступника являются не только само совершенное преступление, но и в целом степень его опасности и вероятность совершения нового преступления в будущем.

Несовершенная конструкция состава преступления в ст. 210.1 УК РФ и правовая неопределенность этой статьи создали условия для фактической легитимизации «высшего положения в преступной иерархии». Полагаем, что наличие в УК РФ такой статьи и ее использование правоприменителями не должно выступать инструментом, подтверждающим особое положение указанных лиц в преступной среде.

Таким образом, установление уголовной ответственности за наличие у лица криминального статуса в ст. 210.1 УК РФ без учета общественной опасности преступных деяний, совершенных данным лицом, противоречит ст. 8 УК РФ, определяющей основание уголовной ответственности как совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Кроме того, эта законодательная новелла противоречит закрепленному в ст. 6 УК РФ принципу справедливости, поскольку для применения к виновному лицу наказания необходимо, чтобы оно соответствовало характеру и

степени общественной опасности совершенно-го им преступления.

Не будучи сторонниками теории «опасного состояния личности», полагаем, что эта теория не должна влиять на практику квалификации преступлений. Если нет преступления в том смысле, который определен статьями 8 и 14 УК РФ, то исключается и официальная квалификация преступления. Значит, необходимо исключить статью 210.1 из УК РФ. Одновременно в целях совершенствования и оптимизации действующего уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления, связанные с преступным сообществом

(преступной организацией), отдельные статьи Особенной части УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за совершение особо тяжких преступлений, предлагаем дополнить квалифицирующим признаком (особо квалифицирующим признаком) – «*деяние, совершенное лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии*».

Данное предложение обеспечит, с одной стороны, учет существенного изменения общественной опасности личности виновного при дифференциации уголовной ответственности, а с другой стороны, соответствие принципам уголовного права, начиная с принципа справедливости.

Библиографический список

1. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2023 годы. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 07.01.2024).
2. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/v-moskovskom-gorodskom-sude-oglashen-prigovor-v-otnoshenii-shalvy-ozmanova> (дата обращения: 07.02.2024).
3. Кондратюк С. В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 255 с. URL: <https://agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2022/Диссертация%20Кондратюк.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=48717034>. EDN: <https://elibrary.ru/izxjwy>.
4. Курочкин И. А., Столяров Д. А. Некоторые вопросы применения статьи 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // *Colloquium-journal*, 2020. № 2–12 (54). С. 29–30. DOI: <http://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-11273>. EDN: <https://elibrary.ru/ezaklr>.
5. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // *Всероссийский криминологический журнал*, 2019. Т. 13, № 3. С. 465–476. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).465-476](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476). EDN: <https://elibrary.ru/oqqzee>.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4> (дата обращения: 07.01.2024).
7. Скобляков П. А. Ужесточение ответственности по части 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации как образец современной уголовной политики и законотворчества // *Российский судья*. 2019. № 12. С. 27–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41522705>. EDN: <https://elibrary.ru/riucle>.
8. Немировский Э. Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. Петроград: Сенатская типография, 1916. 50 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/29394>.
9. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Предпосылки, содержание, критерии / отв. ред. А. Л. Ременсон. Томск: Издательство Томского университета, 1970. 275 с. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000045572?exact=ss_dateNormalized%3A1970*&f1=sm_creator%3A%22Филимонов%2C+Вадим+Донатович%22&f0=sm_type%3A%22монографии%22.
10. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2008. 969 с. ISBN: 978-5-94201-506-1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19771788>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrivb>.

References

1. *Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2008–2023 gody* [Main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2008–2023]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (accessed 07.01.2024) [in Russian].
2. *Ofitsial'nyi portal sudov obshchei yurisdiktsii goroda Moskvy* [Official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow]. Available at: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/v-moskovskom-gorodskom-sude-oglashen-prigovor-v-otnoshenii-shalvy-ozmanova> (accessed 07.01.2024) [in Russian].
3. Kondratyuk S. V. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie zanyatiya vysshego polozeniya v prestupnoi ierarkhii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminological characteristics and prevention of occupying a higher position in the criminal hierarchy: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2022, 255 p. Available at: <https://agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2022/Диссертация%20Кондратюк.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=48717034>. EDN: <https://elibrary.ru/izxjwy> [in Russian].

4. Kurochkin I. A., Stolyarov D. A. *Nekotorye voprosy primeneniya stat'i 210.1 UK RF «Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii»* [Some questions of application of Article 210.1 of the Criminal Code «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy»]. *Colloquium-journal*, 2020, no. 2–12 (54), pp. 29–30. DOI: <http://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-11273>. EDN: <https://elibrary.ru/ezaklr> [in Russian].
5. Burlakov V. N., Shchepelkov V. F. *Lider prestupnogo soobshchestva i osnovanie otvetstvennosti: postmodern v ugovnom prave* [Crime boss and the grounds for liability: postmodernism in criminal law]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).465-476](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476). EDN: <https://elibrary.ru/oqqzee> [in Russian].
6. *Opreделение Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 22.09.2022 № 11-UD22-34-A4* [Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 22, 2022 № 11-UD22-34-A4]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4> (accessed 07.01.2024) [in Russian].
7. Skoblikov P. A. *Uzhestochenie otvetstvennosti po chasti 4 stat'i 210 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii kak obrazets sovremennoi ugovnoi politiki i zakonotvorchestva* [Upgrading of Penalties under Part 4 Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation as an Example of the Modern Criminal Policy and Law Making]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2019, no. 12, pp. 27–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41522705>. EDN: <https://elibrary.ru/riucle> [in Russian].
8. Nemirovskiy E. Ya. *Mery sotsial'noi zashchity i nakazanie v svyazi s sushchnost'yu viny* [Social protection measures and punishment in connection with the nature of guilt]. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1916, 50 p. Available at: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/29394> [in Russian].
9. Filimonov V. D. *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika. Predposylki, sodержание, kriterii. Otv. red. A. L. Remenson* [Social danger of the criminal's personality. Prerequisites, content, criteria; A. L. Remenson (Ed.)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1970, 275 p. Available at: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000045572?exact=ss_dateNormalized%3A1970*&f1=sm_creator%3A%22Филимонов%2C+Вадим+Донатович%22&f0=sm_type%3A%22монографии%22 [in Russian].
10. Volzhenkin B. V. *Izbrannye trudy po ugovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.)* [Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr – Press, 2008, 969 p. ISBN: 978-5-94201-506-1. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19771788>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrivb> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета **Juridical Journal of Samara University**» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2023
рецензирования: XX.XX.2024
принятия: XX.XX.2024

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. ИвановСамарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., 2024

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: XX.XX.2023
Revised: XX.XX.2024
Accepted: XX.XX.2024

ARTICLE TITLES

V. V. IvanovSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, Vol. 10, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Иванов В. В., 2024

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)